

С. С. СКОРВИД

Oda ** (Пользователь)

03.05.2

Я с вами абсолютно согласна! Важно не по какой программе работает учитель, а какой он человек!

ЯЗЫКОВ

что значило называть «Допустим, был некий мимолетный моральный давления и все так обстоит, что и не хочешь, а ввязались на себя и клас. руководство, и программу супер-Фупер-нуво». От кого зависит остаться самим собой и работать по той программе, которую ты считаешь правильной? Или же ты должен быть как Кадетский институт? Дети должны выбирать, отстаивать свою позицию, идти к цели, если сами не уметь и идти против себя? Ребенок имеет право на ошибку, он растет. Учителю имеет право на ошибку? Да. Но слабый человек. Любый человек слаб и негоден на земле. Все мы люди и сбиваемся со счета. Но каждый день можем все изменить в своей жизни. Мы не можем изменить себя, но мы можем изменить свою жизнь, не дядина из горно и не тетина-коллегина и заучена...». Нет?> -)

С. С. Скорвид

**АТТРИБУТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

МИК

Москва, 2018

УДК 811
ББК 81
С44

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства Чешской Республики в г. Москве*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. Е. Ананьева*
кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Скорвид С. С.

С44 Атрибутивные посессивные конструкции в истории славянских языков / РАН. Институт славяноведения. — М.: МИК, 2018. — 188 с.

ISBN 978-5-87902-391-6

В предлагаемой монографии на материале древнеписьменных славянских языков — в первую очередь древнечешского, но также других — в сравнении с ситуацией в большинстве современных славянских языков и их диалектов анализируется историческая специфика синтаксического функционирования притяжательных и относительных прилагательных в связи с проблемой их частеречного статуса. В работе верифицируется гипотеза о принадлежности славянских притяжательных прилагательных к субстантивной парадигме, выдвинутая Н. С. Трубецким в 1937 г. применительно к старославянскому языку и развитая позднее исследователями других славянских языков с учетом прежде всего синтаксических валентностей этих морфологически адъективных дериватов существительного. Автор прослеживает далеко не прямолинейное развитие субстантивной синтаксической сочетаемости славянских притяжательных и отчасти относительных прилагательных от древнеязыкового состояния к современному, причем выясняется, что последнее лишь в некоторых случаях связано прямой исторической преемственностью с первым. В завершение автор сосредоточивает внимание на типологически интересных неизменяемых юго-западночешских диалектных формах притяжательных прилагательных на *-ovo/-ino* и конструкциях с ними, какие встречаются также в записях чешского переселенческого говора на Северном Кавказе. Факты иных чешских и польских говоров в России, исследуемых автором в течение ряда лет, привлекаются и в других разделах работы.

Книга представляет интерес для историков славянских языков, исследователей славянского морфосинтаксиса, типологов и специалистов по арельной лингвистике.

**УДК 811
ББК 81**

© Скорвид С. С., 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018
© ООО «МИК», 2018

ISBN 978-5-87902-391-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. История изучения славянских десубстантивных прилагательных в их отношении к парадигматике существительных	17
Глава II. Местоименная субституция (прономинализация) десубстантивных прилагательных	48
Глава III. Конструкции десубстантивных прилагательных с приложениями	72
Глава IV. Конструкции десубстантивных прилагательных с определениями несогласованного и согласованного (адъективного) типа	114
Глава V. История чешских диалектных форм на <i>-ovo/-ino</i> и их синтаксические особенности.....	148
Заключение	167
Литература	174
Источники	180

*Памяти
проф. А. Г. Широковой (1918–2003)
и доц. Я. Порака (1931–1985),
моих учителей в Москве и в Праге*

ВВЕДЕНИЕ

0.0. Предлагаемая монография представляет собой итог многолетних историко-языковых изысканий автора прежде всего как бегемиста и, шире, слависта. В ней на материале ряда древнеписьменных славянских языков — в первую очередь древнечешского, но также древнепольского, древнерусского и старославянского — в сопоставлении с современным состоянием анализируется историческая специфика синтаксического функционирования десубстантивных прилагательных (далее ДСП), принадлежащих к сфере синтаксической деривации в трактовке Е. Куриловича [Курилович 1962], или транспозиции в терминологии М. Докулила [Dokulil 1962].

Характером процесса синтаксической деривации, которая означает перевод слова в другую часть речи без изменения его лексической семантики, определяется изначальная близость подобных образований к словоизменению базовой лексемы. Иное частеречное включение производящей основы посредством производного слова служит ее адаптации к другой синтаксической функции аналогично флексиям. Параллелизм синтаксической деривации и наблюдаемых в синтаксическом аспекте словоизменительных явлений подчеркивал в своей концепции Е. Курилович. «Расширяя область деривации, можно обойтись без понятия флексии», — резюмировал он [Курилович 1962: 65].

При диахронном исследовании синтаксических особенностей ДСП мы исходим из интерпретации данных образований как переходных к субстантивному словоизменению, в структуре которого ДСП находят параллель в категории падежа. Исторически эти дериваты характеризовались наибольшей близостью к парадигме базовой лексемы в силу достаточно последовательно осуществлявшейся замены существительных в атрибутивной позиции на ДСП. Такая регулярность формировала по сути морфологический тип корреспонденции ДСП с базовой лексемой, одновременно созда-

вая предпосылки для проявления у ДСП, в противовес признакам своей части речи, также ряда частеречных свойств, внутренне существующих существительному.

Формальную и функционально-семантическую стороны взаимоотношений ДСП со словоизменением базовой лексемы в диахронном и синхронном аспектах рассматривали с тех или иных позиций многие исследователи. В данной работе предпринята попытка примирения различных подходов ученых к такому описанию ДСП и построения его выверенной с учетом всех условий модели. На первый план, однако, выдвинута задача изучения специфической сочетаемости ДСП с относящимися к имени существительному зависимыми компонентами в древних славянских языках с целью выяснения причин данного синтаксического явления и его последствий для соотношения ДСП с базовой лексемой. В связи с характерным для современных исследований возрождением идеи примарности синтаксических критериев при отождествлении единиц словоизменения (идеи, восходящей к наследию Ф. Ф. Фортунатова) ориентация работы на решение проблемы системной обусловленности наличия свойств существительных в синтаксисе ДСП на ранней ступени развития славянских языков кажется особенно значимой и актуальной.

0.1. С древних времен и поныне к существительному в разной степени тяготеют разные семантико-морфологические разряды славянских ДСП.

Ближе всего к субстантивному словоизменению стоят так наз. притяжательные прилагательные (далее ПП). Данный термин традиционно подразумевал приписывание соответствующим прилагательным значения принадлежности¹; в настоящей работе он сохра-

¹ В русской грамматике этот термин восходит к церковнославянской традиции, ср. у Мелетия Смотрицкого: *Притѣжательное ѣсть · еже вещь кѣмъ притѣжаніе знаменѣтъ: ѿко · върѣвѣнъ/ Петровъ/ Аннинъ · Отчій/ Бжій: и про*¹ [Смотрицкий 1979: 21], и по-прежнему используется, несмотря на то, что опорный для него южнославянский — точнее, балкано-славянский — глагол со значением 'принадлежать' (болг. *притежамъ*, с.-х. *pritežavati*) в русском языке отсутствует. В грамматической традиции центральноевропейских славянских языков, а также украинского и белорусского ему отвечают термины, калькирующие лат. *adjectiva possessiva*: например, чеш. *přídavná jména přívlastňovací*, пол. *przymiotniki dzierżawcze*, словен. *svojilni pridevniki*, укр. *присвійні прикметники*, бел. *прыналежа́ныя прыметнікі*. Все они, как и исходный латинский термин, своей внутренней формой также подразумевают,

няется условно — содержание самих этих образований определяется нами иначе. К разряду ПП мы относим образования от собственных и нарицательных имен со значением лица, реже животного (назовем такие существительные лексически одушевленными), большей частью мужского и женского рода¹, выражающие различные атрибутивные, а в результате трансформации исходно атрибутивных сочетаний и предикативные отношения к единичным индивидам, конкретным или осмысляемым как произвольные, но единичные же представители своего класса. С точки зрения глубинной семантики это могут быть отношения обладания (собственно посессивные), а также субъектные, объектные и иные, которые в атрибутивном сочетании стилизуются как посессивные, причем перенос ПП в предикативную позицию возможен в обоих случаях, ср. рус. *отцовы вещи* (посессивное отношение) / *отцовы хлопоты* (глубинно субъектное отношение) → *Эти вещи/заботы — отцовы, не мои*.

Характерное для ПП совмещение значения отношения и числового значения (сингулятивности) говорит об изоморфизме содержания ПП «двуединой» падежно-числовой семантике элементов субстантивного словоизменения.

Формально категорию ПП в славянских языках отличают особые показатели. Исторически за данной категорией закрепились и поныне в качестве основных маркеров ее семантической функции выступают суффиксы *-ov-* и *-in-* с разными по языкам морфонологическими вариантами и дистрибуцией: ср., например, рус. *отцов, зятев, соседкин*,

что соответствующие прилагательные обозначают принадлежность, хотя в настоящее время употребляются чисто традиционно. Так, для чешского языка еще Ф. Травничек отмечал, что «эти прилагательные могут выражать различные взаимоотношения между именем, которое они определяют, и именем, от которого образованы» [Травничек 1950: 211].

¹ ПП от существительных грамматически среднего рода редки, однако возможны. Например, В. И. Даль для русского языка приводил в словарной статье *Дитя* прилагательное *дитятинь*, ему *принадлежащий* [Даль 1978: 437]. Это, казалось бы, устаревшее образование встретилось и в современном узусе — правда, в ироническом контексте: *Главное тут, маманя, не Ваш комфорт, а дитятинь* (<http://club.passion.ru/vse-malyshah/son-smena-pelenok-t22275.html>). Аналогично в современном чешском языке, вопреки утверждению Ф. Травничека об отсутствии ПП на *-ův* у существительного среднего рода *dítě* ‘ребенок’ [Травничек 1950: 208], такое ПП изредка употребляется в интернет-текстах, например: *Do 18-ti let bude bydlet s matkou, matka bude dítěťův poručník...* ‘До 18 лет она будет жить с матерью, мать будет опекуном (её) ребенка...’ (<http://www.emimino.cz/diskuse/co-bude-228465/>).

*старостин*¹ и чеш. *otcův, zeřův, sousedčín, starostův*. На периферию перед этой парой морфем отступили еще в древности иные средства, некогда использовавшиеся при образовании ПП. Изолированные, реликтовые случаи их реализации в системе ПП сохраняются и в современных языках, ср. рус. *Господень* (суффикс *-ьн'-), рус. *Божий*, чеш. *Boží* (суффикс *-ьj-, в чешском языке издавна поглощенный окончанием), чеш. неизменяемое *Páně/páně* 'Господень' и устар. 'господина...' в аппозитивных сочетаниях (образование с чередованием согласного в исходе основы в результате давней йотации).

Морфологическим показателем категории ПП, далее, служил и во многих славянских языках поныне служит особый комплекс окончаний. Так, еще в период возникновения первых славянских письменных памятников у ПП оставались единственно возможными окончания именного склонения. Формы с так наз. местоименными (т. е. генетически включающими местоимения) окончаниями со временем проникали в отдельные звенья склонения ПП, семантически не дифференцируясь с именными. Тем самым формировался смешанный тип склонения ПП, в первую очередь

¹ В данной работе не рассматривается подробно вопрос о продуктивности и стилистическом статусе ПП в различных современных славянских языках. Разумеется, ПП в русском и чешском с этой точки зрения не вполне соотносительны: так, рус. *старостин* (двор и т. п.) в наши дни может быть употреблено в качестве ПП разве только в архаическом стиле, как историзм, а ПП *sousedčín* принадлежит разговорной речи (в чешском языке, напротив, ПП *starostův* и *sousedčín* стилистически нейтральны). Лишь попутно заметим в этой связи, что наблюдающееся в современном русском языке ограничение продуктивности образования ПП кругом существительных мужского и женского рода, употребительных в разговорно-фамильярном стиле, которые в подавляющем большинстве относятся к I склонению и, соответственно, образуют ПП с суффиксом *-ин-*, по-видимому, приводит к распространению этого суффикса также у существительных II склонения. Впрочем, данная тенденция в русском языке берет начало по меньшей мере в XVIII в. Так, авторы проекта словаря «Риторика М. В. Ломоносова» среди приводимых ученых примеров метонимии цитируют такой: *Егда преименуется чрез стяжателя вещь притяжательная. Наприклад: да хранится кийжедо, егда сосед горит, сиречь соседин дом* [Риторика 2013: 93]; ср. с этим употребление, встретившееся нам в интернет-чате: *ушла попробовать соседин дом*. Другие примеры из литературных произведений авторов XX в. *Павликин рассказ* (Л. Чарская); *котёнкина мать* каждый день приносила своему сыну пойманных мышей (С. Баруздин); *Лишь свистят над ротационкой ноздри метранпажины; Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь, грязные...* (В. Маяковский) и более современные: название сказки С. Козлова «Ёжикина радость» и поставленного по ней спектакля московского Театра кукол им. С. В. Образцова «Ёжикино лето».

на *-ov-* и *-in-*, сохраняющийся во многих языках до современного этапа. В этом типе произошла стабилизация древних именных флексий в формах прежде всего прямых падежей (обоих чисел) и отчасти косвенных падежей единственного числа — здесь лишь в консервативных языковых системах, ср. рус. *отцов*, род. п. ед. ч. *отцова*, дат. п. ед. ч. *отцову*, но *папин*, *папиного*¹, *папиному*; чеш. лит. *otcūv*, род. п. ед. ч. *otcova*, дат. п. ед. ч. *otcovu*, местн. п. ед. ч. *otcově/otcovu*... при обиходном *tatínkūv*, *tatínkovýho*, *-ýmu*, *-ým*. В ряде языков и диалектов, однако, и в формы прямых падежей проникли флексии местоименного типа, ср. пол. *ojców/ojcowy*, в.-луж. *nanowu*, чеш. диал. *tatínkovej*.

ПП противопоставляются относительным прилагательным (далее ОП), которые выражают отношения к классам объектов, названных базовой лексемой, без уточнения количества участников отношения, в самом общем плане. В связи с характером своей категориальной семантики ОП в высказывании способны соотноситься и с конкретным единичным денотатом либо конкретным множеством денотатов, и с абстрактным, целостно мыслимым классом, во втором случае обозначая отношение «свойственности», имеющее качественный оттенок, а порой получая и значение чистого качества. Конкретно-денотативные отношения в современных языках посредством ОП выражаются весьма ограниченно; исторически же, напротив, это был стержень всей семантической нагрузки ОП.

В прямую оппозицию с ПП вступают ОП, производные от основ лексически одушевленных существительных (далее ОПо). Семантически дифференцируясь с ПП, специализирующимися на сигнализации отношений к единичным индивидам, ОПо выражают главным образом остальные отношения, к конкретным или абстрактным множествам индивидов. Это, впрочем, не влечет за собой столь же четкой семантической специализации ОПо: при необходимости они способны нести также значение ПП.

В синхронном плане ПП, безусловно, можно охарактеризовать как маркированный член в оппозиции к ОПо. При диахронном анализе, однако, данный взгляд на ПП уместен лишь с учетом того, что

¹ Но, например, еще дед автора данной работы вполне естественно для себя писал в 1950-е гг. в воспоминаниях о своем детстве: *Между дверью папина кабинета и большой кафельной печкой помещалась собственно моя резиденция...*

для исторически наиболее древней эпохи граница между частью ПП и ОПо весьма условна. Двойное числовое значение исконно могли иметь и ПП типа ст.-сл. **правьдъничъ, брат(р)ьнѣ**. Функция ПП проявлялась у производных данного типа в чистом виде исключительно в круге лексем, обозначающих относительно или абсолютно единичные индивиды, ср. ст.-сл. **авраамѣ, отъчъ/отънѣ** и т. п. Конкуренция со стороны ПП на *-ov-* и *-in-* со стабильной семантикой у указанных существительных обуславливала утрату большей части таких древнейших образований, у других же они перемещались в категорию ОПо. В частности, в древнечешском языке именно к ОПо следует отнести образования с чередованиями согласных в исходе основы типа *kněží, kniežecí* 'княжий', 'княжеский'. Выражая широкие отношения к множествам индивидов и лишь в меньшей степени к единичным индивидам, они получали окончания исключительно местоименного склонения, как и все ОПо.

Исторически основным маркером закрепленной за ОПо функции стал суффикс *-sk-* (< **-bšk-*). Распространяясь за пределами круга древнейших ОПо, типа ст.-сл. **людьскъ**, др.-чеш. *ludský*, он вторично присоединялся также и к основам прилагательных других типов, первоначально принадлежавших к системе ПП, ср. ст.-сл. **чловѣчьскъ, божьскъ, бѣсовьскъ, сотониньскъ** или др.-чеш. *člověčský, božský, otcovský, dětinský* 'детский'. Одновременно, однако, в древнечешском языке были представлены многочисленные ОПо на *-ovŭ* и *-inŭ*, отличавшиеся от ПП на *-ov-* и *-in-* последовательно местоименными окончаниями: например, *otcovŭ, dětinŭ* (практически синонимичные прилагательным *otcovský, dětinský*).

В стороне от числовой оппозиции ПП и ОПо с самого начала стояли ОП от других, лексически не одушевленных существительных (далее ОПн/о).

Формальные показатели категории ОПн/о в целом те же, что и у ОПо, но их иерархия здесь иная. Так, при производстве ОПн/о применяются в широком объеме лишь изредка использующиеся в подсистеме ОПо суффиксы *-n/-n'* (< **-bn-*, **-bn'*). С самого начала у ОПн/о при активности суффикса *-ov-* был низкочастотен суффикс *-in-* (в русском языке реликт этого типа представлен в прилагательном *тополинный*). На периферию системы здесь были издавна вытеснены также образования с чередованием согласных, возникшим в результате йотации (такие как рус. *вешний*, др.-рус. **лѣшини** 'лесной').

С исторически выкристаллизовавшейся системой транспозиционных типов ОПн/о соприкасаются прилагательные, производимые посредством имеющего в основном мутационную функцию суффикса, восходящего к *-*bn*-/*-*en*-. Эти образования нередко переходят от первичного значения «изготовленный/состоящий из обозначаемого исходной лексемой вещества» к выражению более широких отношений, ср. рус. *соляные копи*, чеш. *olověná hut'* ‘свинцовый завод’ и т. д. В ряде языков часть такого рода прилагательных позднего происхождения изначально входит в состав собственно ОПн/о (ср., например, польский тип *wiślany* от *Wisła*).

Пережитком древнего анимизма предстает образование от ряда существительных, не имеющих «естественного» значения одушевленности (в особенности имен собственных), ПП, которые и в этом случае обозначают отношения к единичным денотатам. Подобные дериваты, известные из истории многих славянских языков, продолжают проявляться и поныне, хотя лишь в виде аномалии, ср. чеш. *Vltavin břeh* ‘берег Влтавы’¹.

0.2. Ракурсом нашего диахронного исследования, его установкой на уточнение частеречных позиций членов системы ДСП и интерпретацию соотношения семантических показателей параллелизма названной категории субстантивному словоизменению со спецификой ее синтаксической синтагматики обусловлено использование в работе в первую очередь метода системно-структурного анализа.

Структурный анализ конкретных отношений на отдельных стадиях языковой эволюции ведется с помощью приема синхронных срезов, при интерпретации же итогов такого анализа в диахронии данный метод применяется во взаимодействии со сравнительно-историческим. Процедура внутри- и межъязыкового сравнения помогает прояснить генезис и выявить общеславянские тенденции развития описываемых систем.

¹ В. Шмилауэр приводит пример употребления этого сочетания из произведения регионального чешского прозаика конца XIX — начала XX в. К. В. Райса [Šmilauer 1971: 114]. Оно же встретилось в современном интернет-путеводителе для туристов: *Dnes je přístup do již zaniklé oblasti po zelené TZN, která kopíruje Vltavin břeh* ‘В наши дни можно попасть в исчезнувшую уже область, следуя туристским знакам зеленого цвета, копирующим берег Влтавы’ (<http://www.turistika.cz/mista/svatojanske-proudy?layout=phone>). Ср. также устар. пол. *Tam u Niemnowej odnogi...* ‘Там, у рукава Немана...’ (А. Мицкевич) и в современном верхнелужицком языке, например, топоним *Sprjewiny Dol* в соответствии с нем. *Spreetal*.

В качестве главного объекта анализа в работе привлекаются данные древнечешского языка с XIV по XVI в. Эксерпции из памятников, используемые нами на описательных этапах исследования, — в значительной части наши собственные. Этот материал мы черпали способом сплошной выборки из доступных изданий разновременных и разнообразных в жанрово-стилевом отношении древнечешских текстов, оригинальных, включая обработки, и переводных. Всего таким образом нами было обследовано более 30 томов. Конкретно это следующие источники

1) первой половины XIV в.:

апокрифические легенды о Деве Марии, об апостолах, о сошествии Святого Духа и др. (стихотворные эпические тексты житийного типа) по изд. *Cejnar J. Nejstarší české veršované legendy* (Praha, 1964);

«Александреида» (стихотворный рыцарский эпос), семь фрагментов по изд. *Vážný V. Alexandreida* (Praha, 1947);

«Хроника Далимила» (стихотворное произведение летописного жанра), в списках Кембриджском по изд. *Mourek V. E. Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského* (Praha, 1892), Лобковицком с дополнениями из других списков по изд. *Havránek B., Daňhelka J. Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila* (Praha, 1957) и Венском с реконструкцией текста на основе всех имеющихся списков по изд. *Daňhelka J., Hádek K., Havránek B., Kvítková N. Staročeská kronika tak řečeného Dalimila. Sv. 1–2. Praha, 1988.*

«Продавец мазей» (два стихотворных фрагмента пасхальной мистерии) и другие драматические тексты из того же цикла по изд. *Hrabák J. Staročeské drama* (Praha, 1950);

«Книга Розенбергов» (правовой кодекс) по изд. *Brandl V. Kniha Rožmberská* (Praha, 1872);

2) второй половины XIV в.:

легенды о св. Прокопе и св. Екатерине (стихотворные жития) по изд. *Hrabák J., Vážný V. Dvě legendy z doby Karlovy* (Praha, 1959);

«Жития святых Отцов» (патерик — перевод с латыни) по изд. *Smetánka E. Staročeské Životy svatých Otcův* (Praha, 1909);

«Тристан и Изольда» (переводной стихотворный кургузный эпос) в Страговском списке по изд. *Tichá Z. Tristram a Izalda* (Praha, 1980);

Сборник графа Баворовского (переводной цикл стихотворных и прозаических светских эпических произведений) по изд. *Loriš J. Sborník hraběte Baworowského* (Praha, 1903);

«Рай души» и иные переводные религиозно-дидактические сочинения по изд. *Menšík J. Počátky staročeské mystiky* (Praha, 1948); Сочинения Фомы Штитного — трактаты из Вышеградского сборника по изд. *Ryšánek F. Tomáš ze Štítného, Sborník Vyšehradský, I. — Text* (Praha, 1960); духовная повесть о Варлааме и Иосафате и иные сочинения по изд. *Šimek F. Tomáš ze Štítného, Knížky o hře šachové a jiné* (Praha, 1956); «Речи беседные» по изд. *Hattala M. Besední řeči Tomáše ze Štítného* (Praha 1987);

Сочинения Карла IV — собственное жизнеописание, толкование евангелия, Коронационный церемониал и другие по изд. *Emler J. Spisové císaře Karla IV.* (Praha, 1878);

3) конца XIV — начала XV в.:

«Следственная книга Розенбергов» (записи показаний обвиняемых с 1389 по 1409 и с 1420 по 1429 г.) по изд. *Mareš F. Popravčí kniha pánů z Rožmberka* (Praha, 1878);

Чешское земское право Ондржея из Дубе (юридический трактат) по изд. *Čáda F. Ondřeje z Dubé Práva zemská česká* (Praha, 1930); «Троянская хроника» (переводное прозаическое светское эпическое произведение) по изд. *Daňhelka J. Kronika Trojanská* (Praha, 1951);

переводные путеописания Марко Поло, или «Миллион», по изд. *Prášek J. V. Marka Pavlova z Benátek Milion* (Praha 1902) и так наз. Мандевилла по изд. *Šimek F. Cestopis tzv. Mandevilla* (Praha, 1911); «Ткач, или Спор жалобщика с Несчастьем» (прозаическая аллегория) по изд. *Šimek F. Tkadleček* (Praha, 1974);

сочинения Яна Гуса — трактат против ересей по изд. *Ryba B. Betlemské texty* (Praha, 1951); трактат против симонии по изд. *Gregor A. Jan Hus, Knížky o svatokupectví* (Praha, 1954); праздничные проповеди по изд. *Šimek F. Mistr Jan Hus, Česká kázání sváteční* (Praha, 1952);

часть перевода Ветхого Завета и Евангелия из Дрезденской и Оломоуцкой Библий конца XIV в. и 1417 г. (первая редакция чешской Библии) по изд. *Kyas V. Staročeská bible Dražďanská a Olomoucká. I: Evangelia. III: Genesis — Ezdráš* (Praha, 1981, 1988);

4) XV — начала XVI в.:

стихотворные и прозаические гуситские агитационные сочинения из Будишинского сборника по изд. *Daňhelka J. Husitské skladby Budyšínského rukopisu* (Praha, 1952);

стихотворные антигуситские сочинения по изд. *Svejkovský F. Veršované skladby doby husitské* (Praha, 1963);

новеллы Гинека Подебрадского по изд. *Grund A. Hunek z Poděbrad, Boccacciovské rozprávky* (Praha, 1950);

«Старые летописи чешские» (прозаические хроникальные записи о событиях с конца XIV до начала XVI в.), Вратиславский список по изд. *Šimek F. Staré letopisy české z rukopisu Vratislavského* (Praha, 1937); разночтения из других списков по изд. *Palacký F. Staří letopisové čeští od roku 1378 do 1527* (Praha, 1829).

Кроме того, среди текстов с XIV до начала XVI в. подверглись сплошной выборке отрывки из древнечешских произведений, помещенные в антологиях *Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu* (Praha, 1957) и *Výbor z české literatury doby husitské, sv. I–II* (Praha, 1963, 1964).

Материал памятников древнейшей эпохи заимствовался также из труда Я. Гебауэра *Historická mluvnice jazyka českého, IV — Skladba* (Praha, 1929), из двух вышедших томов «Древнечешского словаря» Я. Гебауэра (по факсимильному изданию Jan Gebauer. *Slovník staročeský. Díl I (A–J). Díl II (K–N)*. Praha, 1970) и из продолжающего его древнечешского словаря, издававшегося с 1968 г. коллективом Института чешского языка Чехословацкой Академии Наук (I-й сводный том: *Staročeský slovník. Na — obíjeti sě*. Praha, 1977; некоторые последующие выпуски словаря на букву O¹). Кроме опубликованных частей этого словаря, мы пользовались материалами картотеки Отдела истории языка в Институте чешского языка Чехословацкой Академии Наук в Праге. Работа в картотеке велась в 1979–1980 гг., когда Отделом истории языка руководил д-р наук Игор Немец (1924–2005). Ему, как и всему коллективу Отдела того времени, здесь хочется выразить искреннюю признательность за помощь и ценные рекомендации.

¹ В наши дни древнечешский материал, содержащийся в этих и других лексикографических источниках, оцифрован и представлен на сайте Института чешского языка *Vokabulár webový* (<http://vokabular.ujc.cas.cz/>).

С материалом канонических, датируемых эпохой до начала XVI в. древнечешских памятников мы сравнивали данные контрастных по стилю текстов XVI — начала XVII вв. Это эксцерпированная нами самостоятельно Кралицкая Библия 1579–1593 гг. по изданию 1613 г. и так наз. «черные» (следственные) книги, отражающие народный язык XVI–XVII вв., по исследованию *Oberpfalzer F. Jazyk knih černých, jinak smolných. Praha, 1935.*

Цитируемые извлечения из источников с неоднородным, двояким графическим оформлением текста в данной работе даются в стандартизированной записи, опирающейся на современные нормы чешской орфографии; при спорном прочтении тех или иных мест приводятся в ломаных скобках также подлинные написания. Все примеры сопровождают отсылающие к источникам сокращения, перечень которых, с кратким описанием каждого памятника, приложен в библиографической части работы (подробнее большинство использованных обозначений раскрывается в публикации *Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis pramenů a zkratek. Praha, 1968. S. 55–118.*) Цифрами за аббревиатурой отмечены при наших собственных извлечениях главным образом страницы изданий, лишь при цитатах из Библии — после обозначения книги — глава и стих; в других случаях отмечаются листы подлинника, в основном со ссылками на источник, из которого взята цитата (изредка только страницы источника).

Состояние в древнечешском языке сравнивается нами с состоянием в других древних славянских языках по данным памятников, почерпнутым из работ по разным языкам и дополненным нашими собственными извлечениями. Конкретно для сравнения привлечен следующий материал: древнесловацкий XV–XVII вв. по текстам из издания Я. Станислава [Stanislav III], 1957; древнепольский XV–XVII вв. по исследованию С. Шлиферштейновой [Szlifersztejnowa 1960] и иным источникам; древнерусский XI–XVII вв. по исследованиям А. А. Потебни, С. Я. Макаровой и Р. Мароевича ([Потебня 1968]; [Макарова 1954]; [Маројевић 1983^а], [Маројевић 1983^б], [Маројевић 1983^в], [Маројевић 1985]), а также по нашим собственным извлечениям из I–VI тт. серии «Памятники литературы Древней Руси» (М., 1978–1984); старославянский X–XI вв., в первую очередь по исследованию Р. Вечерки [Večerka 1957], и церковнославянский, отражающий черты сербского языка, по извлечениям Ф. Миклошича [Miklosich 1883]. Материал всех этих языков ци-

тируется в соответствии с теми же принципами, что и примеры из чешских текстов.

Состояние в древних славянских языках в работе последовательно соотносится с современным, начиная с XIX в. Совершая экскурсии в синхронию, мы также опираемся в основном на материалы других авторов, которые дополняем собственными извлечениями из художественной литературы, фольклорных и диалектных текстов.

Для компактности изложения мы пользуемся следующими сокращениями часто встречающихся лингвистических терминов (кроме трех вышеупомянутых обозначений ДСП, ПП и ОП с двумя уточняющими указаниями — ОП_о и ОП_{н/о}): И, Р, Д, В, М, Т — именительный, родительный, дательный, винительный, местный, творительный падеж; ед., мн., дв. — единственное, множественное, двойственное число; ж., м., ср. р. — женский, мужской, средний род; (не)одуш. — (не)одушевленный.

В сокращении также даются названия языков, их форм (страт) и диалектов:

англ. — английский	нем. — немецкий
бел. — белорусский	пол. — польский
болг. — болгарский	разг. — разговорный
в.-луж. — верхнелужицкий	рус. — русский
диал. — диалектный	с.-х. — сербско-хорватский
др.-греч. — древнегреческий	словен. — словенский
др.-пол. — древнепольский	слц. — словацкий
др.-рус. — древнерусский	ст.-сл. — старославянский
др.-чеш. — древнечешский	укр. — украинский
лат. — латинский	устар. — устаревшая форма
лит. — литературный	ц.-сл. — церковнославянский
литов. — литовский	ц.-слц. — центральнословацкий диалектизм
макед. — македонский	чеш. — чешский
н.-луж. — нижнелужицкий	юго-зап. чеш. — юго-западночешский диалектизм

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДЕСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПАРАДИГМАТИКЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1.1. Еще слависты XIX в. — в частности, Ф. Миклошич, Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня — отмечали давнюю склонность славянских языков избегать выражения определения существительных существительными и предпочтительность в данном случае производных от существительного прилагательных. Ф. Миклошич анализировал происхождение этой специфической особенности славянского синтаксиса в сравнительно-историческом плане, выявив остатки подобного же состояния в других индоевропейских языках, в которых впоследствии при выражении определения к существительным утвердилось употребление существительных в Р и других падежах без предлогов и с предлогами: ср. др.-греч. Νεστορέη ναῦς ‘Несторов корабль’, лат. conjux Nectorea ‘Гекторова супруга’ и т. п. [Miklosich 1883: 7]. Продолжение сравнения, начатого Ф. Миклошичем, со временем привело ученых к выводу о первичности адъективного определения по отношению к субстантивному в общеиндоевропейском языке [Hujer 1924: 16–17] или части его диалектов [Grošelj 1955].

Однако сам Ф. Миклошич не абстрагировался до конца от восприятия славянских ДСП как «замены» существительному в родительном или другом выражающем определение (адноминальном) падеже, выводимого из «стандартного» состояния в античных языках. Аналогичное понимание отношения ДСП к существительному было свойственно также Ф. И. Буслаеву (см. [Буслаев 1959: 421–422]).

Против такой точки зрения впервые выступил А. А. Потебня. Наблюдающееся на ранних стадиях развития славянских языков преимущественно адъективное выражение определения он считал исторически промежуточным типом, переходным от определения существительного существительным, уподобленным осложняемому в падеже, т. е. от паратактических сочетаний типа *дуб стол*

или *церковь Спас*, которые он признавал древнейшими, к характеризующемуся наибольшей гипотактичностью — и максимально отвлеченной семантикой выражаемого отношения — определению существительного существительным в родительном или другом падеже, т. е. к сочетаниям типа *церковь Спаса*. «Образование <...> прилагательных притяжательных и относительных заставит язык на ступени мышления гораздо более конкретного, чем нынешнее, и, хотя есть знак и гипотактичности и отвлечения, поддерживает привычку к такому конкретному мышлению», — писал он [Потебня 1968: 383, 388]. Корректируя принимаемую Ф. Миклошичем и Ф. И. Буслаевым интерпретацию ДСП как вторичной «замены» существительному в атрибутивном Р, А. А. Потебня сам термин «замена» использовал для обозначения преемственности выражения определения прилагательным по отношению к атрибутивным сочетаниям двух имеющих тождественную форму существительных.

На материале многих славянских языков лингвисты XIX в. демонстрировали также изначальное распределение ДСП и употреблявшихся в атрибутивной функции падежных форм существительных, обусловленное в основном синтаксически и почти не зависевшее от смысловых отношений вступающих в сочетание лексем. Констатировалась способность ДСП выражать самый широкий спектр отношений, характерных для атрибутивных сочетаний: от конкретных отношений происхождения, наполнения, принадлежности до абстрактных агентивных, объектных, обстоятельственных и др.

При помощи прилагательных названные отношения представлялись атрибутивно, как признак предмета, выраженного определяемым именем, конкретизирующий его (в том числе в случае обозначения весьма отвлеченных по глубинной сущности отношений). Субстантивному же выражению определения мог в тот период способствовать дуализм его функции в семантике контекста, его интерпретация в предложении еще и как предметного имени (актанта). Это функционально-синтаксическое отличие субстантивно и адъективно выраженных определений в языке «древнего строя» впервые проследил А. А. Потебня. По мысли исследователя, этот язык, «имея возможность употреблять родительный принадлежности или другой падеж объекта <...>, предпочитает ставить здесь

прилагательные <...> в силу стремления к наибольшей конкретности относительного подлежащего», т. е. определяемого адъективно выраженным признаком предмета [Потебня 1968, 409–410]. Напротив, конкретизация самого атрибута, представление его как предметного имени, по его мнению, препятствовала использованию прилагательного в случае наличия у определяющего имени своих определителей. Так, разъясняя различное выражение двух определений в контексте свѣтъъ мира сего и соль зѣмьная — Изб. 1073 г., ученый указывал: «свѣтъъ мирьнын невозможно, так как оставляет невыраженным определение объекта: мира сего» [Потебня 1968: 384].

Одновременно Ф. Миклошич и А. А. Потебня констатировали способность ДСП сочетаться с относящимися к существительному зависимыми компонентами, которая на раннем этапе развития славянских языков была характерна в первую очередь для ПП, в меньшей степени — для ОП. Распространять выраженное ими определение имени могли согласуемые адъективные компоненты в Р и практически свободно приложения, в одних случаях выступающие в форме Р, в других — также преобразующиеся в ПП. Ср. ст.-сл. и ц.-сл. примеры, приводимые Ф. Миклошичем: въ имѣ господьне. стѣворишааго небо и зѣмыж — Супр. 59, 26; въ домъ марининъ. матерѣ иоановы — ŠišAct 12, 12; въ домоу симоновѣ оусмарѣ — ŠišAct 10, 32; лоно авраамова патрнархово — NomMih 186. Конструкции ПП с приложениями сравнивались Ф. Миклошичем с конструкциями, в которых те же члены присоединялись к притяжательным местоимениям, например: образъ твон раба — Супр. 355, 18; моєю роукою павлею — ŠišColos 4, 18 [Miklosich 1883: 13–15].

Материал Ф. Миклошича дополнил, опираясь преимущественно на древнерусские памятники, А. А. Потебня. Кроме случаев прямой сочетаемости определителей отдельных перечисленных типов с ПП, он наблюдал также способность ПП и ОП соотноситься с местоимением — выступающим в последующем контексте функциональным эквивалентом субстантивной базовой лексемы. Примеры А. А. Потебни показывают, что первоначально все без ограничения ДСП могли служить «заменой» существительному, соотносимому с личным, притяжательным или относительным местоимением и/или глаголом в 3 л. ед. или мн. ч. Ср. отъ перваго лѣта Олгова поне-

же сѣде в Киевѣ /он, Олег/; поминаа слово господне иже рече... — Лавр. Лет.; за царское бесчестье, кто говоритъ противъ него за очи; о царевниныхъ покаяхъ и о житии ихъ; на <...> судовые заводы, которые /=суда/ ходять по Москвѣ рѣкъ — Котош. [Потебня 1968: 408–409].

По интерпретации А. А. Потебни, историческая способность ДСП в славянских языках сочетаться с выражающими определение к существительному зависимыми компонентами и свободно выступать в соотнесении с отсылающими к существительному местоимениями мотивировалась конкретной семантикой ДСП, т. е. тем, что «прилагательное немедленно восстанавливает в мысли субстанцию, к коей оно относится». Одновременно, возражая Ф. И. Буслаеву, ученый замечал: «Из этого не следует, что оно есть не прилагательное, а существительное или «употребляется в смысле существительного, от коего происходит» <...>, как из соответствия литов. родительных *mano, tawo, sawo, aukso* <...> славянским прилагательным <...> *мой, твой, свой, золотъ* ... не следует, что эти родительные суть не существительные, а прилагательные» [Потебня 1968: 410].

Таким образом, А. А. Потебня признавал субстантивную сочетаемость и местоименную субституцию транспозиционных ДСП естественной особенностью древнего синтаксиса славянских языков, но не считал то и другое свидетельством отождествления данной категории адъективных дериватов с существительными в частеречном отношении, а скорее усматривал в этом следствие их связи «по смыслу». Угасание же обоих явлений представлялось ему обусловленным ослаблением предметности семантики ДСП, ее «адъективизацией» как у ОП, так и у ПП. При изложенном толковании, однако, не получает объяснения отмечаемое А. А. Потебней вслед за Ф. Миклошичем наличие свойственной существительным сочетаемости у ПП в серболужицких (верхнелужицких) и словацких диалектах, типа в.-луж. *vašeho džedovy kožuch* ‘вашего деда тулуп’ (букв. *вашего дедов...*, в современной орфографии — *vašeho džědowu*), слц. *mojej mladšej sestrin muž* ‘муж моей младшей сестры’ и т. п. Эти конструкции А. А. Потебня оценивал как продолжающие древнеязыковое состояние, при этом установив важное отличие указанной сочетаемости от наблюдаемой на ранней ступени развития других славянских языков. В серболужицком

и словацком, подчеркивал исследователь, «родительный прилагательного и местоимения, относящийся к прилагательному притяжательному, ставится перед этим притяжательным <...> и таким образом входит с ним в более тесную связь» [Потебня 1968: 409].

В духе идей А. А. Потебни изначальное отношение ДСП к субстантивному Р и другим адноминальным падежам в славянских языках описывали многие позднейшие лингвисты. Однако с позиций структурализма, утвердившегося в языкознании в XX в., оказалось возможным оценивать отношение ДСП — особенно ПП — к существительному иначе, чем только как функционально-семантическую соотносительность.

1.2. Н. С. Трубецкой в своей часто цитируемой последующими авторами статье «О притяжательных прилагательных (*possessiva*) староцерковнославянского языка» (1937) высказал предположение о принадлежности ПП к парадигме лексически одушевленных существительных. Аргументируя свой взгляд, ученый указал на следующие моменты: «Прежде всего самая категория притяжательных прилагательных в наших памятниках вполне жива. Приименный (адноминальный) родительный падеж имен одушевленных употребляется, лишь если он сопровождается определительным словом (**сынъ бога живаго, домъ отъца моего**), в противном же случае он обязательно заменяется притяжательным прилагательным (**сынъ божии, домъ отъчъ**). Поэтому от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов» [Трубецкой 1987: 220].

При интерпретации ПП как категории словоизменительной парадигмы лексически одушевленных существительных в языке старейших славянских письменных памятников Н. С. Трубецкой, следовательно, исходил из двух оснований: 1) из обязательной замены существительного без зависимых компонентов в атрибутивной позиции на ПП и 2) из регулярной деривации данной категории, обеспечивающей ее обязательность. В статье Трубецкого рассматривается также распределение встречающихся в старославянских текстах словообразовательных типов ПП — образований с чередованием согласного в исходе именной основы, типа **авраамль**, и с суффиксами **-ов-**, **-ев-**, **-ин-**, **-н-** и **-ьн'**.

В посмертно опубликованной «Старославянской грамматике» Н. С. Трубецкой вновь подробно обосновал свое понимание ПП. Одновременно он подчеркивал глубокое отличие сущности ПП и ОП с суффиксами **-ьск-** и **-ьн-**, функционально большей частью также эквивалентных субстантивному Р (у лексически одушевленных существительных — Р мн.) и в данном отношении весьма схожих с ПП. Эти образования исследователь определил как «несобственные» ПП. Функция синтаксически обусловленной «замены» существительного, по тонкому наблюдению ученого, была не единственной выполняемой ОП. Помимо того, если замена существительных без зависимых компонентов на ПП происходила последовательно, то их замена на ОП «не являлась не знающим исключением законом, а была лишь тенденцией».

В теоретических комментариях к системе именного склонения Н. С. Трубецкой на примере ПП иллюстрировал интерференцию словообразования и словоизменения, в данном случае — феномен приобретения отыменными производными статуса категории словоизменительной парадигмы базовой лексемы. Форма ПП, которая отражает также различия ее родовой отнесенности, выступает в качестве чисто падежной, на месте Р ед., констатировал он [Trubetzkoy 1968: 151–152, 188–192].

К аналогичной точке зрения пришел и А. Вайан. В «Руководстве по старославянскому языку» он указывал: «употребление притяжательных прилагательных при известных условиях столь же обязательно, как и употребление падежных окончаний», из чего делал вывод: «притяжательные прилагательные дополняют именное склонение». Одновременно ученый отмечал семантическое сходство между ПП и ОП на **-ьскъ-** в случаях типа **цѣсарь нюдѣискъ**, подчеркивая, однако, что для ОП «притяжательное значение не отграничено строго от обычного значения производных прилагательных».

При характеристике своеобразного частеречного поведения ПП французский славист фиксировал также встречающиеся в старославянских текстах конструкции ПП с зависимыми компонентами, выражающими определение к существительному, «которое как бы содержится в притяжательном прилагательном», такие как **на дворъ архiereовъ. нарицаемаго канѣфа** — Зогр., Мар., Асс. Мт. 26, 3 [Вайан 1952: 157–158, 161].

Формулируя вывод о безоговорочном включении старославянских ПП в субстантивное словоизменение, Н. С. Трубецкой в связи с проводимым им требованием последовательно различать отмирающие и живые явления языка, видимо, умышленно не учитывал, что ПП в старославянском языке иногда не вполне четко дифференцировались по семантике от ОП: нередко они выражали отношения и к единичным индивидам, и к совокупностям индивидов, будучи соотносительными как с Р ед., так и с Р мн. Эта неопределенность семантики старославянских ПП, особенно образований с чередованием согласного в исходе основы типа **чълѡвѣчь**, **правдѣньчѣ**, а отчасти и ПП на **-ѡвѣ/-ѣвѣ**, позже была описана Р. Вечеркой и Н. И. Толстым ([Večerka 1957, 32–33]; [Толстой 1957, 92]). На фоне этого факта степень соприкосновения старославянских ПП со словоизменением базовой лексемы кажется ненамного большей, чем для ОП на **-ьскѣ**-, которые, выражая широкие отношения, у лексически одушевленных существительных в основном к совокупности индивидов, порой выступали и в значении ПП (на характерный случай синонимии ПП и ОПо **сынѣ чълѡвѣчь/чълѡвѣчьскѣ** обращали внимание все вышеназванные лингвисты).

Стандартизация семантики ПП сопровождалась в старославянском языке конкуренцией параллельных деривационных типов, ср. колебания **скждельничѣ/скждельниковѣ** и т. п., отмечаемые Н. С. Трубецким. Этот процесс в принципе лежал в сфере словообразования, хотя иногда находил аналогии в системе словоизменения базовой лексемы ПП¹, что подчеркивала, оспаривая словоизменительное толкование ПП Н. С. Трубецким, польская исследовательница М. Хоновска [Honowska 1963: 34].

Разработанная для старославянских ПП, остроумная гипотеза Н. С. Трубецкого тем самым представляется предвосхищающей состояние, достигнутое славянскими языками на последующих этапах эволюции, когда окончательно стабилизировалась семантика и четче определились деривационные типы ПП. Именно по этой причине точка зрения Н. С. Трубецкого на ПП со временем была признана плодотворной авторами целого ряда описаний современных славянских языков.

¹ Например, у существительных типа **нюда** конкуренция ПП **нюдинѣ/нюдовѣ** отчетливо соотносится с колебаниями окончаний **-ѣ/-ови** в Д ед.

1.3. Впервые применимость предложенной Трубецким оценки ПП к современным языкам подтвердил А. В. Исаченко в своем исследовании «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» ([Исаченко 1965: 221–223], 1-е изд. — 1954). Формы ПП в словацком, а также в чешском языке он отнес к субстантивному словоизменению, базируясь в первую очередь на регулярности деривации данной категории, обязательной для лексически одушевленных существительных. Фактор обязательности исследователь рассматривал прежде всего в плане значения ПП, которое он соотносил со значением адноминального Р ед. Показав тождество семантики ПП и Р ед., А. В. Исаченко сделал вывод: «Если в ряде случаев формы на *-ov* в словацком языке лишены ярко выраженного значения притяжательности, если они просто заменяют или дублируют приименной родительный падеж <...>, то этим самым они приобретают чисто грамматическое качество и легко могут быть включены в состав парадигмы существительного».

Характерное для словацких ПП падежное значение А. В. Исаченко справедливо считал проявлением регулярно осуществляемого замещения ими одиночных существительных в атрибутивной позиции. Одновременно ученый указывал на то, что такое замещение в словацком языке может иметь место также тогда, когда к существительному относятся зависимые компоненты в Р ед., например: *pána učiteľova palica* ‘палка господина учителя’ (букв. *господина учителя*), *nášho Jankove knihy* ‘книги нашего Янко’, *starého otcov dom* ‘дедов дом’ и т. п. (в последнем примере примечательна фразеологическая связанность сочетания *starý otec* ‘дед’). В этих хотя не слишком частых в литературном языке, однако типологически немаловажных случаях исследователь усматривал результат широкого употребления словацких ПП. При этом вопрос о взаимосвязи такой сочетаемости ПП с их отношением к субстантивному словоизменению в цитируемой работе не решался.

В принципе тождественное трактовке А. В. Исаченко мнение о месте ПП в системе чешского языка высказал, опираясь на те же основания, польский лингвист А. Сечковский [Sieczkowski 1957: 70–71].

Против точки зрения Н. С. Трубецкого и А. В. Исаченко, в особенности по отношению к ПП в современных языках, возражал П. А. Дмитриев. У ПП он подчеркивал частеречное значение при-

знака предмета — значение, проявляющееся в общем с прилагательными словоизменении, а соответственно и синтаксически. Этот фактор он поставил во главу угла при толковании сербохорватских ПП как отыменных дериватов, которые всецело отождествляются с прилагательными и противопоставляются существительному.

С исторических позиций П. А. Дмитриев рассматривал противоречащие этой оценке случаи сочетаемости ПП в сербохорватском языке с определяющими существительное зависимыми компонентами и соотношения с местоименными заместителями базовой лексемы, такие как *кума Јованова појата* 'кума Йована (букв. Йованова) повесть' (клеть, кладовая); *нарицање Марикино, која истрча...* 'плач Марики, которая выбежала...' Это устаревшее употребление П. А. Дмитриев признавал остаточным проявлением исконной семантической близости ПП к существительному. Он солидаризировался с тезисом А. А. Потебни об изначальной конкретности содержания ДСП, т. е. его предметности, предполагая, что она сказывается и у современных сербохорватских ПП пропорционально сохранению вышеуказанных особенностей их синтаксического поведения. В диахронном и синхронном аспектах он в принципе допускал грамматический характер данной составляющей семантики ПП, но ограничивал его проявление областью синтаксиса [Дмитриев 1961].

Взгляд Н. С. Трубецкого и А. В. Исаченко поддержал в полемике с П. А. Дмитриевым немецкий славист Р. Лёч в статье «Так наз. притяжательное прилагательное в славянских языках, особенно в серболужицком, и его место в системе частей речи» [Lötzsch 1965]¹. В категориальном содержании ПП он констатировал транспозицию обоих грамматических значений, присущих существительному, а именно падежа (Р) и числа (ед.), из общих же формальных свойств — рефлексацию в структуре ПП различий в родовой отнесенности базовой лексемы в современных серболужицком, словацком и чешском языках, где родом существительных обуславливается выбор суффикса ПП: «мужского» *-ov-* или «женского» *-in-*². Помимо этого к сфере явлений морфологической корреспонден-

¹ При этом, однако, он не определял ПП буквально как «факультативные варианты» или «адъективные формы существительного», вопреки краткому изложению его позиции в тезисах [Ермакова 1983: 36].

² Заметим, что в других славянских языках на дистрибуцию суффиксов ПП влияет морфологический деклинационный тип производящего существительного.

денции ПП с базовой лексемой Р. Лёч отнес специализацию ПП на выражении отношений к определенным единичным индивидам, усматривая в этом свидетельство зарождения у существительных со значением лица категории определенности/неопределенности.

С характерной для ПП ориентацией на грамматические категории базовой лексики Р. Лёч связывал и сохранение ими свойственной существительному сочетаемости с определением, приложением или придаточным определительным предложением, которая в древности была представлена во многих славянских языках, а из современных наиболее полно выявляется в верхнелужицком, ср.: *wuja Hawštynowe wino* 'вино дядюшки Августина'; *mojeje sotřiny syn* 'сын моей сестры'; *młodoh mužowe sotry* 'сестры молодого человека'; *Dubanec džědowy njedźelski kabat* 'воскресный сюртук деда из семьи Дубан'; *Wićazowy hlós, kotryž je zastupil...* 'голос Вичаза (букв. Вичазов/ый), который вошел...' Важным в частеречном отношении свойством он считал также возможность соотнесения данных адъективаций с местоименными заместителями базовой лексики. Эта черта синтаксиса ПП в современный период отражена в большей или меньшей степени во всех славянских языках, в том числе тех, где ПП малопродуктивны и низкочастотны, ср. для русского сконструированный ученым диалог: *Чья это книга? Папина. Он ее забыл.*¹

¹ Позже, развивая идеи Р. Лёча применительно к верхнелужицкому языку, Г. Фасске/Фаска в труде [Faßke 1981] выделил ПП в особую часть речи — посессивы. В его трактовке это «слова со словообразовательными формантами *-ow*, *-in* типа *nanowu* 'отцов(ский)', *sotřiny* 'сестрин'. Подобно прилагательным, посессивы характеризуются грамматическими категориями рода, числа и падежа: *sotřina kniha* 'книга сестры' — *sotřine knihi* 'книги сестры'. Как и прилагательные, они употребляются в синтаксической функции атрибута или предикатива: *nanowu klobuk* 'папина шляпа' — *klobuk je nanowu* 'шляпа — папина'. В отличие от прилагательных, посессивы обладают также субстантивными категориями рода, числа и падежа. Эти категории находят выражение в конструкциях, где посессив выступает в сочетании с атрибутом, род, число и падеж которого определяется родом, числом и синтаксической функцией исходного для посессива существительного (в глубинной структуре). Так как посессиву соответствует существительное в родительном падеже единственного числа, атрибут, определяющий посессив, принимает именно эту форму: *knjeza wučerjowa kniha* 'книга господина учителя' (букв. 'господина учителя книга'), *mojeje sotřine dźěći* 'дети моей сестры' (букв. 'моей сестрины дети'). Хотя посессивы в верхнелужицком языке конкурируют с формами родительного падежа единственного числа соответствующих существительных, замена посессива на соответствующее существительное

К мысли о дуализме частеречного статуса ПП склонялся также словацкий лингвист Й. Штолц, трактуя в близком к позиции Р. Лёча ключе субстантивную сочетаемость ПП в словацких диалектах на фоне аналогичных фактов других — прежде всего древних — славянских языков (см. [Štolc 1966: 263–267]).

Авторами указанных исследований были подробно рассмотрены различные проявления приближения ПП к субстантивному словоизменению, отраженные в разных языках в разном объеме. Но при интерпретации ПП как категории словоизменительной парадигмы базовой лексемы все названные слависты ограничивались перечислением обнаруженных объединяющих особенностей, не уточняя степень участия каждой в создании данного единства. «Платформой» для него они всё еще склонны были считать функционально-семантическую эквивалентность ПП субстантивному Р. Такое восприятие, однако, не позволяло достаточно отчетливо выявить различия между статусом ПП и ОП.

Разрабатывая для современных языков концепцию Н. С. Трубецкого, ее сторонники заостряли внимание на проявлениях предметной семантики у ПП, но не исследовали ее соотношение с адъективным характером ПП. Эта односторонность вызвала естественные возражения у П. А. Дмитриева, который смотрел на значение ПП прежде всего с точки зрения общности его частеречного представления с прилагательными. Традиционно трактовали частеречное качество ПП — продолжая принимать за главное основание их адъективное склонение — также другие исследователи, акцентирование функционально-семантическую близость ПП к субстантивному словоизменению.

Характерна в данном смысле позиция чешского лингвиста Й. Вахека, исследовавшего неизменяемые «застывшие» ПП на *-ovo/-ino*, какие выступают в юго-западных диалектах чешского языка, типа *bratrovo*, *sestřino* [Vachek 1954], [Vachek 1972]. Формы на *-ovo/-ino*, в отличие от обычных ПП, Й. Вахек оценивал как

не всегда возможна: *Tuta kniha je nanowa* 'эта книга папина', но не **Tuta kniha je nana*» [Ермакова, Недолужко, Скорвид 2017: 358–359]. Эта концепция, отмеченная как новаторская в работах [Ермакова 1983: 36], [Ермакова 1986: 225–229], в коллективной монографии [Категория 1989: 137–138], а также, например, в исследованиях [Corbett 1987: 305], [Corbett 1995: 274], однако, в целом осталась лишь фактом истории грамматической мысли в Верхней Лужице.

относящиеся к парадигме базовой лексики варианты Р ед., хотя неполноправные, со столь же ограниченными возможностями образования и употребления, что и у адъективных ПП (и в довершение с такой приметой адъективного прошлого, как начальное положение в атрибутивном сочетании, необычное для адноминального Р). Необходимой предпосылкой присоединения форм на *-ovo/-ino* к субстантивному словоизменению Й. Вахек называл именно утрату ими склонения. Сам же феномен отмирания флексий у ПП в говорах юго-запада Чехии он считал обусловленным радикальной реализацией здесь общей тенденции к ликвидации исконного именного склонения у всех адъективных слов, объясняя такой способ ее осуществления медленной заменой именных окончаний местоименными у ПП. При этом как морфологический консерватизм парадигмы ПП, с одной стороны, так и предпочтение «застывания» проникновению местоименных окончаний во все ее звенья в названных говорах, с другой, ученый связывал с функционально-семантической близостью ПП к существительному ввиду обозначения ими отношений к единичным индивидам (главным образом определенным), а не к целостно мыслимым классам. К чешским диалектным формам на *-ovo/-ino* и их трактовке Й. Вахеком мы вернемся в главе V данной работы.

Формальную и функциональную стороны поведения ПП, как и других относительных прилагательных, противопоставил Ф. Копечный в «Основах чешского синтаксиса». Не учитывая различий в семантике ПП и ОП, он на основании ее общего сходства с падежной заключил, что обе эти категории адъективных дериватов в функциональном аспекте являются единицами субстантивного словоизменения [Кореšný 1958: 16, 50, 76].

Интегральный, комплексный подход к оценке ПП и ОП отстаивал Р. Зимек. Формы ПП он, в противовес обеим полярным трактовкам, считал одним из явлений на границе грамматики с лексикой (словообразованием). Продолжая линию сравнения семантики ПП и ОП с падежной, а именно генитивной семантикой, он подчеркивал взаимосвязь значения отношения и числового значения единичности у ПП, совершенно чуждую ОП, которые большей частью реализуют значение «видового» отношения, порой приобретающее качественный оттенок, и соответственно соотносительны как с Р ед., так и с Р мн. [Zimek 1960: 151].

Напротив, чешский полонист и сорабист Я. Петр решал вопрос об отношении ПП к существительному с позиций концепции Н. С. Трубецкого, хотя вместе с тем признавал их морфологически и семантически аналогичными ОП. Трактую ПП как «посессивные формы существительных», он исходил из синтаксических свойств, которыми ПП отличаются от качественных и относительных прилагательных, таких как: 1) способность иметь при себе определение — прилагательное или местоимение, 2) соотносительность с отсылающими к существительному анафорическими местоимениями (субстантивная прономинализация) и 3) распространение придаточным определительным предложением. Первую из этих трех черт исследователь иллюстрировал современными верхнелужицким, словацким и двумя древнепольскими примерами (последние, впрочем, отражают сочетаемость ПП не с адъективным или местоименным определением, а с приложением в Р ед.), вторую — современными русским (из работы Р. Лёча) и модифицирующим его польским, третью — современными верхнелужицким, сербохорватским и древнечешским. Тем самым все три специфические особенности синтаксиса ПП были представлены Я. Петром в качестве «общеславянских», тогда как конкретно у ПП в современном польском языке, которым посвящены две его статьи, обнаруживается лишь одна из них, а именно субстантивная прономинализация. Характерно при этом, что указанные синтаксические валентности ученый в итоге связал с сохранением у ПП предметного значения существительного (см. [Petr 1968: 75], [Petr 1971: 33–35]).

При многообразии и даже полярности подходов и решений работы славистов, которые считали ПП семантически сопоставимыми с ОП, роднит недооценка разной глубины проникновения значения предметности и разного сочетания его с адъективностью у ПП и ОП. С требованием учета изменчивого соотношения между предметным и адъективным (качественным) моментами в семантике ДСП выступил, вне связи с полемикой вокруг концепции Н. С. Трубецкого, польский языковед А. Хайнц. Сам контраст таких моментов он признавал общим признаком семантики ДСП, трактуя как результат «окачества» обеднение содержания отношения, передаваемого адъективными образованиями, и стирание его предметности, проявляющееся в разном масштабе у разных классов ДСП. При бинарности семантики ДСП, постулировал

А. Хайнц, преобладание предметной или качественной составляющей зависит от контекста. Фиксирующееся у определенных типов образований ослабевание такой зависимости он считал итогом вторичного закрепления единственной контекстуальной функции за суффиксом [Heinz 1988: 206–222].

Интерпретация А. Хайнца представляется адекватной применительно к ОП, но неправомерной для ПП.

Транспозиция обоих грамматических значений существительных, падежного и числового, осуществляющаяся у ПП, показывает, что на эти образования переносится частеречное значение базовой лексемы. Формальная адекватность категории ПП, напротив, лишь ограниченно отражается на ее содержании, формируя предпосылки для проявления у данных единиц на почве значения отношения к обобщенно мыслимой особи порой также отнositельно-качественной семантики: ср. рус. *Но тогда почему же тумбы-немцы равнодушно улыбаются в свои стриженные немцевы усы на станции Фастов, когда мимо них <...> проходят петлюрины части?*; *Даже в наступающих грозowych сумерках видно было, как исчезало ее временное ведьмино косоглазие...* (М. Булгаков; оба примера — из Национального корпуса русского языка); *это не папино кино, и папы не знают, как на него реагировать* (из телевизионного интервью)¹.

Принципиально грамматическое представление значения предметности позволяет интерпретировать ПП как «ассоциированные» с парадигмой базовой лексемы варианты Р ед. (в диахронном плане, естественно, лишь после их окончательного семантического отмежевания от ОП).

¹ В первом из этих примеров речь идет об авторском расширении собственно посессивной семантики ПП (подразумеваются усы каждого отдельно взятого немца), в отличие от значения свойственности, которое выражает ОП *немецкий*; в двух других случаях действуют словообразовательные факторы: необычность ОП с суффиксом *-ский* от существительного *ведьма* и отсутствие такого ОП у существительного *папа*. Ср. также аналогичное употребление ПП от орнитонима, не имеющего ОП (оба примера — из Национального корпуса русского языка): *А в-третьих (тут мулла лукаво улыбнулся и показал на ласточкины гнезда под карнизом веранды), ласточки обязательно бы почуяли посланца шайтана...* (Ф. Искандер; расширение собственно посессивной семантики ПП на мн. ч.); *Только брови ее ласточкины дрожали, не снижая изумленной высоты* (Д. Рубина; ПП выступает в значении сравнения, притом с единичной особью).

Между тем у ОП категориально-частеречным является адъективное значение. Его комбинирование с лексической предметной семантикой производящих существительных обуславливает только функциональную близость ОП к субстантивному Р и ряду других падежей, выражающих определение. Само содержание ОП «внепадежно», т. е. не сводится к значению одного падежа, а вбирает в себя обширный набор значений разных приименных падежей, включая предложно-падежные сочетания. Одновременно у ОП отсутствует числовое значение базовой лексемы.

Квалифицирующий — относительно-качественный — компонент семантики ОП нейтрализуется только в пределах предметно актуализующих контекстов, в которых ОП обретают по существу падежные значения, а также заданное контекстом значение числа. На современном этапе встречаемость ОП в актуализующих контекстах ограничивают определенные запреты — в разных языках разные для отдельных типов ОП. Суммарно такая валентность максимально полно развита у русских ОП, причем прежде всего у ОП_о и лишь в меньшей степени у ОП_{н/о}. Ее характерным показателем является возможность заведомо исключающей качественное понимание сочетаемости ОП, такой как *sousedské děti* ‘соседей / соседа, соседки’ или *bibliotécká kniha* ‘из библиотеки’. Напротив, чешские ОП возможны в основном в сочетаниях с потенциально более общей семантикой: «заострение» значения предметности происходит в случаях ее сужения в связи с влиянием внешнего контекста. Ср. примеры: *Otcovský pohľavek... Kluk bečí...* ‘Отцовская затрещина /= отца/. Мальчишка ревет’ (Neruda 1978: 343); *Muž, který spadl z nebe, se postupně stává případem doctorským, jeptiščíným, jasnovídcovým a básníkovým...* ‘Человек, свалившийся с неба, становится постепенно предметом внимания врачей, монахини, ясновидца и поэта’ (Čapek 1975: 334); „*Chudák*“, *řekl posléze strýc*, „<...> *ona byla utkána z měsíčního světla*“. *V měsíčním světle* <...> *jel potom v drožce k domovu...* ‘Несчастлиная, — сказал наконец дядя, — она была соткана из лунного света. Потом в свете луны он ехал в пролетке домой’ (Marek 1974: 114).

В древности обозначение предметных отношений при помощи ОП было гораздо более широким и свободным во всех славянских языках. Регулярное дублирование ими атрибутивных падежей в актуализующих контекстах повышало грамматичность такой транс-

позиции существительных, обусловленной исключительно диктатом синтаксической позиции. У субкатегории ОПо на ее возрастание помимо того влияло закрепление за ОПо в оппозиции к ПП числового значения множества (при секундарной синонимии ОПо с ПП).

1.4. В историческом аспекте вопрос об отношении ДСП к существительному остается малоизученным. В старших работах его решение для разных языков было выдержано в основном в русле идей А. А. Потебни (из монографических диахронных исследований см. [Макарова 1954], [Szlifersztejnowa 1960]). Новаторское толкование исторических связей ДСП с базовой лексемой, в принципе аналогичное трактовке Н. С. Трубецкого (впрочем, без прямой опоры на оценку этим ученым статуса ПП), было дано применительно к состоянию в древнечешском языке XIV — XV вв. А. Фидлеровой в диссертационном исследовании «Деноминативные относительные прилагательные в древнечешском языке» ([Fiedlerová 1976^a], [Fiedlerová 1976^b]).

В связи с практической ориентацией работы на задачи историко-лексикографического описания ДСП А. Фидлерова стремилась определить — учитывая падежное значение указанных адъективаций — степень самостоятельности таковых как особых лексических единиц. У субкатегории ПП А. Фидлерова обнаружила нулевую степень лексикализации. Регулярная манифестация падежной и числовой семантики у ПП, находящихся в грамматически организованной дистрибуции с адноминальным Р ед., при деривационной парадигматичности ПП в сфере лексически одушевленных существительных позволила исследовательнице заключить, что эта категория входит в состав парадигмы базовой лексемы как специфический «согласуемый падеж». По интерпретации А. Фидлеровой, исторически также ОП фактически обладали чисто падежной функцией выявления актуальных отношений к единичным объектам и множествам так понимаемых объектов. В диссертации такая двойственность объясняется недостаточно отчетливым выражением значений актуальности/неактуальности, определенности/неопределенности и числовой оппозиции в древнечешском языке. Из-за проблематичности однозначной оценки степени грамматикализации семантики ОП, однако, А. Фидлерова объявила определяющим их образование, полагая, что квалифицировать ОП как

элементы лексической системы при историческом описании вынуждает отсутствие у них деривационной парадигматичности.

Конструктивный подход к оценке исторических позиций ПП и ОП в диссертации А. Фидлеровой оказался невольнo ограничен переносом акцента из сферы семантики на словообразование этих прилагательных без учета взаимосвязи между обоими аспектами. Как констатировали критики трактовки Н. С. Трубецкого, фактор наличия деривационной парадигматичности некорректно считать примарным критерием классификации ДСП. Регулярность деривации категорий ПП и ОП в синхронном и диахронном планах напрямую зависит от степени стандартизации содержания и упорядоченности употребления тех и других.

В древнечешском языке происшедшая в целом к XIV в. семантическая специализация ПП повлекла за собой ограничение типов образований в составе данной частной системы ДСП, что завершилось сведением ее исконного многообразия по сути к двум типам: ПП на *-ov-* и *-in-*. Данные два параллельных деривационных типа — носители эксплицитного значения ПП — в ходе их генерализации почти вытеснили из этой subsystemы архаические потенциально полисемичные ДСП, а именно: 1) образования с чередованием согласных вследствие давней йотации, 2) примкнувшие к ним в результате стяжения образования с поглощенным адъективными окончаниями суффиксом **-bj-* и 3) тип с суффиксом *-n'-* < **-bn'-*. Парадигматичность деривационных типов на *-ov-* и *-in-*, впрочем, утверждалась постепенно, по мере устранения периферийных образований с изначально лабильной семантикой. На их продуктивность влияли такие факторы, как продуктивность склонения мотивирующих лексем, родовые различия и лексическая семантика.

Регулярным в древнечешском языке стало образование ПП на *-ov-* и *-in-* для значительной части наименований лиц, в сущности только мужского и женского рода, нескольких рано занявших лидирующее положение типов склонения — преемников праславянских типов на **-ō*, **-ŭ*, **-’ō* и на **-ā*, **-’ā*. Альтернативные образования с чередованием согласных в исходе основы здесь издавна исчезли у всех собственных имен, хотя оставили след в топонимии, которая и впредь могла обнаруживать семантические связи с ПП. Ср.: *Když Jaromír Hradecko držíeše, jedno měšišě sě jemu libieše. Na tom miestě dvór postavi a své jmě Jaromír mu ostavi* — DaL 86 ‘Когда Яромир

держал Градецкую землю, одно место ему полюбилось. На этом месте он основал двор и оставил ему свое имя Яромирж' (ныне Яромерж на востоке Чехии, в 17 км от г. Градец-Кралове); *Před Prahu Zderadu pochovachu a proň ten kostel Zderazem nazvachu* — DaL 94 'Перед Прагой Здерада похоронили, и в его честь место, где он упокоился в костел, назвали Здраз' (исчезнувшее поселение в черте современного пражского района Нове Место). В сфере же нарицательных имен первоначально полисемичные ДСП, при определенных условиях вполне устойчиво выражавшие значение ПП, подвергаясь переосмыслению, переходили в основном в класс ОПо, получая окончания местоименного склонения (так наз. «мягкого» типа на *-í*), характерные для ОП. У ограниченного круга нарицательных наименований лица, однако, задерживалось «достраивание» собственно ПП, и старшие адъективные образования на *-í* продолжали служить средством выражения отношений к единичным индивидам, что обуславливалось особым вхождением данных существительных в числовые оппозиции.

Принадлежность немногих из подобных прилагательных к ПП предполагало значение производящей лексемы, включающее компонент единичности. Так, существительное *bóh*, по средневековым представлениям — в основном с абсолютно единичным денотатом, сохраняло ПП *boží* (при относительно-качественных, выступавших также со значением множества, ДСП *božský* и *bohový*, ср. устойчивую формулу *bóh bohový* 'deus deorum' и т. п.); существительное *pán* (*pan*) 'господин' с ситуационно единичным денотатом — неизменяемое ПП *páně* (при ОП *panský* 'господский/господ' в значении сословия, высшей шляхты).

Одновременно, однако, преобладающая часть таких прилагательных, не теряя свойств ПП, совмещала таковые со значением ОП. Образование семантически определенных ПП с суффиксом *-ov-* или *-in-* здесь, видимо, во многих случаях сдерживала несущественность количества охватываемых индивидов. Характерен дуализм функций ДСП у имен с классифицирующим значением произвольного представителя выделенного класса: ср. ДСП *člověčí*, потенциально синонимичное ОП *člověčský* (> *člověcký*) и *ľudský* (> *ľidský*). Аналогичным семантическим потенциалом обладали ДСП *chlapí*, *otročí*, *vdoví*, *nevěstčí* (от *chlap* 'холоп', *otrok* 'работник, слуга', *vdova* 'вдова', *nevěstka* 'блудница') и т. п. Возрастающей

потребностью в отчетливом обозначении единичности определялось образование в дальнейшем от многих таких имен также ПП на *-ov-/-in-*. При них, впрочем, сравнительно долго продолжали выступать в подобном же значении, актуализирующемся в контексте, старшие полисемичные ДСП, ср.: *pojem otcě a máteř děveččinu* <...> *i jidechu tu, kdež děvečka ležieše, a držě ruku děveččinu i vecě jie* — BiblOl Mc 5: 40–41 ‘Он взял отца и мать девицы, и они пошли туда, где девица лежала, и, взяв руку девицы, сказал ей...’ (*otcie a materz dyeweczfczynu, y wgidu, ruku dyeweczffczynu, y wecie giew* — BiblDrážď), аналогично *otci dyewecztynu* ‘patri puellae’ — BiblMuz Deut 22: 19, 29 (GebSlov), но *dá otci děveččiemu* и *otci dievčiemu* — BiblOl ibid.¹

Помимо этого у определенной части нарицательных наименований лица с аналогичной отвлеченной семантикой вместо отсутствующих или еще не вполне закрепившихся ПП в случае необходимости использовались ОП на *-ský*. Ср., например: *ješto sú sě neurodili* <...> *z chťenie mužského* — BiblOl J 1: 13 / *z chtyeny muzowa* — BiblDrážď, ibid. ‘которые ... ни от хотения мужа ... родились’ (список 1417 г. «возвращается» к ОП!); *Adam pro milost ženskú s ní jedl* — ZrcSpasK 3a, Výb I: 673 ‘Адам из-за любви к женщине вкусил с нею /яблоко/ (у базовой лексемы ПП с суффиксом *-in-* отсутствовало); /Kristus/ *člověčenstvie naše jest přijal* <...> *z čistého života panenského bez jejieho porušenie* — HusSvát 116 ‘человеческий наш облик принял из чистого чрева девы без нарушения ее непорочности’ (при изолированном новообразовании еще в XIV в. *pannin* /syn/ — LegJež 1b, Gebauer 1929: 158).

У названий лиц женского пола, в том числе образуемых от соотносительных мужских наименований, ПП с суффиксом *-in-* утверждались в употреблении особенно медленно. В атрибутивной позиции такие лексемы могли либо даже вынуждены были выступать в форме Р ед., например: *prozbú pokornú královny* — Troj 218 ‘из-за слезной просьбы царицы’; *přivodí příklad bezdětkyně* — HusSvát 140 ‘приводит пример бездетной женщины’; *o tom plesání a radování svatého Jana v životě matky* — HusSvát 147 ‘о ликовании

¹ Такая контекстуальная актуализация семантики прилагательных, несомненно, принадлежащих уже к разряду относительных, в чешском языке остается возможной по сей день, ср. *Lékař položil ucho na dívčí hrud, vzal ji za zápěstí...* ‘Врач приложил ухо к девичьей груди, взял ее за запястье...’ (Hrabal 1966: 191).

и радости святого Иоанна во чреве матери'. То же касается собственных имен женского рода, ср. *když jsú sě naplnili dnové očistěnie Marie* — HusSvát 128 'когда исполнились дни очищения Марии'; *do domu Marty* — HusSvát 179 'в дом Марфы'.

Формальная близость ПП у имен лица названных типов склонения к субстантивному словоизменению сказалась и в распространении нового принципа организации последнего на дистрибуцию суффиксов *-ov-* и *-in-*. В период с середины XIV до середины XV в. в древнечешских текстах прослеживается осуществлявшаяся одинаково для окончаний существительных и суффиксов ПП смена их распределения по исконным основам распределением по роду. Этот структурный сдвиг проявился у наименований мужского лица с изначально «женским» склонением на **-ā*, **-’ā* и, соответственно, с ПП на *-in-*: примкнув позднее к «мужскому» склонению, они получили ПП на *-ov-*. Ср., например, конкуренцию старшего и более нового ПП к существительному *vévoda* 'воевода': *vévodin* и *vévodóv* — PulkR 31a, 43b; архаическое ПП к существительному *jinoše* 'юноша': *duom jinošin* — BiblOl Jdc 18: 15 'дом молодого левита' и новообразование от подобного же собственного наименования *Záviše: bratři Závišovi* — Výb II/2: 108.

У наименований лица иных, непродуктивных склонений ПП на *-ov-* и *-in-*, напротив, не обнаруживали тенденции к экспансии, но порой даже устранились из употребления даже при отсутствии какой-либо адъективной компенсации.

Старые ПП теряли в первую очередь имена с основой на **-bjb* и **-bjā*, типа *Jiří*, *sudí* 'судья', *paní* 'пани, госпожа', которые, переходя к адъективной деklinации, выступали в атрибутивной позиции в Р ед. Аналогично утрату старого ПП на *-in-* существительным *host* 'гость', по-видимому, обуславливало его перемещение из исконного склонения на **-ī* в новообразованное на базе типа на **-’ō*, ср. форму Р ед. с вторичным окончанием в контексте *právo u hostě ruce* — Rožmb 94 'право на стороне (букв. в руке) гостя'.

У ряда древних имен лица среднего рода с давней основой на **-ent*, типа *dietě* 'дитя' или *kniežě* 'князь', в значении ПП продолжали употребляться образования, перешедшие в разряд ОПо на *-cí* (с давней йотацией основы), ср. *ktoz gfuu hledali duffie dietyecie* — BiblDrážď Mt 2: 20 'искавшие души Младенца' при *ješto sú hledali smrti toho děřátka* — BiblOl, ibid.; *až kniežěcie mladost minu* — AlxV

31 'когда княжья молодость миновала'. У существительного *kniežě*, однако, кроме ОПо *kniežěcí*, встретилось и окказиональное ПП *kniežětin*, ср. *kniežětin zástup* <...> *král pevně zavřel jest* — List 1394, Vyb I: 618 'полк князя король крепко обступил'.

В сфере названий животных индивидуализация одной особи при помощи ПП на *-ov-* или *-in-* вообще являлась лишь потенциальной. Формам ПП здесь наиболее часто предпочитались прилагательные на *-í*, *-ský*, *-ový*, ср. варьирование семантически маркированного ПП с нейтральным ДСП на *-í*: *jakež jest byl Jonas v břiše velrybově / welribiem*— BiblOl / BiblDrážď Mt 12: 40 'как Иона был во чреве кита'.

При индивидуализированном восприятии объекта ПП на *-ov-* (но не на *-in-*!) в древнечешском языке могли образовываться изредка, в порядке отклонения от нормы, также от основ лексически не одушевленных существительных, ср.: *zatrátím Babylonovo jmě* — Pror, BiblLitTřeb Is 14: 22 / *babylonské jméno* — BiblPad, ibid. 'истреблю имя Вавилона'; *jakož teče vosk ot obličejě ohňova* — ŽaltWittb 67, 3 / *ohněvého* — ŽaltPod, *ohně* — ŽaltKlem, ibid. 'как тает воск от лица огня'; *k opravení ohně oltářova* — ComestC 75a 'для исправления огня алтарного/алтаря'; *strom Sluncuov* — CestMil 29 'дерево Солнца' (от существительного среднего рода!).

Итак, с учетом всех описанных выше условий деривация ПП в древнечешском языке представляется находящейся в целом в русле словообразования¹, однако при отчетливо выявляемой ими

¹ Эта характеристика наблюдаемого в динамике состояния системы ПП в древнечешском языке с точки зрения их деривации примечательным образом перекликается с описанием древненовгородской и, шире, древнерусской ситуации и ее динамики в книге А. А. Зализняка: «Статус притяжательных прилагательных в др.-р. языке таков, что по крайней мере для одушевленных существительных их в принципе можно было бы рассматривать как часть словоизменительной парадигмы этих существительных (см. Трубецкой 1937). Но имеется всё же ряд особенностей, которые заметно отличают притяжательные прилагательные от обычных форм словоизменения. Во-первых, они свободно образуются только от имен собственных; от прочих одушевленных существительных они далеко не всегда образуются столь же легко и однозначно, а притяжательные прилагательные от неодушевленных существительных вообще носят лишь потенциальный характер. Во-вторых, имеются морфологические ограничения: притяжательные прилагательные не образуются от существительных адъективного склонения (т. е. субстантивированных прилагательных), например, *тысячський*, *дѣтський*, *Иваньковая* 'Иванкова жена'; сюда же отчества (позднее фамилии) типа

тенденции к морфологической парадигматичности в тесной связи с их грамматически организованной семантикой.

1.5. Исключительно на синтаксическом факторе при обосновании объединения ПП со словоизменением существительного в славянских языках, современных и одном древнем, сосредоточился И. И. Ревзин в статье «Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков». Одним из таких спорных вопросов он признал статус ПП. В качестве критерия принадлежности двух грамматических форм (слов) *x* и *y* к одной парадигме автором было выдвинуто требование, «чтобы любые слова, зависящие от *x*, могли иметь формы, зависимые от *y*, и наоборот». С опорой на работы [Lötzsch 1965], [Petr 1968], [Дмитриев 1961] и грамматики [Pauliny, Ružička, Štolc 1968], [Trávníček 1951] И. И. Ревзин констатировал наличие свойственных существительному синтаксических валентностей у ПП в ряде славянских языков, а именно в словацком (с сочетаемостью ПП типа *mojej tetkina komora* ‘кладовая моей тетки’), лужицких (под чем он подразумевал верхнелужицкий), сербохорватском, польском и чешском, современном и фрагментарно привлекаемом древнечешском (старочешском), заключая:

«Для этих языков, во всяком случае для старочешского, современного словацкого и лужицких, наше определение, действительно, подтверждает отнесение притяжательной формы к парадигме существительного, а в остальных мы имеем дело со все большим отрывом от существительного. Степень этого отрыва можно также попытаться формализовать. Основные зависимые от существительного склоняемые элементы это: а) прилагательное, б) личное местоимение в другом предложении и в) относительное местоимение. Для принадлежности к одной парадигме все эти три валентности должны быть одинаковы. Назовем расстоянием между парадигмами число позиций, где валентности разные, деленное на общее число позиций. Тогда для словацкого и лужицких языков па-

Петровъ, Ильинъ. <...>. В-третьих, существуют конкурирующие способы образования притяжательных прилагательных, причем они лишь в части случаев дают полные синонимы (например, *Давыдовъ* и *Давыжь*), а в других случаях могут различаться оттенками смысла (например, *материнъ* и *матерьнь*); как правило, семантически нетождественны остальным притяжательным прилагательным производные с суффиксом *-ьj-...*» и т. д. [Зализняк 2004: 201].

радикальное расстояние между *tetka* и *tetkin* и т. п. равно нулю, для сербского и старочешского одной трети, а для русского — двум третям. Наконец, для пар типа *отцовский* и *отец* в русском языке расстояние равно единице, ибо по всем трем позициям валентность разная» [Ревзин 1973: 45–46]¹.

Формально-синтаксическое истолкование парадигмы слова по И. И. Ревзину кажется недостаточно гибким как в синхронном, так в особенности в диахронном плане. С одной стороны, синтаксически полностью эквивалентные словоформы той или иной лексемы, корпус которых именуется нами далее «синтаксической парадигмой», не обязательно исчерпывают ее словоизменение. На периферии его могут находиться и синтаксически неполноправные единицы (как, например, обсуждаемые И. И. Ревзиным формы «второго родительного» падежа в русском языке, не сочетающиеся с прилагательными: **стакан грузинского чаю*). С другой стороны, регистрация пересечения каких-либо образований с базовой лексемой по отдельным синтаксическим свойствам сама по себе не гарантирует локализации таковых в области синтаксической парадигмы или вблизи нее. Так, при описании на базе синтаксического текста И. И. Ревзина в русском языке по сути на одном уровне с ПП окажутся и ОП: вопреки выводу ученого, что «для пар типа *отцовский* и *отец* <...> по всем трем позициям валентность разная», ОП на *-ский* также способны соотноситься с местоименными заместителями своей базовой лексемы, ср. *Не так уж много денег*

¹ Эти расчеты автор подкрепил примерами валентности а), но не двух других, у ПП в словацком языке и валентности в) — в сербохорватском (цитируя с опечаткой работу [Дмитриев 1961]). Из двух приводимых им «лужицких» примеров первый, к сожалению, погрешен (скопирован со словацкого с заменой главного слова сочетания на в.-луж. *chěža* ‘дом’ без адаптации остальных), а второй — *Koklineje sotřiny syn* ‘сын сестры женщины по фамилии Коклина’ — отражает сочетаемость ПП *sotřiny* с препозитивным несогласованным определением в Р ед., которая в перечне основных валентностей существительного не фигурирует. Из старочешского неточно цитируются примеры валентностей а) *krev* (вместо *od/e/ krve*) *Abelovy spravedlivého* ‘от крови Авеля праведного’ и в) *řěč bratrova, jenž mē je smůtil* ‘речь брата, который меня опечалил’. При этом в начале данного рассуждения «для старочешского, современного словацкого и лужицких» языков допускается «отнесение притяжательной формы к парадигме существительного», а в конце утверждается, что для старочешского и для сербского расстояние между ними равно 1/3 (какая вторая валентность ПП в сербохорватском не проиллюстрирована примером, остается неясным). У русских ПП подразумевается наличие только валентности б).

обреталось в отцовском кошельке, чтобы он сразу не заметил, как они убывают (В. Солоухин). В этом примере, одном из многих, ОП отцовский, синонимичное ПП, корреспондирует с личным местоимением он в единственном числе; встречаются, однако, и примеры соотнесения ОП на *-ский* с местоимением во множественном числе, а у некоторых таких образований в разных контекстах реализуются обе эти возможности, ср.: *А вот эта, генеральская-то, сколько он ей оставил, иди лови такого* (ОК 1990) и *С генеральскими домоганиями ракет справиться можно, припугнув их...* (НМ 2003)¹. Следует ли в свете таких примеров принять точку зрения И. И. Ревзина с оговоркой, что и для пар типа *отец — отцовский*, *генерал — генеральский* расстояние между парадигмой существительного и «притяжательной формой» в современном русском языке равно двум третям?

В любом случае можно констатировать, что славянские ПП и ОП являют собой весьма специфический феномен из области «пограничья» словообразования и морфосинтаксиса. Именно в таком ракурсе рассматривал ПП в первую очередь в верхнелужицком языке британский типолог Г. Корбетт в статье [Corbett 1987]². Вслед за И. И. Ревзиным он уделил основное внимание синтаксическим особенностям ПП, хотя коснулся также их словообразования, семантических и стилистических характеристик и не мотивированной синтаксическим окружением конкуренции ПП с Р ед. существительного в различных славянских языках. При этом важнейшим индикатором отношения ПП к субстантивному словоизменению для Г. Корбетта был комплекс синтаксических свойств, определяемых как *control possibilities*, чему соответствуют «валентности» И. И. Ревзина.

Набор свойств, обсуждаемых в текстах обоих авторов (как ранее в работах Р. Лёча и Я. Петра), идентичен. Г. Корбетт, привлекаемая помимо верхнелужицкого материал едва ли не всех современ-

¹ Здесь и выше (фраза В. Солоухина) — примеры из Национального корпуса русского языка.

² В более поздней работе [Corbett 1995] автор вернулся к славянским ПП в связи с проблемой допустимости признания их суффиксов словоизменительными показателями генитива, которые присоединяют окончания, служащие показателями согласования с главным словом сочетания, подобно тому, как это происходит в разных языках мира, характеризующихся так наз. присоединением суффиксов (*Suffixaufnahme*).

ных (преимущественно литературных) и ряда древних славянских языков, почерпнутый из имеющихся описаний, а в случае живых языков уточненный с помощью носителей-лингвистов, проанализировал корреспонденцию ПП с отсылающими к базовой лексеме личными местоимениями в посттексте, с относительными местоимениями в придаточном предложении и конструкции ПП с определениями (*attributive modifiers*), причем почти исключительно адъективными — прилагательными и притяжательными местоимениями¹. Анализ привел его к формулировке, при переводе которой можно передать стержневой для авторской концепции термин *control*, используя выражение И. И. Ревзина *зависимые элементы*: «От ПП могут зависеть определения, только если от него могут зависеть также относительные местоимения, а относительные местоимения могут от него зависеть, только если от него могут зависеть личные местоимения» (The PA can control attributive modifiers only if it can also control relative pronouns, and it can control relative pronouns only if it can also control personal pronouns) [Corbett 1987: 318].

Результаты наблюдений Г. Корбетта над синтаксическим поведением ПП в отдельных славянских языках в целом аналогичны выводам И. И. Ревзина. Практически во всех языках Г. Корбетт фиксировал способность ПП замещаться личными местоимениями (ограниченную в польском, где ПП малопродуктивны), а в верхне- и нижнелужицком, македонском (но не болгарском!), с неко-

¹ Впрочем, говоря о болгарских и македонских конструкциях, автор замечает: «вместо притяжательного местоимения может быть употреблена дативная клитика», которая, во всяком случае в разговорном болгарском, допускает трансформацию существительного в ПП: *чичовата му къща* 'дом его дяди (букв. *дядин ему дом*)'. Из македонского приводится сравнимый с этим фольклорный пример с возвратной клитикой *на мајкино си колено* 'на колено своей матери'. Со ссылкой на [Вайан 1952] и [Маројевић 1983^a] констатируется, что конструкции подобного типа были известны старославянскому и древнерусскому языкам; при этом, однако, никак не комментируется, что в них представлено несогласованное определение [Corbett 1987: 311]. Автор также сознательно оставляет без подробного рассмотрения конструкции ПП с согласуемыми причастными определениями (ссылаясь на то, что «статус причастий варьирует по языкам»), хотя указывает, что эти конструкции «возможны не только в верхнелужицком, но и в старославянском, древнепольском и древнерусском» [Corbett 1987: 322]; в итоге в таблице на с. 319 в строке Old Church Slavonic квадрат, соответствующий валентности *attributive*, не зачернен даже частично — в отличие от строки Old Russian.

торыми ограничениями в словацком, чешском, сербохорватском, русском XIX в. и без ограничений в старославянском, древнерусском и иных древних славянских языках — также относительными местоимениями в придаточном предложении. Наконец, наличие конструкций ПП с определениями (*attributive modifiers*) он выявил только в верхнелужицком, с ограничениями в словацком¹ и, как спорадическое явление, в древнерусском и ряде других языков на ранних этапах развития.

Отдавая должное широте охваченного Г. Корбеттом материала и филигранности его анализа, некоторые конкретные суждения и выводы лингвиста можно было бы оспорить. В частности, вызывает сомнения перевод сконструированного Я. Петром «модельного» польского контекста [?]*Przed nami stoi matczyny dom. Ona go chce*

¹ Рассматривая в первую очередь возможности сочетаемости ПП в литературных языках и их разговорных разновидностях, Г. Корбетт определял органичения, наблюдаемые в словацком, преимущественно как стилистические. Цитируемые им словацкие грамматисты, впрочем, расходятся в оценке конструкций типа *môjho otcova knižnica*, букв. 'моего отца библиотека', как разговорных (Л. Дюрович) либо, напротив, книжных, характерных для языка художественных произведений (Э. Паулини), или диалектных (Й. Штолц). Автор приводит также мнение А. В. Исаченко, что конструкции ПП с определением в словацком языке более частотны, если таким определением является притяжательное местоимение или если речь идет о фразеологической единице: *starého otcov dom* 'дедов (букв. *старого отцов*) дом' [Corbett 1987: 316]. Одновременно исследователь подчеркивает в качестве условия употребления ПП в словацком, как и в верхнелужицком (в конструкциях с определениями, но и без них) соотносительность с определенным единичным референтом — человеком (that there is a specific human singular referent). Обсуждая допустимые в верхнелужицком языке сочетания с ПП *mužowu* 'мужа, мужнин' он прямо говорит, что в них не может подразумеваться неопределенный референт: ⁺*někajkeho mužowe prawo*, букв. 'какого-то мужнино право' [Corbett 1987: 315, 302]. При этом в разделе о словацких ПП от внимания автора ускользает противоречащий этому пример конструкции с определением из романа Я. Есенского «Демократы» (1934–1938), приводимый А. В. Исаченко — правда, вне контекста, который довольно специфичен: — *Nemôžem trpieť, aby zavádzali naše dievčatá kadejakí doktori. <...> — Aké „naše“ dievčatá? Je Hana azda tvoja? Dievča je ničie, lepšie povedané: toho, koho samo chce. A teraz už uvidíme, či je „kadejakého doktorovo“, či kadejakého hlupákovo, mäsiarovo.* 'Я не потерплю, чтобы наших девушек сбивали с пути какие-то доктора. — «Наших» девушек? Разве Гана — твоя? Девушка ничья, точнее, она того, кого сама захочет. И мы еще посмотрим, будет ли она «какого-то доктора» (букв. *докторова*) или какого-то глупца, мясника (букв. *глупцова, мясникова*)'. Как видно из этого примера, употребление ПП в художественном произведении может подчиняться своим закономерностям.

sprzedać panu Nowakowi ‘Перед нами материн дом. Она хочет продать его пану Новаку’ с видоизменениями на ряд других славянских языков с помощью носителей и эксперимент с заменой второй его части придаточным предложением с относительным местоимением, причем мерилом допустимости тех или иных модификаций служит далеко не всегда совпадающее мнение информантов. Думается, субъективные и, возможно, стилистические факторы оказали влияние на то, что единственный македонский консультант Г. Корбетта одобрил обе модификации, а именно *Пред нас е мајчиниот стан. Таа / која што сака да го продаде* ‘Перед нами материна квартира. Она / которая хочет ее продать’, а болгарские отклонили второй вариант, с придаточным предложением, вводимым относительным местоимением *којато*, в кажущемся довольно искусственным построении с именной группой *маминият апартамент*. Вероятно, определение ПП придаточным предложением с относительным местоимением в современном болгарском языке — редкое явление, но по крайней мере как архаизм оно встречается, например, в религиозной литературе еще начала XX в., ср. в проповеди основателя общества «Верига» (после 1920 г. — «Всемирное Белое Братство) П. Дьнова 1908 г.: *вашата работа заприлича на Петровата, който потъваше само защото се усъмни* ‘ваш случай похож на случай Петра (букв. *Петров*), который стал тонуть только потому, что усомнился’ (Верига 55). Не менее изолированным и архаичным предстает чешский пример *dovolával se slov básníkůvých, který praví...* ‘он ссылался на слова поэта (букв. *поэтов*), который говорит...’, цитируемый по грамматике [Trávníček 1951], и хотя мы можем дополнить его еще одним примером из исторического романа В. Неффа «У королев не бывает ног» *krvavá práce bradýřova, který před svým krámkem trhal řvoucímu pacientovi zub* ‘кровавая работа брадобрея (букв. *брадобреева*), который перед своей цирюльней рвал орущему пациенту зуб’ (Neff 1976: 42), едва ли правомерно, исходя из этого, делать вывод о более частой сочетаемости ПП с придаточными предложениями в современном чешском языке, нежели в сербохорватском, для которого в статье [Дмитриев 1961] находим целых восемь примеров из произведений различных жанров с конца XIX до середины XX в.

С учетом сказанного представляется, что в нижеследующей таблице, помещенной на с. 319 работы Г. Корбетта, по меньшей

мере четыре строки, относящиеся к современным болгарскому, македонскому, сербохорватскому и чешскому языкам, могли бы выглядеть иначе:

	attri- butive	relative pronoun	personal pronoun
East Slavonic			
Russian			
Russian (19th century)			
Old Russian			
Belorussian			
Ukrainian			
South Slavonic			
Bulgarian			
Macedonian			
Slovenian			
Serbo-Croat			
Old Church Slavonic			
West Slavonic			
Polish			
Czech			
Slovak			
Lower Sorbian			
Upper Sorbian			

В случае древних славянских языков некоторые белые клетки в таблице и лакуны в самом тексте статьи Г. Корбетта объясняются недостаточностью его материала. Так, в древнерусском языке конструкции ПП с определениями, даже если ограничить их круг сочетаниями с адъективными словами, притом исключая прича-

ствия, были не столь редки: в соответствующем разделе нашей работы мы приведем сравнительно многочисленные примеры такой сочетаемости древнерусских ПП, а также образуемых от них патронимов. Впрочем, действительно, известен всего один довольно поздний древнерусский пример, цитируемый Г. Корбеттом вслед за А. А. Потебней, который полностью — и с точки зрения порядка слов — сопоставим с верхнелужицкими типа *mojeje sotřiny nawoženja* ‘моей сестры (букв. *моей сестрин*) жених’: за *moř Marěinyньмъ мужемъ* — Акт. ист. I, 349 /1573/. Из древнечешского языка Г. Корбетт приводит по нашей статье [Скорвид 1981] извлечение из евангельского текста *ot krvi Abelovy pravěho* — EvBeneš Mt 23: 35 ‘от крови Авеля (букв. *Авелевы*) праведного’, замечая, что эта конструкция аналогична верхнелужицким, если отвлечься от порядка слов. Между тем в той же статье содержались и редкие примеры конструкций ПП в древнечешском языке с препозитивными адъективалиями типа *ot prvého králova syna* — DaL 94 ‘о сыне первого короля’. В дальнейшем мы покажем, что верхнелужицкие и словацкие конструкции с ПП следует сопоставлять именно с такими, как древнечешская из «Хроники Далимила» и древнерусская, приводимая А. А. Потебней, которые в древних славянских языках еще единичны при господстве сочетаний ПП с постпозитивным прилагательным, и проследим их развитие из последних. Это развитие, завершившееся лишь в некоторых ареалах, а в других оставшееся маргинальным, будет представлено на фоне эволюции конструкций ПП также с несогласуемым определением и наиболее распространенных в славянских языках сочетаний ПП с приложением. Их И. И. Ревзин вообще оставил без внимания, а Г. Корбетт упомянул в конце работы после сочетаний, в которых имеет место сочинительная связь ПП с существительным в Р ед. (*conjoining of the possessive adjective and adnominal genitive*), трактуя аппозитивные сочетания как «сложения» (*compounds*), которые представляют собой особый случай неоднословного выражения «обладателя» (*multi-word possessors*). Мы, разделяя точку зрения славистов еще XIX в., полагаем, что развитие конструкций ПП с определениями и приложениями в истории славянских языков было тесно связано, хотя не оспариваем сопряжение сочетаний второго типа с сочинительными словосочетаниями, с одной стороны, и со сложениями — с другой.

Главное же возражение против подхода Г. Корбетта, И. И. Ревзина и других авторов, на чьи работы они опирались, вызывает рассмотрение в одном ряду с сочетаемостью ПП с зависимыми компонентами, хотя бы лишь адъективными, явлений распространения ПП придаточными определительными предложениями и их соотносительности с отсылающим к существительному местоимением в последующем контексте. При этом даже не столь важно, что в распоряжении обоих упомянутых лингвистов не оказалось древнечешских примеров «субстантивной прономинализации» ПП, таких как *králuov palác, v němž on přebývá* — CestMil 82 ‘дворец короля (букв. *королёв*), в котором он пребывает’ (в отличие от древнерусских и старославянских, цитируемых Г. Корбеттом вслед за А. А. Потебней и А. Вайаном), что несколько искажает картину. В действительности в истории чешского языка с самых ранних письменных памятников и поныне подобные случаи настолько частотны и выглядят настолько естественно, что авторы исторических грамматик просто не считали нужным их отмечать. На чем, однако, базируется эта естественность?

Объявляя основными зависимыми от существительного элементами прилагательное, личное местоимение в другом предложении и относительное местоимение, И. И. Ревзин умолчал о том, что у анафорических местоимений зависимость сводится исключительно к соотносительности в роде и числе, однако не в падеже. Г. Корбетт использовал термин «контролирующие возможности», вероятно, более точный в отношении местоимений, и в связи с ними затронул предложенную в статье [Postal 1969] концепцию «анафорических островов». С привлечением работ ряда других лингвистов он указал на случаи нарушения правила П. М. Постала, согласно которому, «местоимения могут анафорически отсылать ко всей семантической структуре антецедента, но не к ее части». Этому противоречит, например, такое, по мнению многих англоговорящих, приемлемое предложение: *John became a guitarist because he thought it was a beautiful instrument* ‘Джон стал гитаристом, так как думал, что это красивый инструмент’ (подчеркнуто нами)¹. В ходе последующей дискуссии об «анафорических

(полу)островах» выяснилось, что местоимения способны отсылать и к единицам, которые «просто соотносятся с частью семантической структуры антецедента» [Corbett 1987: 306]. Поскольку в обсуждаемой статье отсутствуют примеры, иллюстрирующие эту возможность, приведем наш собственный — из «Писем к римскому другу» И. Бродского в оригинале и в английском переводе: *Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом. Разыщу большой кувшин, воды налью им...; англ. I've strolled the hills. And now, this large bouquet. I'll have to find a pitcher, give them water...* Существительное *букет* здесь создает представление о цветах, и к этой части «семантической структуры антецедента» отсылает форма местоимения *им/them*.

Ввиду всех этих фактов мы считаем, что в случаях корреспонденции ПП и, как будет показано в дальнейшем, других адъективных или, реже, неадъективных образований от субстантивной основы с анафорическими местоимениями, включая относительные, речь идет не о синтаксических валентностях, свидетельствующих о принадлежности данных единиц к парадигме их базовой лексики, а о специфическом явлении, именуемом нами «неформальной кореференцией». С этих позиций мы отдельно рассмотрим местоименную субституцию славянских ДСП в прошлом и настоящем в следующей главе.

С названным явлением, однако, обнаруживает связь способность ДСП, а иногда и других производных в древних славянских языках распространяться определяющими существительное согласуемыми и несогласуемыми словами. Главы III и IV нашей работы будут посвящены выявлению системных оснований реализации этих синтаксических валентностей у ДСП.

не исключено, ср. *Похоже, вы действительно самый последовательный сталинист. Впрочем, у вас по-прежнему и портрет его* (МЭ 1991, № 16) с отсылающим к основе деривата с суффиксом *-ист*-притяжательным местоимением, совпадающим с формой Р личного местоимения *он*.

Глава II

МЕСТОИМЕННАЯ СУБСТИТУЦИЯ (ПРОНОМИНАЛИЗАЦИЯ) ДЕСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

2.0. В континуальности субстантивной прономинализации (местоименной субституции) ПП в истории славянских языков не приходится сомневаться. С древних времен до наших дней, однако, подобная субституция прослеживается далеко не только у ПП. Обширный и разнообразный материал убеждает в том, что анафорические местоимения — личные, притяжательные и указательные (в том числе, при личных формах глагола в позиции субъекта, «нулевые»), а также местоименные наречия типа *там*, как и соответствующие относительные местоимения и местоименные слова в придаточных предложениях — в славянских языках были и остаются способными отсылать к существительному, которое в предыдущем контексте представлено лишь своей основой в составе практически любого деривата либо композита или просто в родственном слове, а в ряде случаев вообще только подразумевается через указание на него при помощи контекстных средств.

Данное явление, которое мы называем неформальной кореференцией, противоречит «строгой» синтаксической норме, в связи с чем в современных славянских языках оно встречается главным образом в разговорной речи, откуда, однако, распространяется и в синтаксически более свободные стили литературного языка, такие как публицистика, художественная проза и поэзия. Некоторые типы такой кореференции, вполне обычной на ранних стадиях языкового развития, тем не менее остаются частью также и современной литературной нормы, хотя бы архаичной: ср. процитированный в предыдущей главе чешский пример конструкции ПП с придаточным предложением *práce bradýřova, který <...> trhal řvoucímu pacientovi zub*.

Рассмотрим развитие этого феномена прежде всего в истории чешского языка, затем в других древних славянских языках, а в конце представим ситуацию в славянских языках на современном этапе их развития.

2.1. В древнечешском языке субстантивная прономинализация была вполне регулярной для ПП и выступавших в их функции ОПо. Начиная с самых ранних памятников, она прослеживается у образований на *-í* с чередованием согласных в исходе основы, ср.: *až kniežčie mladost minu a smysla viece prístúpi* — AlxV 31 ‘когда княжья юность миновала, и он набрался ума’¹; *ot kněžích ran také jiskry jdiechu, že jeho ne člověka, ale ďábla mníechu* — DalC,V 114 (*kněžčích* — DalL) ‘от княжских ран сыпались такие искры, что его принимали не за человека, а за дьявола,’. Некоторые такие прилагательные засвидетельствованы и в конструкции с придаточным предложением, вводимым относительным местоимением и определяющим восстанавливаемое существительное в единственном числе, например: *jakž jest obyčej člověči, jemužto juž přide k tomu, že nevie kak řeci komu* — AlxBM 137 ‘как это в обычае человеческом, которому случается, что он не знает, как что кому сказать’ (ср. соотношение прилагательного *člověči* с притяжательным местоимением 3-го лица ед. ч., но с последующей контекстной «плюрализацией» референта: *zlí lékaři <...> neúplně zvěduce nemoc člověči anižto jeho nedostatka, i dávají lidem lékařství* — Tkadl 139 ‘горе-лекари, не вполне поняв немощь человеческую и его недуг, дают людям лекарство’).

Совершенно естественна такая соотносительность с местоимениями в единственном числе, включая вводящие определительные придаточные предложения, у прилагательного *boží*, ср. в примерах а) с притяжательным местоимением, совпадающим с формой Р ед. личного местоимения 3-го лица: *ktož jsú Boží bojovníci a zákona jeho* — KancJist, Výb II/1: 324 ‘кто суть воители Божии и его завета’; б) с относительным местоимением *jenž* в придаточном предложении: *neb nevyšla by božie spravdnost, jenž nic zlého nenechá bez pomsty* — ŠtitSáz 169b [Gebauer 1929: 155] ‘ибо не свершилась бы Божия справедливость, который ничто злое не оставляет без отмщения’ и т. п. Впрочем, в памятниках XV в. в подобных контекстах встречается также прилагательное *božský*, ср.: а) *v tom přestúpáš božskú mezi, neb on brání zabijěti* — Budyš 115 ‘в этом ты

¹ Примеры в этой главе мы переводим более или менее буквально, по возможности сохраняя ПП или ОП в подтверждение того, что те и другие, как мы подробно проиллюстрируем ниже, в современном русском языке не исключают обсуждаемой здесь субстантивной прономинализации.

преступаешь черту Божию, ибо он не велит убивать'; б) *z príkázanie Božského, jenž dí...* — JakSpas 121 'по повелению Божию, который говорит...' (в соответствии с *ex mandato Domini dicendis* в латинском оригинале этого переводного текста).

Разумеется, с самого начала такая соотносительность с местоимениями наблюдается и у собственно ПП с суффиксами *-ov-* и *-in-*. Примеры:

а) с формой (включая «нулевую») личного местоимения, указательного в функции личного или притяжательного 3-го лица в последующем контексте, ср. *když sirotek odpovedá za otcov dluh, že die: ani vědět, ani mi přikázal platiti..* — Rožmb 67 'когда сирота отвечает за отцов долг, то говорит: ничего не знаю, и он не велел мне платить'; *jest-li pšovodovo slovo, a on die...* — Dub145 'когда заслушивают истцово слово, и он говорит...'; */Herkules/ pobil Parisova děda, k tomu zabil jemu dva stríce* — AlxV 50 'Геракл убил Парисова деда и к тому же двоих дядьев его (букв. ему)'; *uslyšav slova králova Paris, rady jeho pochváli* — Troj 197 'Парис, услышав слова царевы, совет его похвалил'; *pod pokutú katovú <...>, aby mu ihned mečem hlavu ssěkl* — Trist 81 'под угрозой катовой, чтобы тот сейчас же отрубил ему мечом голову'; *když jim by Izaldina smrt známa, by tu, na tom místě, obmazána mastí balšámovú* — Trist 100 'когда им стало известно об Изольдиной смерти, она сразу, на том же месте, умащена была бальзамом'; *radu diáblovu přěsúdil, již byl člověka přělúdil* — LegKat 175 'одоле л хитрость дьявольскую, которой он обманул человека'; *hled' k Ježíšově obraně, ten tebe nemuož zklamati* — PísHusit 139 'устремись на защиту Иисусову, он тебя обмануть не может' и т. п.;

б) с относительным местоимением в придаточном предложении, ср. *to jest řeč bratrova, jenžt' mě je smútil* — OtcB 162–163 'это речь братова, который меня опечалил' (ср. *sermo erat fratris, qui me contristaverat* в латинском оригинале этого произведения); *Kaifášovo (t. biskupovo, jenž na peněžích biskupem jest jako Kaifáš) ustavenie <...> od svatého kněžstvie jest vzdáleno* — HusBlud 95 'Каиафино (т. е. епископово, который ради денег епископ, как Каиафа) уложение от святого далеко священства'; *to jest písařova práce, ješto béře 4 groše* — Dub120 'это писарева работа, который берет 4 гроша'; *Chocovcovo pravenie, ješto v Vlašimi oběšen* — PoprRožmb 20 /1406/ 'Хоцовцово свидетельство, который в г. Влашим по-

вешен'; *zklamalyť jsú tě Apolovy krivé odpovedi, ot něhožto praviš, žes měl prikázanie* — Troj 173 'обманули тебя лживые ответы Аполлоновы, от которого ты, говоришь, имел повеление'; *tudy Trojánští s Hektorovú pomoci, kterýžto nade vŕŕecky hrdinsky činieše, pole obdržěchu* — Troj 141 'так троянцы с Гекторовой помощью, который храбрее всех сражался, одержали победу'; *kabelárčina priateľkyně, ktorá při Lounech zůstává* — Oberpfalcer 1935: 22 /1613/ 'родня сумочницына, которая живет в г. Лоуны' и др.

Особую группу с точки зрения местоименной субституции составляли прилагательные от названий животных. Образуемые от них ПП на *-ov-* соотносились с местоимениями в единственном числе, ср.: *a pak vida Jason omdľevanie jěštěrovo, počě jej silně sieci mečem* — Troj 37 'Ясон, видя слабость ящерову, принялся с силой рубить его мечом'; *ani poškvrněný móż vstúpiti k čistotě Beránkově, jenž bez poškvrnny jest* — ŠtítSáz 75 'запятнанный /грехом/ не может приобщиться к чистоте Агнцевой, который есть без греха' (в последнем примере выступает ПП от лексики *Beránek* 'Агнец', каковой иносказательно обозначается Иисус Христос). С другой стороны, у сохранявшихся здесь прилагательных на *-í* и у вторично образованных от ПП прилагательных на *-ový* (не имеющих форм с именными флексиями) при местоименной субституции могло актуализироваться значение отношения как к единичному индивиду, так и к целому классу, например: *jakžto vnaďný sledník koli <...> stopy se jelenie chopě, vžďy se ho drží po stopě* — AlxV 94 'как искусный зверолов, напав на олений след, догоняет его по следу', но *rozkošný svět <...> v skociech jeleních <...>, v peří pávovém, holubíem, hrdličíem a v jich postavě* — ŠtítBojB 407 'прекрасен мир ... в прыжках оленьих, в перьях павлиньих, голубиных, горличьих и в их стати'; *když jďa po cestě, nalezněš <...> hniezďo ptačie a máteř jich na ptačencích neb na vajcích násediee...* — BiblOI Deut 22: 6 'если попадется тебе на дороге птичье гнездо и мать их, сидящая на птенцах или на яйцах'¹.

¹ В примере *v sladkých piesniach slavičkových v hájích sě hlasové rozlěhají, jemuž všelikého plemene /ptactvo/ svým štěbetáním spomáhá vesele* — Troj265–266 'в сладких песнях соловьиных в рощах разносятся голоса, которому всякого рода птицы своим щебетом весело вторят' остается неясным, отсылает ли относительное местоимение в Д ед. в придаточном предложении к форме М мн. ПП *slavičkov* или ОП *slavičkový*, у которого в данном контексте актуализируется семантика единичности.

Впрочем, это касается и отдельных других параллельных адъективных образований на *-í* и *-ový*. Характерны примеры с частыми в юридических текстах прилагательными от лексемы *komorník* ‘судебный чиновник, пристав’: *dokládá sě svēdectvie komorničieho, ktierýž jest tu hlavu ohledal* — VšehJ 50 [Gebauer 1929: 155] ‘ссылается на свидетельство пристава (≈ чиновничье), который осмотрел место убийства’, но *nalezne <...> starostu komorníkovú, ješto jě jakožto posly všie země vydává* — Dub 126 ‘найдет начальника над приставами (букв. *приставова*), который их как всей земли посыльных отправляет’. Во втором извлечении из «Чешского земского права» Ондржея из Дубе начала XV в. употреблено вторичное ОПо на *-ový* (хотя наряду с ним у того же автора встречается и более раннее адъективное образование с чередованием согласного в исходе основы, причем в одном устойчивом сочетании — в застывшей именной форме И ед. мужского рода: *komorníč druh* ‘помощник начальника судебных приставов’); с ним в придаточном предложении соотносится местоимение 3-го лица в В мн. Напротив, в примере Я. Гебауэра из более позднего памятника начала XVI в. сохраняется старое, изначально полисемичное ДСП на *-í*, к которому далее отсылает относительное местоимение в единственном числе.

В остальном как изначально полисемичные ДСП на *-í* и более новые ОПо *-ový*, так и старые ОПо на *-ský* или *-ký* (< *-čský*) в древнечешском языке с самых ранних памятников обнаруживают большей частью соотносительность с местоимениями (и/или личными формами глагола) во множественном числе. Примеры:

а) с формой (включая «нулевую») личного или притяжательного местоимения 3-го лица в последующем контексте, ср. *dievčie lsti nemôžete zbýti a ot nich vám jest pobitu býti* — DalL 31 ‘девичьей хитрости не можете избыть, и от них вам побитыми быть’; *počě býti ľudský dávce, byv dřeve jich čsti oprávcě* — AlxH 106 ‘сделался людской притеснитель, будучи прежде их чести блюститель’; *vidíc na vítěžských roviech o jich skunciech, o jich sloviech* — AlxV 51 ‘видя на рыцарских могилах надписи об их делах и словах’; *kakžkoli nepřátelský boj lítý byl, všakž ijeden z nich života nezbyl* — DalL 170 ‘хотя неприятельская битва была лютой, ни один из них не лишился жизни’; *pravě o veliké síle řecké, o jich jistotě v sľibiech, ktierůž vždy sú zachovali* — Troj235 ‘рассказывая о великой силе греческой, об их верности обетам, которую они всегда хранили’; *jsú zlořeceni*

ti, ješto o lidské škody a o jich zlé stojie — Tkadl151 ‘прокляты те, кто ищет вреда людского и зла им (букв. ux)’; *vypraviv obyčej bydlia pústevníčieho, že jim netřeba jiného rúcha ani pokrmu, jediné což jim púšť přinese...* — ŠtítBarlU 281 ‘рассказав об образе жизни пустыньничей, что им не надобно иной одежды и пищи, кроме той, что принесет им пустынь...’; *pak se jest rozmohla zlost lidská a potuchla mezi nimi milost* — ŠtítSáz 184 ‘потом распространилась злоба людская, и угасла между ними любовь’; *abyšte chytroštem pohanským i kacieřským podlé jich učenie bránili viery* — ŠtítSáz 155 ‘дабы вы хитростям языческим и еретическим по учению их не давали веры’; *Hospodin horcě zaplakal jest nad tvrdostí a ukrutností židovskou, že sů s nim tak nekázane zacházeli* — HusSvát 197 ‘Господь горько заплакал над иудейской жестокостью и свирепостью, что они с ним так сурово обращались’; *na tom znamená se láska apoštolská, že to dobré, kteréž poznali, ihned svému tovaryši oznámili* — HusSvát 49 ‘в том сказывается любовь апостольская, что они ту добрую весть, которую узнали, тут же своему товарищу сообщили’; *když jest viděl Šimon, že skrzě kladení ruk apoštolských dáván byl duch svatý, podal jim peněz* — HusSvatokup 32 ‘когда увидел Симон, что через возложение рук апостольских снисходит дух святой, дал им денег’; *jakž by netbal bojě kněžského, jimž bojují proti Bohu* — HusSvatokup 97 ‘как бы не замечая борьбы священнической, которую они ведут против Бога’;

б) с относительным местоимением (изменяемым или неизменяемым) в придаточном предложении, ср. *otec Váš najnepřemoženější rozumných panských požíval rad, kteřížto po smrti jeho <...> jsú odlúčení* — List 1397, Výb I: 619 ‘отец ваш наимогущественнейший прислушивался к разумным панским советам, которые (= паны) по смерти его отлучены’; *požívaj asa učenie pohanského, ješto pravie...* — Tkadl 160 ‘прислушайся хотя бы к учению языческому, которые говорят...’; *jest zvláštnie zvláštnost kněžská, vystřiehati se válek i vojen, jimžto sama nesmělost velí milovati rozkoš* — Troj 71 ‘такова особенность жреческая, чтобы избегать битв и войн, которым сама робость велит любить наслаждения’; *to vše z návodu kněžského, kteří teház tu zpravovali* — Let 67 ‘все это по наущению священническому, которые тут тогда заправляли’; *byli ste jako ovce bludné, a obrátili ste se <...> po kázaní apoštolském, ješto sů vám kázali...* — WaldhPost, Výb II/1: 70 ‘вы были как овцы заблудшие,

но обратились /к вере/ по проповеди апостольской, которые вам проповедовали'; *tuto evangelista popisuje zpievanie anjelské, jenž sě narození Syna božieho radovali* — HusSvát 68 'здесь евангелист описывает пение ангельское, которые радовались рождению Сына Божия'; *staneta oba, jichžto jest přě, přěd Hospodinem u vidění popovém i súdcovém, jenžto v těch dnech jsú* BiblOl Deut 19: 17 'пусть предстанут оба, у которых тяжба, пред Господа, пред лицом священническим и судейским, которые будут в те дни'.

Впрочем, так как некоторые ОП на *-ský* — прежде всего производные от нарицательных наименований лица, у которых, как констатировалось выше, в древнечешском языке не образовывались или еще не вполне закрепились ПП на *-ov/-in-*, но и другие, в том числе от имен собственных — выступали также в значении отношения к единичному индивиду, такие дериваты могли соотноситься с местоимениями и глагольными формами как во множественном, так и в единственном числе. Ср., например: *v ženské libé krásě <...> očí, rtóv, nosu, hrdla, rukú <...> a když to ještě okrášlé zlatem <...> jest utěšen svět* — ŠtítBojB 407 'в женской любезной красоте очей, губ, шеи, рук ... да если они еще все это украсят золотом ... благословен мир'; *co j' pak rozkoši v dívání krásy ženské, spatřijíc jich oči jasné* — ŠtítVyš 121 'какое же наслаждение смотреть на красоту женскую, видя их очи ясные'; *a jakožto oko snadně sě hne <...> též vuole ženská, anižt' muož <...> jich chtění rozličnosti vypsatí* — Troj174 'и как глаз с легкостью бегаёт с места на место, так и прихоть женская — разных их желаний нельзя и описать', но *ženská moc nemož odolati mužské, a zvláště jsúc v jeho vazbě* — Troj84 'женская сила не может устоять перед мужской, особенно находясь в его власти' (в этом случае причастная форма ед. ч. ж. р. *jsúc* соотносится скорее с базовой лексемой ОП *ženský*, чем с существительным ж. р. *moc*, а притяжательное местоимение мужского рода *jeho* — однозначно с базовой лексемой ОП *mužský*); */andělě/ vzbránějí zlosti diábelské, aby nemohli tolik zlého <...> učiniti, jakož by chtěli* — ŠtítSáz 187 '/ангелы/ возбраняют злобе дьявольской, дабы не могли они сотворить столько зла, сколько бы хотели', но *jest mnoho jiných chytrostí ďábelských, jimiž klamá* — HusSvatokup 76 'есть много иных хитростей дьявольских, которыми он прельщает'. В стихах из цикла апокрифов первой половины XIV в. находим пример отнесения определительного придаточного предложения

с вводящим его местоимением *jenž* и сказуемым в единственном числе к ДСП на *-ský* от имени собственного: /*Ježiš/ byl z erodské moci, jenž tehdy bies přišel na hody* — LegUmučK 221 ‘Иисус был из Иродских владений, который тогда прибыл на пир’.

Здесь следует оговориться, что для древнечешского языка четко разграничить случаи субституции ДСП относительным местоимением в придаточном предложении и личным местоимением в последующем контексте бывает затруднительно, так как изменяемые и неизменяемые местоимения *jenž(to)*, *ješ(to)* и некоторые другие в тот период еще могли «остаточно» осмысляться как усиленные частицами личные либо даже указательные, к которым они восходили. Это позволяет подтвердить пример из довольно позднего текста XV в. (в младшем списке) с двумя ПП: *I vstaupil jest Ježiš v lodi Petrovu, a jenž se Petr vykládá „poznalý neb poslušný“, a nevstaupil jest Ježiš <...> v lodičku Janovu, jenž se vykládá „v němž jest milost“* — HusSvátCD 106, где вторую часть можно интерпретировать как ‘и не вошел Иисус в лодку Иоаннову, который толкуется (= имя которого толкуется) «тот, на ком милость»’), однако в первой части то же самое местоимение *jenž* выступает как указательное (или определительное) при повторении имени *Petr* в сочетании со значением ‘а этот (самый) Петр толкуется «познавший или покорный»’. Другой неоднозначный пример с ОПо на *-í* из первой редакции чешской Библии: *Běda vám <...>, ješto děláte hroby prorocie, ano sú jě vaši otci zbili* — BiblOl Lc 11: 47 (аналогично BiblDrážď), где *ano* следует интерпретировать как ‘а вот (ведь)’, при *Běda vám, proto že vzděláváte hroby prorocké, kteréž otcové vaši zmordovali* — BiblKral ‘Горе вам, что строите гробницы пророческие, которых избили отцы ваши’. Как можно видеть, в поздней чешской Библии употреблено относительное местоимение в В мн., отсылающее к базовой лексеме ОПо, что, заметим попутно, свидетельствует о сохранении этого типа местоименной субституции у таких прилагательных до конца XVI в. Ср. также *viděnie anjelské viděly, jížto pravie, že jest živ* — BiblOl, BiblDrážď Lc 24: 23 при *vidění andělské viděly, kteříž praví, že by živ byl* — BiblKral ‘видели и явление ангельское, которые говорят, что он жив’.

Местоименная субституция ОПн/о в древнечешских памятниках отражена лишь изредка. В контексте *jako sklo čisté <...> poprsly slunečné a blesk jeho lépe přijme* — ŠtítVyš 369 ‘как чи-

стое стекло лучи солнечные и блеск его лучше принимает' притяжательное местоимение в ед. ч. отсылает к образованию от названия планеты, которое могло интерпретироваться как имя собственное (ср. окказионально образованное от него ПП в описании путешествия Марко Поло: *strom Sluncuov* — CestMil 29). В другом подобном случае ОП, обозначающее отношение к небу/небесам, соотносится личное местоимение во мн. ч.: *zdali vieš porád nebeský a povieš na zemi, proč jest, co v nich jest?* — ŠtítBes 70 'разве ты знаешь чин небесный и расскажешь на земле, для чего они, что в них есть?'. В остальных примерах выступают ОП от названий городов и стран, а в одном — от нарицательного существительного *město* 'город': */měšťané/ nemohúce <...> pracovati v uobraně měské, den patnáctý svého obležení přestachu se brániti a lid Honestuov <...> doby ho udatně* — Troj 266 'горожане/ неспособные заниматься городской обороной, на 15-й день осады перестали сопротивляться, и люди Гонеста смело его захватили'. Сразу четыре случая соотнесения притяжательного и личных местоимений, а также глагольной формы ед. ч. с ОП *pražský* находим в двух строфах из гуситской песни: *Z dobrého jména Čechové, všudy slovutní rekové, želejte pražské příhody, jejie nenabyté škody! Nebt' jako naše máte jest, měli jsme jie všudy čest, ale již kněžstvo všetečné dalo ji v slovo ohydné* — PísLobk, Výb II/1: 328 'Доброго имени чехи, всеславные герои, оплакивайте пражское злоключение, ее невосполнимый урон! Ибо она нам — как мать, мы всегда ее чтили, но безрассудные священники отдали ее на поругание'. В заглавии раздела из описания путешествия псевдо-Мандевилла *O cipreském lovu, o jich stolení, terak jedie oni* — CestMand 17 'о кипрской охоте, об их столовании, как едят они' с ОП от названия Кипра соотнесены притяжательное и личное местоимение в сочетании с глагольной формой мн. ч., в действительности отсылающие к названию жителей. Аналогичный пример: *kněz Prokop Holý, vuodce táborský polní, jich hejtman* — Let 67 'священник Прокоп Голый, полевой командир таборский, их гетман', где притяжательное местоимение отсылает к названию не города Табора и даже не его жителей, а бойцов его войска («таборитов»). В другом сходном контексте придаточное предложение, вводимое неизменяемым относительным местоимением, распространяет ОП от названия полуострова Корнуолл (или его сочетания с существительным *země* 'страна'): *Tuž jedeta vojska*

z Lohnois přes moře do korvenalské, ješto jich neznali, země — Trist 22 ‘Тут же отправились войска из Леона через море в корнуольскую страну, которые их не знали’. Несомненно, в таких случаях ОПн/о — или еще само производящее существительное — создавало комплексное представление ‘город / страна вместе с жителями’, а анафорические местоимения и другие слова способны были мобилизовать обе его составляющие.

Аналогичное представлением о нерасчлененном множестве и отдельных его членах вызывали также собирательные существительные, включая лексически собирательные со значениями ‘страна’, ‘народ’, ‘семья’ и т. п., что сказывалось на их соотносительности с местоимениями как в ед. ч., так и во мн. ч., например: *Ten zemi všecknu súdieše a múdrosti jě učieše* — DalV 1/118 ‘он всю страну судил и мудрости их учил’ (разночтения: *ji* ‘ее’ — DalL, *lidi* ‘людей’ — DalS); *Kněz Hostivít položil lidi před hradem, aby jě vyležali hladem* — DalV 1/299 ‘князь Гостивит расположил своих людей перед замком, чтобы взять их измором’ (*jej* ‘его’ — DalC). Ввиду этого остается неясной отнесенность местоимений в случаях типа *blazě mně české rodiny, mám mezi nimi veliké hrdiny* — DalV 1/544 ‘хороша у меня чешская родня, великие среди них герои’ или *hrozent’ jest nepřátelóm <...> rytieřský zástup, když uzří milost a vieru mezi nimi* — Štítšach 384 ‘страшен врагам рыцарский отряд, когда они видят милость и веру между ними’, где местоименные формы могли отсылать к обоим членам атрибутивных сочетаний *česká rodina* и *rytieřský zástup*. С другой стороны, с ОП от этнонимов, имевших формы обоих чисел, также могли соотноситься формы местоимений, подразумевавшие собирательное представление ‘народ как неделимая общность’, ср.: *V Starém zákoně nalezujem dva spasitele židovská... Prvý byl Mojžieš, jenž jej vyprostil z služby ejiptské... Druhý byl Cyrus, jenž jě vyprostil z vězenie babylonského...* — HusSvát 72–73 ‘В Ветхом Завете находим двоих спасителей еврейских. Первый был Моисей, который избавил его от рабства египетского, второй — Кир, который освободил их из плена вавилонского’, где форма В ед. м. р. *jej* ‘его’ подразумевает еврейский народ, а форма В мн. *jě* ‘их’ — евреев.

Подобную же кореференцию допускали собственно собирательные существительные — дериваты, функционально близкие формам множественного числа базовой лексемы, ср. *mistr najvětší*

<...> připravuje živé kamenie k dokonání Jeruzaléma nebeského: téše, dlabá, tvrdí, měkčí i kterýž chce kterými barvami neb ozdobami ozdobyje — ŠtítBes 71 ‘величайший мастер приготавливает живые камни для постройки небесного Иерусалима: обтесывает, режет, укрепляет, размягчает и какой (камень) хочет какими хочет красками или украшениями приукрашает’.

Референт анафорического местоимения мог быть представлен также субстантивной основой других производных слов. Интересны примеры из трактата Я. Гуса против симонии: 1) *svatá ustavenie svatokupecké kacieřství potupují a zbaviti jich kněžství prikazují* — HusSvatokup 28 ‘священные установления святопродавческую ересь осуждают и велят лишить их священства’, где местоименная форма Р мн. *jich*, отсылая к ОП от неологизма *svatokupec* ‘святопродавец’ или к его сочетанию с существительным, производным от *kacieř* ‘еретик’, подразумевает святопродавцев или святопродавцев-еретиков¹, и 2) *poznajte, žeť více rozlité v lidu škodí svatokupčenie nežli které jich v lidu lúpenie* — HusSvatokup 98 ‘более вредит разлитое в народе святопродавство, нежели какое-либо их (= святопродавцев) в народе разбойничанье’, где та же форма в функции притяжательного местоимения соотносится с основой названного неологизма, которая содержится в существительном, образованном от производного от нее глагола.

2.2. Аналогичная местоименная субституция многих ДСП отражена в памятниках других старописьменных славянских языков. Ср. древнепольские примеры, почерпнутые из антологии Wybór 1950 (цифра в скобках здесь и далее указывает на страницу издания): *Iaco to swacczø, isz Maczegewe koni ne wedzoni do Goslauowego domu, ani gich vzitka ma* — RotPozn 1391 (46) ‘свидетельствую, что Мачеевы кони не отведены в Гославов дом и он от них пользы не имеет’; *Fftorecz przyrodzene gesth tho vøszve, ysze gdis szø on chce odmłodzycz, tedycz vøcz on ge go<r>ske korzene* — KazGniesz (40) ‘во-вторых, природа змиева такова, что, когда он хочет омолодиться, тогда змий тот ест горькие коренья’; *O roznosczy mazskyey y zenczyskyey y o gych dawnosczyach* — KodDzik (132) ‘о различии

¹ В другом тексте Я. Гуса анафора уточнена: *svatá ustavenie svatokupecké kacieřství tupie a jě (svatokupce) zbaviti kněžství prikazují* — HusBlud 93 (ср. в латинской версии этого трактата: *sacri canones symoniacam heresim dampnat et eos privari sacerdotio precipiunt*).

ях мужском и женском и об их сроках'; *Tu rozmyslay ono slodkie anielskie śpiewanie ij ijch z bożego narodenia wesole radowanie* — *Żywot* (232) 'здесь обдумай то сладкое ангельское пение и их радость по случаю Рождества Божия'; *Mowia kaczerze <...> ysbi przyrodzony nyedostatek sloneczny byl, gdi wczas maki bozey saczymylossie bylo* — *Sprawa* (104) 'говорят еретики, будто это был естественный изъян солнечный, когда оно в час муки Божией затмилось'; *Gnoy wilczy takież y krew na kolikę barzo pomaga. Ząb iego y paznokty dla chorych oczu dobrze nosić* — *Ziel* (275) 'гной волчий, как и кровь, от колики очень помогает; зуб его длябольных глазхорошо носить'; *Theż korzeń mieczykow zetrzi ą kniemu przyłoż kwiathkow iego* — *Ziel* (274) 'также корень гладиолусов(ый) разотри и к нему добавь цветков его'. В последнем случае употреблена именная форма прилагательного с суффиксом -ov- от названия цветка, как если бы это было ПП (возможно, здесь имеет место персонификация). Заслуживает внимания контекст *Barzo mi to iest twoie przyscie dziwno Y moiey personie przeciwno, Gdyś wsszystko z sobą przyacielstwo wezwal <...> Y też snimi roymáite tańce stroysz* — *Sąd* (304) 'весьма мне твое прибытие дивно, и моей персоне противно, так как ты все товарищество позвал с собой и с ними устраиваешь различные танцы', где форма Т мн. анафорического местоимения отсылает к собирательному существительному с определением в ед. ч.

Древнерусские примеры А. А. Потемни, которые были приведены в начале главы I, можно дополнить такими, как: *Болеслав же побѣже ис Кыева, <вѣзма> имѣние и бояры Ярославѣ и сестрѣ его* — Лавр. лет., ПЛДР I, 158; *слуги же Иродовы, иже гна вслѣд ея <...> не обрѣтоша ничтоже* — Хожд. Дан., ПЛДР II, 78; *<надеюсь> на Творца и на его величие Божие и молитву матерню, яжь мя породи* — Девг., ПЛДР III, 44; *егда бо снимахъ вѣнецъ съ главы Исусовы, той ми рече...* — Печ. пат., ПЛДР IV, 416; *противитесь бѣсовскому дѣству и пронырьству ихъ* — Лавр. лет., ПЛДР I, 196; *бѣсовскихъ козней избѣгъ и от сѣти его* — Лавр. лет., ПЛДР I, 224; *якоже по вся ноци обиходити ему келиѣ мниховы вѣсѣ, хотя увѣдѣти кождо ихъ како житие* — Жит. Феод. Печ. ПЛДР I, 336; *понялъ воеводскую жену, иже после Дракулы мало побылъ* — Сказ. Драк., ПЛДР V, 564; *к сим же и всѣм <...> звѣриная натечения и тѣх сверѣная устремления* — Жит. Серг. Рад., ПЛДР IV, 306; *тѣмже не разумѣмъ книжнаго образа ни силы ихъ* — Лавр. лет.,

ПЛДР I, 40; теченье звѣздное бысть на небѣ, оторваху бо ся на землю — Лавр. лет., ПЛДР I, 178; земное устройство: ни же четво-роугльна есть, ни же троугльна, ни же пакы округла, но устроена есть яицовидным устройением — Зем. устр., ПЛДР V, 200; и тако уязвляху люди полоцкыя и его область — Лавр. лет., ПЛДР I, 224; и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское поимаша — Пов. Ряз., ПЛДР III, 190.

Извлечения А. А. Потебни из книги «О России в царствование Алексея Михайловича» современника описываемых событий Григория Котошихина (†1667) за царское бесчестье, кто говорить противъ него за очи или на судовые заводы, которые ходятъ по Москвѣ рѣкѣ [Потебня 1968: 408–409] показывают, что обсуждаемая местоименная субституция ДСП в истории русского языка сохранялась очень долго. От той же эпохи у нас имеется свидетельство соотношения анафорического местоимения с основами существительных, заключенными в сложных словах, из перевода сочинения Мавро Орбини «Славянское царство», изданного в Санкт-Петербурге в 1722 г.: *Владѣмѣрь <...> ввелъ паки въ Кієвъ ѿдолослуженіе и болванопочтеніе, ихже имяна Перунъ съ главою серебряною, Уладъ, Корса, Дазва, Стрѣба, Зѣмцерла, Махошъ* (Історіографія... 74).

Последний пример — как и ряд предшествующих древнерусских — несет на себе ярко выраженную церковнославянскую печать. Г. Корбетт цитирует по работе [Huntley 1984] и «Руководству» А. Вайана также старославянские примеры корреспонденции ПП с формой 3-го лица глагола без местоимения в позиции подлежащего, с личным местоимением в сочетании с предлогом и с относительным местоимением в придаточном предложении: псалмъ давыдовъ егда вѣгаше отъ лица авеселомъ — Син.пс. 3. 1; словомъ божию рождашому сѣмъ отъ него — Супр 188.5; пристѣпанмъ къ трепезѣ христовѣ съ нимже отцу слава — Супр. 424.10–12 [Corbett 1987: 313].

2.3. Достаточно представительная выборка свидетельств местоименной субституции ДСП и, хотя бы лишь окказионально, иных образований от субстантивной основы в истории славянских языков дает основания заключить, что благоприятной почвой для широкого проявления в таких случаях неформальной кореференции служил достаточно свободный синтаксис, характерный для ранних

ступеней развития этих языков, какой наблюдается и в письменных текстах вплоть до начала Нового времени¹. Приведем теперь аналогичные примеры из современных языков, прежде всего чешского и русского.

Так как для ПП во всех современных славянских языках соотносительность с личными местоимениями в последующем контексте вполне регулярна, сосредоточимся на примерах субстантивной прономинализации (местоименной субституции) других, не обязательно адъективных образований. Собранный нами чешский материал из публицистических и художественных текстов позволил выявить три группы производных от существительных кореферентов анафорических местоимений и иных слов, отсылающих к производящей субстантивной основе.

1) Относительные прилагательные: *A z podkroví střech činžovních se ozývá zpěv vlaštovčí, než odtáhnou do teplých míst, aby měly zase co jíst* (Z. Růžová, Tango o Praze) ‘А с чердаков доходных домов доносятся ласточкино пение, пока они не улетят в теплые края, чтобы им было что есть’; *všechny stěny byly vyzdobeny reliéfy z té německé slavné minulosti, když ještě běhali se sekýrkami a odívali se kožemi* (Hrabal 1993: 105), в опубликованном русском переводе *стены тоже украшены рельефами из этого славного германского прошлого, когда они еще бежали с топорами, одетые в шкуры* (Грабал 2002: 137) — формы глаголов в придаточных предложениях с «нулевым» местоимением в позиции субъекта соотносятся с основами прилагательных от орнитонима *vlaštovka*² в первом и этнонима *Němec* во втором случае; *Do vesnic už nemohla přijet menší německá jednotka pro dodávky zboží. Přijíždělo jich velké množství...* (Respekt 12.–18.09.1990) ‘В деревни уже не могла приехать небольшая немецкая часть за товаром. Их приезжало огромное количество’ — форма местоимения *jich* ‘их’, подразумевающая ‘немцев’, отсыла-

¹ Закономерно, что из синтаксически в целом более регламентированных старославянских памятников эта субституция ПП, но не других ДСП обнаруживается не в Евангелиях, а в подзаголовке псалма из Синайской псалтири, с одной стороны, и в житии и гомилии из Супрасльской рукописи, с другой.

² Ср. производное от орнитонима *páv* ‘павлин’ ОП на *-í* в функции ПП в соотносении с притяжательным местоимением в примере *Nemávej mi pavím perem, což nestačí jeho křik...* (Jirous 1998: 235) ‘Не маши мне павлиньим пером, разве недостаточно его крика...’

ет к основе прилагательного *německá (jednotka)* ‘немецкая (военная часть)’; *Иhned po přiletu je oddělena ženská část výpravy. Uvidíme je až po několika hodinách, oblečené po islámsku* (Respekt 11.–17.07.1990) ‘Сразу по прилете от нас отделена женская часть экспедиции. Мы увидим их только через несколько часов одетыми по-исламски’ — форма местоимения *je* ‘их’ (женщин) во втором предложении отсылает к основе прилагательного *ženská* или в целом к сочетанию *ženská část* ‘женская часть’; *Americká literatura je většinou příběhová, oni to mají rádi* (Studentské listy 1990, č. 14) ‘Американская литература обычно остросюжетная, они это любят’ — формы местоимения *oni* и глагола в сказуемом *mají rádi* ‘они любят’ отсылают к основе прилагательного *americká* ‘американская’. В примере *Najednou bylo náměstí plné dětského pláče, do té doby mě nenapadlo, že to možná mají jako psi, když začne jedno, přidají se ostatní* (Topol 1994: 12) ‘И вот уже вся площадь была полна детского плача, раньше мне никогда не приходило в голову, что у них это, может быть, как у собак: стоит одному начать — остальные подхватывают’ с прилагательным *dětský* корреспондирует, с одной стороны, глагольная форма 3-го л. мн. ч. *mají* ‘имеют’, а с другой — предикативные синтагмы с числительным-местоимением *jedno* в форме II ед. ср. р., отсылающей к существительному ср. р. (в ед. ч.) *dítě* ‘ребенок’, и семантически местоименным словом *ostatní* в форме II мн., отсылающей к тому же самому существительному во мн. ч. Наконец, в примере *Následuje obsáhlý článek o situaci v pobaltských státech před minisummitem jeho nejvyšších představitelů* (Respekt 23.–29.05.1990) ‘следует обширная статья о ситуации в прибалтийских странах перед минисаммитом его высших представителей’ притяжательное местоимение *jeho* ‘его’ отсылает к основе прилагательного от существительного ср. р. *Pobaltí* ‘Прибалтика’.

2) Наречия от прилагательных, образованных от названий народов или стран: *pakliže <někdo> zná i německy či francouzsky, se domluví i tam* (J. Kolář, Týden 1997, č. 23) ‘если же кто-то умеет по-немецки или по-французски, договорится и там’; „<...> u tebe mám dojem, že ty anglicky už i myslíš.“ — „Spíš americky. Byl jsem tam několik let. A rád bych se tam vrátil“ (Páral 1993: 174) ‘Ты, как мне кажется, уже и думаешь по-английски. — Скорее по-американски. Я был там несколько лет и с охотой бы туда вернулся’; местоименное наречие *tam* ‘там’ и ‘туда’ здесь подразумевает страны,

на названия которых — *Německo* ‘Германия’, *Francie* ‘Франция’, *Amerika* ‘Америка’ — указывает основа соответствующих отадь-ективных наречий.

3) Производные существительные: *České země získaly v tomto století s ruským přistěhovalectvím jisté zkušenosti. V první velké vlně <...> jich sem přišlo zhruba osmdesát tisíc* (Respekt 17.–23.02.1997) ‘чешские земли в этом столетии приобрели определенный опыт с русской иммиграцией; с первой большой волной их прибыло сюда порядка 80 тысяч’ — форма местоимения *jich* ‘их’ во втором предложении отсылает к основе собирательного существительного *přistěhovalectví* или в целом к сочетанию *ruské přistěhovalectví* ‘русская иммиграция’; *roku 1920 jsme prožili válečné střetnutí s Polskem a oni pak dvacet let okupovali Vilnius s okolím* (Respekt 21.–27.03.1990) ‘в 1920 году у нас было военное столкновение Польшей, после чего они 20 лет оккупировали Вильнюс с окрестностями’ — формы местоимения *oni* и глагола *okupovali* ‘они оккупировали’, подразумевающие поляков, отсылают к основе существительного *Polsko* ‘Польша’.

На первый взгляд может показаться, что тип 1) подтверждает высказанное в «Основах чешского синтаксиса» мнение Ф. Копечного, что и «относительные прилагательные по их функции принадлежат к системе словоизменительных форм (падежей) существительных, от которых они образованы» [Кореšný 1958: 16]. Против такой точки зрения, однако, буквально вызывает контекст *Ale jak potom máme pochopit rozsáhlou indickou ekonomickou aktivitu v Africe? Jak pochopit efektivnost jejich zemědělské výroby...? Denně se dozvídáme o sinhálských tygrech, ale o indické vládě nebo o činnosti jejího parlamentu nevíme téměř nic* (Respekt 22.–28.08.1990) ‘Но как же тогда понять широкую экономическую активность Индии (букв. индийскую) в Африке? Как понять эффективность их сельскохозяйственного производства? Мы каждый день слышим о сингальских тиграх, но о правительстве Индии (букв. индийском) или о деятельности ее парламента почти ничего не знаем’. Едва ли можно утверждать, что прилагательное *indický* в первом предложении заменяет форму Р мн. существительного *Ind*, а во втором — форму Р ед. существительного *Indie* (впрочем, и под сочетанием *indická aktivita* автор статьи подразумевал скорее активность Индии, чем индийцев). По-видимому, речь идет лишь о том, что такие прилагатель-

ные создают комплексное представление «страна вместе с жителями», а анафорические местоимения способны актуализировать обе его составляющие. Встречаются и более сложные случаи, например: *Hladinu veřejného mínění nedávno rozbouřil sovětský požadavek, aby tu maďarská vláda vyplatila 50 miliard forintů za majetek, který tu po stažení svých vojsk zanechá* (Respekt 12.–18.09.1990) ‘Общественное мнение недавно возмутило советское требование, чтобы венгерское правительство выплатило ему (= Советскому Союзу) 50 млрд форинтов за имущество, которое он здесь (= в Венгрии) оставит’; *Mám doma jednu takovou nádhernou knihu ve žlutém plátně, je to kniha o Tibetu, o tibetských klášterích, o jejich nejvyšším vládcí dalajlámovi, o jejich úchvatné víře* (Fuks 1967: 11), опубликованный русский перевод: *У меня дома есть бесценная книга в желтом колленкоре, это книга о Тибете, о тибетских монастырях, об их верховном правителе далай-ламе, об их изумительной вере* (ИЛ 1993, № 8). Аналогично: *Norma češtiny byla jiná, když jsem z ní odjížděl, a bude jiná, až se tam vrátím* ‘норма чешского языка была одна, когда я уезжал из нее (= из Чехии), и будет другая, когда я туда вернусь’ (проф. А. Стих, лекция в МГУ 07.04.1998).

Чешские примеры можно дополнить множеством соответствий из русского и других славянских языков. Русский материал демонстрирует значительное разнообразие внутри всех трех выделенных выше типов. Проиллюстрируем это.

1а) Относительные прилагательные от названий лиц в функции ПП в соотнесении с местоимениями в ед. ч.: *На полгода слава твоя практически равна президентской, ибо тебя называют в одном ряду с ним* (ОК 2007, № 26); *Так что же, прикажете проливать слезы над генеральской пенсией, всерьез принять его самооправдания?* (Известия 04.11.1992); *Ведь что такое стариковская мудрость?.. Это не только то, что он обладает гораздо бóльшим жизненным опытом, но и то, что сам возраст заставляет его отойти от корыстолюбивых интересов* (Известия 17.01.1992); *Главное в мужской жизни — дело, чтобы он не стал слезливым и женственным* (М. Жванецкий, ТВ 28.09.1991).

1б) Относительные прилагательные от названий лиц в соотнесении с местоимениями во мн. ч.: *много потоптанных и побитых было в той обеспамятовавшей от ужаса толпе, и гнали ее слуги царские <...>, все более свирепая при виде беспомощности людской*

и мстя им за недавний свой позор и страх (ОК 1990, № 49); видел, как по душам человеческим, через их сердца прошел красный лемех тоталитаризма (ОК 1990, № 50); От всех предыдущих и всех последующих советских ссылок мужицкая отличалась тем, что их ссылали <...> к зверям, в дичь, в первобытное состояние (А. Солженицын, НМ 1989, № 11); Потому смуты и накатывались на Россию с казацких земель, что те по самому устройству жизни не терпели порядков, царивших в сонно-тоталитарной империи... (Известия 21.05.1992); И хотя комиссия в новом составе трудится всего 4 дня, она получила уже несколько десятков писем. Есть среди них и командирские. Они просят не лишать их надежных помощников... (Известия 14.09.1991); в научном тексте: неоценимую важность здесь приобретают неславянские источники, которые наряду с этнонимами, бытовавшими в их языках, фиксируют частую и этнонимы, заимствованные из языка славян (Этнонимия 1991: 29).

1в) Относительные прилагательные от названий собирательных множеств, а также индивидуализированных животных и неживых объектов в соотношении с местоимениями в ед. ч. или мн. ч.: детонатор народного гнева, его поруганных чувств, обманутых ожиданий уже сработал (ОК 1990, № 49); нам от прошлого осталось тяжелое наследие — неправильная молодежная политика. Надо создать условия, чтобы она могла жить в кредит (Известия 03.11.1990); смысл продажи земельных участков — в ее быстром движении (Радио России 30.10.1992); можно <...> из лошадной торбы себе в котелок перекладывать, а она-то казенная, травяной мешок, выдюжит небось (А. Солженицын, НМ 1989, № 11); Лето — время, когда чаще всего можно увидеть за стеклом автомобиля измученные собачьи морды. Их везут или на дачи, или просто путешествуют вместе с ними... (АиФ 1996, № 28); Торжество завершает факельное шествие. Их семьсот тысяч (ТВ 13.09.1998) и т. п.

Особое место занимают случаи соотношения местоимений (во мн. ч.) или наречных местоименных слов с прилагательными от названий народов/стран, которые, как и сами названия стран, создают комплексное представление «территория вместе с населением». Примеры такой кореференции в русском языке (как и в других славянских) встречаются издавна, ср. у А. Аверченко Ну что

Англия... Переведите-ка вашу пьесу на английский язык, может быть, они и найдут достаточных данных, чтобы прийти в восхищение (ВМ 30.10.1990) и ныне: Наша система отлична от английской и от американской, от их политической культуры и традиций (МЭ 1991, № 13); Между прочим, в мире науки очень ценятся польские мозги. <...> Я люблю их за «бессмысленный протест» — помните про их восстание в составе Российской империи? (Известия 22.05.1992); Впрочем, это характеризует скорее нашу жизнь, а не польскую. А у них проблемы хотя и похожи на наши, но все-таки свои (МЭ 1991, № 18); Вообще фамилия наша польская. Туда предки приехали в XV в. (МЭ 1991, № 12); Музыканты ищут освежения в народных мотивах, в частности африканских — они наиболее свежие ребята. У них осталась естественная пластика, ритмы (МЭ 1990, № 25); Я не знаю, что обозначают рыбы для азиатского искусства, но они их рисовали везде (ТВ 2006); Оглянулись на европейский опыт. Там государство помогает инвесторам, не претендуя ни на какие площади... (НГ 2006, № 79); аналогично Тем более важно осмыслить западный культ дома. Я бы сказала — мы ориентированы на подвиг, на великий перелом, на рывок, а они (= люди на Западе) — на философию высокоорганизованной обыденной жизни (Известия 22.05.1992). Несколько более сложный случай: В этом видится мне советская традиция: откровенно говорить о своем стремлении к материальному благополучию считалось там (= в Советском Союзе) постыдным (Известия 15.01.1992).

На этом фоне заслуживают особого внимания примеры соотнесения анафорических слов с прилагательными хотя и десубстантивными, но употребленными уже скорее в качественном значении, причем в результате местоименной субституции имеет место как бы реактуализация их изначально относительной семантики либо даже намеренная этимологизация, ср.: Сад — это универсальный чеховский символ, но сад — это и тот клоч сухой крымской земли, который он так терпеливо возделывал (Вайль-Генис 1991: 188); То, что человек смертен, знают все. Михаил Булгаков <...> умолял нас помнить, что Она еще и внезапна (МЭ 1991, № 25); Ленин говорит: мы отвергаем нравственность и мораль как понятия буржуазные, как инструмент, который ей был нужен для подавления рабочего класса (МЭ 1991, № 12); Я чувствовала себя всегда свободной, даже в самые тяжелые времена, когда говори-

ли, что ее нет (А. Пугачева, ТВ 09.03.1990); Так что кабинетный стиль работы — не для сегодняшнего времени. Хотя и здесь бывает дел немало. Посмотрите у меня на столе план работы... (ВМ 12.01.1990).

Также в рамках типа 2) можно привести русские примеры не только с наречиями от названий языков, такие как *Полковник, между прочим, прилично говорит по-русски, но не говорит, где его выучил* (КП 26.08.1990), *Поскольку никто из них не говорил по-эстонски, мы смогли сохранить его как наш тайный язык* (Известия 22.12.1993), но и ряд других: *И бегут парни домой, пока он еще не стал заграничным* (КП 27.03.1990); *Ежемесячно, в период с 25 числа и до его (=месяца) окончания...* (из документации коммерческой фирмы).

Весьма широкой оказывается палитра производных существительных, основа которых в русском языке может стать антецедентом для анафорического слова. Таковы

3а) собирательные существительные: *Садоводы в Тверской области, застигнув ворье на месте преступления, как следует их наказали* (Известия 02.01.1992); *«Я мог бы быть крестьянством...» — «А ну их с вечным “сеять — не сеять”»* (ОК 1990, № 42); *Действие шаманства довольно просто. Предсказание будущего — не главное, чего от них просят* (Известия 05.12.1995); *Что же, уйдем в диссидентство? Предыдущих ораторов я в те годы среди них что-то не встречал* (ВМ 02.12.1996); *В стычке махровая уголовица совершила преступление. Была возможность выловить их всех, и сейчас есть* (Известия 21.08.1993); *Большевизм не скрывал своей конечной цели — насильственное свержение государственного строя; фактически они действительно были заговорщиками, но их не расстреливали по подвалам* (ОК 1990, № 43); *В начале 80-х годов интерес к гороскопии в Германии упал (ими интересовалось всего 16% населения)* (Известия 23.12.1996);

3б) наименования лиц по принадлежности к определенной организации, месту и т. п.: *Я не профессиональный комитетчик, пришел сюда недавно* (Ъ 1992, № 9); *Удалось узнать, что он — «афганец» (там выжил, а вот здесь погиб)* (Известия 22.08.1991).

В ряде случаев местоименный кореферент, наоборот, подразумевает дериват, тогда как в позиции антецедента находим производное существительное, ср. рус. *Гамсахурдиа, как известно,*

мингрел, поэтому его там и поддерживают (Ъ 1992, № 2) и пол. *Wyowiedzi pana ministra znamy wyłącznie z prasy. Oficjalnie nie otrzymaliśmy stamtąd propozycji...* (Polityka 04.04.1992) ‘Высказывания господина министра известны нам только из прессы. Официально мы оттуда не получили предложений’.

Для всех трех типов можно привести также примеры кореференции соответствующих дериватов с относительным местоимением или местоименным наречием, ср. рус. 1) *В этом случае сирийское, египетское и марокканское руководство, войска которых* (= Сирии, Египта и Марокко) *в составе многонациональных сил, оказалось бы <...> в замешательстве* (КП 18.01.1991); *Рекорд поставила воронежская администрация, где в связи с ростом цен на хлеб пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям будут выплачивать целевые дотации* (Известия 06.11.1992); *Совершенно европейский поступок, абсолютно по духу французский или немецкий, где* (т. е. в Европе, во Франции или в Германии /= у немцев/) *творец не испытывает нервного потрясения, когда вынужден творить не в столице* (ОК 2007, № 4); 2) *Как-то одна дама решила позвонить в Париж... Ей ответили по-французски, которого она не знала* (Феникс 1990, № 4); 3) *Мы хотим об этом очень серьезно предупредить всех советских людей, и особенно москвичей, где* (= в Москве) *введено чрезвычайное положение* (пресс-конференция ГКЧП 19.08.1991); *главная цель визита — поддержка Папой православного Константинопольского патриархата, которого* (= патриарха) *совсем уж зажали турецкие власти* (ОК 2006, № 49). Особый случай: *Всех удивил зампред комитета по безопасности Сергей Абельцев. Взяв слово, он неожиданно поблагодарил думскую службу охраны, которые* (= члены службы охраны) *«несли свою нелегкую, ответственную службу», пока депутаты заседали в стенах парламента. ФСО незаметно и высокопрофессионально круглосуточно обеспечивала безопасность депутатов. «Только благодаря их усилиям мы были ограждены от всяких возможных конфликтов <...>», — считает Абельцев* (ОК 2007, № 47).

Аналогичные примеры можно привести также из других славянских языков. Ср. из устного чешского *být klatovským knihkupcem, odkud pocházel Václav Matěj Kramerius, dává jistou povinnost* ‘быть клатовским книготорговцем, откуда (= из г. Клатовы) был родом В. М. Крамериус, это довольно ответственно’

(проф. А. Стих, беседа в Посольстве ЧР в Москве 05.04.1998) и из письменного словацкого варианта карпато-русинского: *Унікатна є тота книжка тым, же є образкова, на основі котрых ся діти будуть учіти словну засобу, букв.* ‘Эта книга уникальна тем, что она иллюстрированная, на основе которых (= иллюстраций) дети будут учить слова’ (с интернет-сайта Академии русинской культуры в Словакии).

Интересны случаи кореференции анафорического местоимения с формой глагола с той же основой, что и невыраженное существительное, ср. рус. *Работать нужно хорошо, иначе мы ее потеряем* (Радио России 26.06.1991); *Сталин подумывал <...> встретиться с Гитлером, но уклонился в конце концов от нее* (Известия 08.05.1993); *Право решающего голоса остается за мной, которое принимается после заседания экспертного совета* (НГ 2005, № 49). В последнем примере определительное придаточное предложение, вводимое относительным местоимением, отсылает к существительному *решение*, производному от глагола, представленного в главном предложении семантически адъективированным причастием в составе фразеологизованного сочетания *решающий голос*. В кореференции может участвовать морфема, заключенная в сложном слове, ср. рус. *<...> исполнительная власть, заверил при этом Гайдар, не собирается впадать в нормотворческий раж. Даже самые необходимые и разумные из них (= юридических норм) могут быть ревизованы* (Известия 90.10.1993) или, с иронической этимологизацией, *Первый вопрос к водолазу: и охота вам туда (= в воду) лезть?* (ТВ 28.03.1998).

Иногда, как было сказано выше, антецедент анафорического слова не представлен даже основой существительного, но «извлекается» исключительно из контекста. Это случаи типа чеш. *Už ti předvedl celý svý Mudrosloví národů slovanských? <...> Neříkej, že už jich na tebe nevyvalil aspoň tucet!* (Němec 14) ‘Он уже продемонстрировал тебе свое «Мудрословие народов славянских»? Не говори, что он не вывалил их на тебя по меньшей мере дюжину’. Под местоимением *jich* здесь явно имеются в виду не *moudrá slova* ‘мудрые слова’, а *přísloví* ‘пословицы’; данное существительное хотя и содержится в полном названии упоминаемого сборника Ф. Л. Челаковского, однако кореференция в этом и других подобных случаях едва ли основана на эллипсисе — скорее на ассоциа-

ции¹. Аналогичные русские примеры: *Я живу вдвоем, и он* (= сожитель) *не работает* (из речи); *Сказал, что сразу же напишет. Но первым его* (= письмо) *прочел мой папа* (АиФ 1992, № 40); *Как крестили Русь — огнем и мечом. Только когда оно* (= христианство) *утвердилось, стало таким же истовым, каким было сопротивление* (Известия 24.09.1992). Ср. также болг. *Още щом цяхмe да осиновяваме, се заинтересувах, дали има жива майка, за да не идва да се интересува от него* (Дичева 37) ‘Еще когда мы собирались усыновлять (ребенка), я поинтересовалась, жива ли мать, чтобы она не приходила интересоваться им’.

Подобные случаи напоминают ситуацию, когда антеcedент местоимения — нулевой заместитель, как описывает ее Е. В. Падучева со ссылкой на работу [Postal, Grinder 1971]: *То ли у Джона нет жены Ø_p, то ли есть, но он ее_i никому не показывает*. «Если бы антеcedента просто не было, местоимение *ее* было бы невозможно, ср **Джон женат, но он ее никому не показывает*» [Падучева 2010: 146]. Данный запрет, в работе [Postal 1969] характеризуемый как «анафорический остров», согласно Е. В. Падучевой, тем не менее нарушает «указательная группа», поскольку «она может относиться к такому объекту, наличие которого в описываемой ситуации вытекает из смысла слов, хотя этот объект и не назван никакой отдельной единицей поверхностного уровня», ср. пример такой «анафоры без антеcedента» из сказки Л. Н. Толстого, цитируемый исследовательницей: «*Продам мешок огурцов — на эти деньги курицу куплю*» [Падучева 2010: 159]. Как мы видели, этот запрет могут нарушать и сами по себе анафорические местоимения. Возникает вопрос, не является ли таким «островом» любое употребление анафорического слова без регулярной формы существительного-антеcedента в предыдущем контексте, а присутствие здесь его основы — лишь миражом материка на горизонте? По-видимому, нет. На это указывают примеры неформальной кореференции, когда субстантивный антеcedент извлекается из деривата или композита путем намеренной этимологизации, ср. в дополнение к приведенным выше русским чешский пример из пьесы В. Гавела «Искушение»: *Foustka: A co ještě, proboha? — Fistula (vykřikne): Toho sem*

¹ Ср. также: *Jaro mne zbavilo sil. Dal jsem se tedy do úklidu stolu. Kamna se najedla. Jen těch několik jsem měl odvahu znovu překlepat, znovu je „vzít do prádla“ a zařadit sem, kde snad nemají ani co dělat* (Kolář 1990: 59)

nepletěte! при русском переводе *Господи, что еще?* — *А вот его-то сюда не приплетайте!* (Гавел 1990: 306). Это, однако, не означает, что подобные дериваты — и тем более композиты — входят в субстантивную парадигму. Тем самым и местоименная субституция ПП сама по себе не свидетельствует о таком их вхождении.

Неформальная кореференция основана на отношениях, которые не обязательно должны иметь эксплицитное выражение. Если оно, однако же, наблюдается, речь, видимо, идет о некоем синтаксисе морфем, напоминающем ситуацию в языках изолирующего типа. В данном смысле действительно пришло время, как писал журналист в чешском еженедельнике «Респект», *abychom si dokázali přiznat, že asijské století již začalo a že tam musíme být i za cenu zdánlivých ztrát* ‘чтобы мы отдали себе отчет в том, что азиатское столетие уже наступило и что мы там должны быть даже ценой кажущихся потерь’ (Respekt 22.–28.08.1990). Следует лишь добавить, что точнее было бы говорить не о столетии, а по меньшей мере о тысячелетии.

Глава III

КОНСТРУКЦИИ ДЕСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

3.0. В традиционной русской грамматике приложение расценивается как разновидность определения, выраженного согласуемым существительным. Форма выражения определяет своеобразие синтаксической семантики приложений в сравнении с определениями иных типов. Приложение ограничивает содержание определяемого имени рамками известного родового признака — признака включения предмета в некий более или менее общий класс. Эта классифицирующая семантика роднит два разных по специфике вхождения в предложение типа приложений: обособленный и необособленный.

Адекватность приведенного понимания приложения оспаривал еще А. А. Потебня, который писал: «Кажется ошибочно <...> думать, что всякое существительное, употребленное атрибутивно <...>, есть непременно приложение, а не атрибут в тесном смысле <...> Думая так, мы бы упустили из виду несомненную разницу между царь Петр и Петр, царь-преобразователь и т. п. <...>, разницу, которая сказывается в том, что из оборотов 1-го рода может возникнуть сложное слово <...>, а из оборотов 2-го рода, в силу большей особности приложения, ничего подобного не выходит». Термин «приложение» А. А. Потебня применял только к существительному в обособленной позиции, которая трактовалась исследователем как свидетельство предикативности данных единиц: «Приложение <...> имеет функцию, среднюю между собственным определением и определительным предложением с глагольным сказуемым» [Потебня 1958: 109–110]. Очевидно, что при изложенном толковании к приложениям можно причислить по сути любые обособляющиеся члены — что для обособленно присоединяемых прилагательных допускал и А. А. Потебня.

Эта интерпретация приложения стала преобладающей в чешской лингвистике. Так, В. Матезиус признавал приложение полупредикативной («полупредложенческой») единицей, которая выражает смысловые отношения «широкого отождествления»; одновре-

менно он подчеркивал, что роль приложения в рамках предложения может выполнять любой из выражающих определение к существительному компонентов [Mathesius 1982: 134–136]. Характерно, что при традиционной ориентации на концепцию В. Матезиуса, которую разделял и развивал Ф. Травничек, в ряде чешских работ более нового времени приложение толкуется как вариант определения необособленного типа — категории, в которую включаются и необособленные существительные (ср. [Křížková 1968]). С другой стороны, при анализе функциональных особенностей субстантивного необособленного атрибута чешские лингвисты выявили коренные отличия строения сочетаний, содержащих такие члены, и атрибутивных сочетаний остальных типов. Констатировалось стирание подчинительной связи в таких сочетаниях, нефиксированное направление зависимости компонентов, смысловая однородность двух имен, которая преодолевается лишь средствами контекста (ср. дискуссию о сочетаниях типа *město Praha* ‘город Прага’ в журнале «Český jazyk» в 1956–1957 гг.).

Суммируя опыт традиционного исследования обозначенной проблематики чешскими синтаксистами, В. Шмилауэр предложил понимать приложение (аппозицию) как особый тип связи, служащей выявлению синтаксических отношений «широкого отождествления» (по В. Матезиусу) и представляющей собой переходную ступень от сочинения к подчинению. По интерпретации В. Шмилауэра, в структуре аппозитивных сочетаний можно вычленить определяемый и определяющий в смысловом отношении компоненты, что характерно для подчинения, и вместе с тем они представляют собой однородные члены предложения, что напоминает сочинение. К сфере аппозиции В. Шмилауэр относил все сочетания существительного с существительным, уподобленным осложняемому в падеже (либо выступающим в «назывном» И), необособленным или обособленным, включая вводимые с помощью союзов типа *to jest* ‘то есть’, *a to* ‘а именно’ и т. п. Та же аппозитивная связь объединяет, далее, любые одноименные члены, не связанные отношениями сочинения [Šmilauer 1966: 53, 353–370].

Мы в соответствии с традицией русской грамматики склонны признавать приложением согласованное определение существительного, выраженное другим существительным, необособленным или обособленным. В то же время мы обращаем внимание на

коренное отличие необособленных и обособленных приложений, выявленное А. А. Потебней. В строе предложения собственно приложение при изложенном толковании, естественно, не однородно определяемому существительному, а находится с последним в отношениях подчинения. Стирание названных отношений, которое может происходить в сочетаниях с необособленным приложением, обуславливается тяготением таких единств к сложным словам. Характерно, однако, что потенциальная «обоюдность» подчинения компонентов подобных сочетаний обычно снимается контекстом.

При диахронном исследовании между тем уместно использовать также элементы концепции аппозиции, с которой выступил В. Шмилауэр. Структура аппозитивных сочетаний, как показывает наш анализ, в истории различных славянских языков лишь постепенно развивалась от «однородного соподчинения» компонентов (т. е. «аппозиции» в понимании В. Шмилауэра) к собственно подчинению (детерминации). Эта историческая тенденция обнаруживается и в сочетаниях аппозитивных компонентов с ДСП (ПП).

Конструкции с приложениями представляли собой на ранних этапах развития всех славянских языков центральный тип сочетаемости ПП (аналогичные конструкции с ОП, семантически не эквивалентными ПП, ни в одном из них не засвидетельствованы). К конструкциям ПП с приложениями приближаются и сочетания многих остальных типов, которые могли строиться по образцам аппозитивных. Эта историческая ситуация побуждает исследовать в первую очередь сочетаемость ДСП (ПП) с аппозитивными компонентами, от которой мы перейдем к другим типам (они рассматриваются в главе IV). Раскрытие ее оснований позволит надежнее оценивать исконное синтаксическое качество ПП, а косвенно и ОП.

Исторически релевантным для реализации исследуемой сочетаемости ПП являлся фактор обособленности/необособленности приложения. Конструкции необособленных и обособленных аппозитивных компонентов с ПП в древнечешском языке представляли собой одинаково частотные типы, отмечающиеся до XVI в. включительно. В формальном плане, однако, конструкции первого типа претерпели значительные изменения. В этой связи конструкции обоих типов далее анализируются отдельно.

Конструкции с необособленными аппозитивными компонентами
(подтипы *po králově smrti Přemyslově; rodu krále Davidova;*
králeva Heroda ženima)

3.1.0. Двучленные сочетания существительного с необособленным приложением при их употреблении в атрибутивной позиции в древнечешском языке допускали трансформацию по меньшей мере трех типов. Я. Гебауэр использовал для их обозначения условные сочетания (а) *dvór králův Václavův*, (б) *dvór krále Václavův*, (в) *dvór králův Václava*. Мы те же структурные типы обозначили подлинными сочетаниями из письменных памятников XIV в.¹

В конструкциях первого типа форму ПП получали оба вступающих в аппозитивное сочетание компонента, а в конструкциях двух остальных типов лишь один из них, второй же — большей частью предшествующий, но иногда, напротив, последующий — имел форму Р ед. Характерно, что в Р ед. в преобладающих здесь сочетаниях имени нарицательного с именем собственным личным представлено обычно имя нарицательное и значительно менее часто — собственное. Это, вероятно, отражает смысловые отношения «господства и подчинения», в которых находятся члены таких сочетаний. В структуре аппозитивных сочетаний, образованных именем нарицательным и именем собственным личным, определяемым компонентом мы признаем, как правило, имя собственное, а нарицательное считаем определением. (Не случайно именно оно обычно выступает в обособленной позиции, ср. *ten les* <...> *ten byl jest dvojích pánův, Markův a Artušův, těch králův* — Trist 70).

У Я. Гебауэра конструкции всех трех выделенных им типов представлены как сосуществующие, однако при рассмотрении конкретного материала с помощью приема синхронных срезов в диахронии оказывается, что их прослеживаемое в древнечешском языке примерно двухсотлетнее сосуществование было внутренне динамичным. Это была конкуренция конструкций старого и более новых типов, историческая смена которых отражает направление эволюции словосочетаний с необособленной аппозицией.

¹ Примеры в главах III и IV мы большей частью не переводим по причине отсутствия соотносительных конструкций в современном русском языке, но сопровождаем комментариями.

3.1.1.1. Конструкции типа *po králově smrti Přemyslově* — DalL 154 в принципе наиболее архаичны. Их структурная схема ПП + ПП обеспечивала согласование всего двучленного сочетания существительных в атрибутивной позиции с главным именем. Формальная одноименность компонентов таких аппозитивных сочетаний, видимо, была здесь показателем их одинаковой зависимости. Это подтверждает обнаруженный в нескольких сочетаниях своеобразный словопорядок, который следует признать наиболее древним: окружение двумя ПП общего для обоих главного имени. Ср.: *ot hlada, jenž byl po králově smrti Přemyslově* — DalL 154; *filozofova mistrovstvie Aristotilošova* — LegKat 168; *od vozatajova bratra Jirglova* — PoprRožmb 41 /1423/; *daj mi <...> tuto na okříně Janovu hlavu Křtitelovu* — BiblOl Mt 14: 8.

В период XIV — XV вв., однако, для конструкций анализируемого типа было более характерно распространившееся в связи с развитием аппозитивных сочетаний контактное расположение обоих ПП, которые выступали перед именем, определяемым образованным ими сочетанием, или после этого имени. Такие конструкции широко представлены в древнечешских памятниках XIV в. и первой половины XV в. (в списках до начала XVI в.). Ср. примеры:

o královu Václavovu boji s synem — DalL 142; *o biskupově Heřmanově smrti* — DalL 113; *dvě ženě Jakubově patriarchově* — AlbRáj 35; *z domu Simonova koželuhova* — ComestK 275b; *peleš Mojžiešova opatova* — Otc 176; *podachu <...> listův papežových Řehořových* — CestMil 13; *Ezechyelův prorokův příklad* — ŠtítSáz 44a2; *do domu Annášova biskupova* — HusSvátB 197; *v Šimonově duchovníkově domě* — BiblOl L 7: 37; *Zigmund, syn ciesařuov Karluov* — Let 2; *syn mistruov Hanušuov Mikuláš* — Let 4; *čti Život mistruov Husuov* — Let 16; *tu naši, bratrovi Žižkovi, velní v ně* — Let 47; *Václav, pacholek Mikulášův písařův* — PoprRožmb 10 /1397/; *Vítkův masařův střelec* — PoprRožmb 12 /1399/; *bratr Jandův rychtářův* — PoprRožmb 25 /1409/; *pomáhal <...> spáliti dvoru Buzkova purkrabina* — PoprRožmb 31 /1423/.

Жанровое и стилевое многообразие далеко не исчерпанных нашей выборкой письменных памятников, содержащих сочетания подобного типа с разным для разных текстов составом лексем, показывает, что анализируемые конструкции в древнечешском языке

представляли собой живое явление вплоть до второй половины XV в. Материал же источников, отражающих черты народного языка, позволяет заключить, что конструкции с двумя ПП, образованными от нарицательного и собственного имен, оставались возможными до конца XV в., ср. *Fenclová* <...> *Švehlovu nádenníkovu dietěti polštář* <...> *odkazuje* — ListářPlz 2: 327 /1494/, StěSlov 46.

В конструкциях с базовой схемой ПП + ПП в период максимальной активности такой сочетаемости могли выступать не только два ПП на *-ov-/-in-*, но также ПП на *-ov-* и ОПо на *-í*, образованное от нарицательного имени, которое замещало отсутствующее у этого имени ПП на *-ov-* или *-in-*. Эти исторически полифункциональные ДСП в конструкции с ПП на *-ov-*, однако, представлены в древнечешских памятниках в целом не часто. Ср.: *ti k dědině Vlastislav mají* <...>, *kněží Vlastislavovi rodiči* <knyezy Wlaftyflawowy> — DaLC 43; *před obličej kniežetci Olofernov* — BiblOl Jdt 10: 13 [Gebauer 1929: 159].

Напротив, регулярную сочетаемость с ПП на *-ov-/-in-* обнаруживает неизменяемое, «застывшее» ПП *páně* к существительному *pán/pan*, генетически аналогичное ОПо на *-í* типа *kněží*, ср. *prostež* <...>, *by se páně Vilémov pramen rozplodil* <pany!> — DaLL 180. Конструкции с ПП *páně* при ПП на *-ov-/-in-* на протяжении всего древнейшего периода истории чешского языка обладали значительной частотностью, не утратившись даже после устранения всех остальных сочетаний со схемой ПП + ПП. Ср. извлечения из памятников с конца XIV до конца XV в.:

Václav <...> *holomek někdy páně Ondřejov* — PoprRožmb 2 /1389/; *synové páně Sazemini* — PoprRožmb 7 /1397/; *s tovariši páně Hrózovými* — PoprRožmb 29 /1423/; *umřel pan Viktorin* <...>, *otec páně Jiříkuov* — Let 52; *což z strany páně Zdeňkovy bylo* — Let 133; *král Jiří dobyl Skal páně Zajícových* — Let 141; *splatili hrady pánuom a zemanuom* <...> *Vitsemburk páně Jiříkuov a Adrspach páně Hynkuov* — Let 109 (a *Skály páně Salavov /hrad/* — LetPal 146); *Panocha, páně Krušnov služebník* — List 1442, Výb II/2: 221; *posel u mne páně Jiříkuov* <...> *čaká* — List 1465, Výb II/2: 231; */paní/ páně Týmova slova přemýšlela jest* — HynRozpr 103.

Ср. также конструкцию с ПП *páně* к существительному *pán* в сочетании *Pán Kristus: v útery o narození Páně Kristova* /!/ — ArchČ X: 386 /1491/.

Эти конструкции оставались возможными и в XVI в., ср. *měl obhlípniti ... páně Jakobovu manželku; ukradl dva koně <...> lidem páně Atrspachovým* — Oberpfalcer 1935: 22 /1553/.

В конструкциях с ПП *páne* выступали и ПП, образованные от нарицательных имен со значением той или иной должности, которые были часто представлены в сочетании с приложением *pan*, ср.: *na dvoře páně papežovu* — LetPal 178; *že jest zabil člověka páně opatova* — Oberpfalcer 1935: 23 /1553/.

Конструкции анализируемого типа могли объединять также ПП от двух собственных имен лица, выступающих как части составного имени. Ср.: *Ondřej, bratr Šimonův Petrův* — Bibl01, BiblDrážď J 6: 8; *střelec Janův Pražákův* — PoprRožmb 13 /1399/; *pachole Mikulášův Višnin* — PoprRožmb 22 /1409/; *Hansluov Likartuov syn jménem Jalil cizoloživ s Václavovou Pitruchovou ženú řecenú Něta...* — PoprRožmb 24 /1409/. Ср. также субстантивированную форму подобного же сочетания, используемого в качестве двойного женского имени по мужу: *Racková Kobylová měla korec múky* — Let 34.

В конструкцию с двумя такими ПП могло далее приводить приложение, выраженное нарицательным именем, которое, будучи одиночным, в свою очередь также довольно часто замещалось ПП. Ср.: *nepřítelé mistrovi Janovi Husovi* — Let 14; *pani Kateřina, někdy manželka nebožčikova Vernkova Pivcova* — PrávOpav 2: 20 /1431/, StčSlov 401. Эти конструкции отражены главным образом в памятниках до второй половины XV в., но отмечаются и в источниках XVI в. (с формой *páne* при ПП от двух собственных имен): *Maxovi, páně Mičanovu Čenkovu člověku* — Oberpfalcer 1935: 22.

Структурная схема конструкций анализируемого типа и в период их относительной регулярности могла оказаться редуцирована, если от одного из имен в атрибутивно зависимом аппозитивном сочетании в силу тех или иных морфологических ограничений не образовывалось ни собственно ПП, ни ОПо, способное заменить ПП. Речь идет о существительных адъективного происхождения и/или склонения и ряде других (как, например, *paní <*-ji>*). Такие инертные в плане словообразования имена в сочетании с ПП вынужденно выступали в Р ед.; реализуемая в результате схема ПП + Р или Р + ПП в принципе была здесь лишь вариантом схемы ПП + ПП. Ср. примеры: *ukradl jest šíny jedné vdově <...> Pešíkové kmetičiny* — PoprRožmb 23 /1409/ (исходное сочетание *kmetičě*

Pešíková ‘крестьянка Пешикова/вдова Пешика’); *ta strana* <...> *páně Jiřího* — Let 101; *páně sudiho* <...> *moci* — ArchČ X: 283 /1437/; *syn panie Ofčin* — PoprRožmb 13 /1399/ (исходное сочетание paní Ofka); *k přátelóm panie Aniččiným* — List 1433 [Gebauer 1929: 158].

Эти конструкции со схемой ПП + Р или Р + ПП как вариантом архаичной схемы ПП + ПП, несомненно, стимулировали постепенное распространение конструкций типа *králeva Heroda ženima* и *rodu krále Davidova*, где форму Р ед. получало имя, которое в принципе допускало деривацию ПП или полифункционального ОПо.

3.1.1.2. Конструкции типа *rodu krále Davidova* — LegMar 51 предстают в сравнении с вышеописанным типом структурно более новым и в целом более поздним явлением. Стандартизация схемы Р + ПП как нейтральной для атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний кажется органичным следствием процесса синтаксической стабилизации таких сочетаний. Форма Р ед., в которой выступало нарицательное имя, определяющее имя собственное, замещенное ПП, становилась показателем связанности обоих таких компонентов, не будучи самостоятельно соотносительной с именем, которое осложняло данное сочетание. Характерно, что для конструкций со схемой Р + ПП не прослеживается проявляющееся в нескольких сочетаниях со схемой ПП + ПП окружение двумя такими компонентами общего для обоих главного имени. Формы Р ед. и ПП в конструкциях данной структурной разновидности, напротив, располагаются всегда только контактно, причем первая выступает обычно в препозиции и лишь в ряде более редких случаев в постпозиции к ПП. Группа Р + ПП (при инверсии ПП + Р) помещается в свою очередь либо после осложняемого имени, либо перед таковым (инверсия была допустима лишь в первом случае). Вероятно, это обуславливалось актуальным членением, как и некоторыми другими факторами — например, метрическими в стихотворных памятниках. Ср.: *jež bě dci Ižakarova, rodu krále Davidova* — LegMar 51, но *z krále Davidova rodu čistá panna synem počne* — LegKat 174.

Конструкции с базовой схемой Р + ПП, как и конструкции с двумя ПП, представлены в чешских письменных памятниках начиная с древнейшей эпохи. В период до второй половины XIV в. они, однако, образовывались лишь ограниченно, прежде всего в случае

отсутствия у нарицательного имени семантически четко определившегося собственного ПП на *-ov-/-in-*. Так, у существительного *kněz* в исконном значении ‘князь’ форма Р в конструкциях с ПП от имен собственных была в древнечешском языке издавна более предпочтительной, нежели полифункциональное ОПо на *-í kněží*. Характерны данные Хроники Далимила, где в конструкциях с ПП форму Р получает только лексема *kněz* (впрочем, в Кембриджском списке находим и единичное сочетание с ОПо *kněží*), ср.: /Neklan/ *na kněze Vlastislavovu čeled sě vztáza* — DalL 46; /Kojata/ *v kněze Jaromírovu řeč sě uváza* — DalC 89.

Можно предположить, что из конструкций с лексемой *kněz* схема Р + ПП со временем проникала в сочетания, в которых выступали другие названия титулов, в первую очередь *král* ‘король’ (и ‘царь’). Конструкции с лексемой *král* в Р при последующих ПП широко отражены в памятниках с середины XIV в. Ср. примеры:

syn krále Herodóv — Krist, Vyb I, 536; *k trónu krále Šalomúnovu* — AlbRáj 49; *do krále Asverovy komňaty* — ŘádKor 99; *s krále Janovy strany* — KarŽiv 67; *k vojsku krále Artušově* /!/ — BawTand 309; *podlé krále Markova rozkázanie* — Trist 73; *z pokolenie krále Chynchišova* — CestMil 73; *Kagatim, syn krále Kublajóv* — CestMand 117.

Я. Гебауэр приводит и единичное сочетание подобного типа с обратным порядком следования компонентов: *tretieho léta královstvie Balthazarova krále* — Pror 119a [Gebauer 1929: 158]. Ср. также конструкцию ОПо на *-ský*, которое замещает отсутствующее ПП, с существительным *ciesar* в Р, находящимся в постпозиции к ОПо: *v léto patnácté řistvie Tiberinské* /!/ *ciesarě* — EvSeit L 3: 1 [Gebauer 1929: 160].

В период со второй половины XIV в. в богослужебных и богословских текстах в конструкциях со схемой Р + ПП (ПП + Р) встречаются также другие лексемы (по большей части книжные). Ср.: *slova proroka Izaiášova* — MatHom 1, 22; *v domu Šimonově licoměrnika* — Comest 241b [Gebauer 1929: 158]; *nenalezu těla Hospodina Ježíšova* — BiblDražď L 24: 3 (*těla Pána Ježíševa* — BiblOI, ibid.). Конструкции с подобным лексическим составом, однако, вплоть до начала XV в. были в целом не столь типичны, функционируя параллельно архаичным конструкциям со схемой ПП + ПП. Конкуренция конструкций обоих этих типов могла обнаруживаться в одних и тех же контекстах, что свидетельствует о неустойчи-

вости схемы Р + ПП. Ср. следующий пример: /dci Herodiášové/ *vecě své mateři*: „*Co prositi budu?*“ „*A ona povědě: „Hlavy Janovy Křtitele“.* *A když inhed vyjde chvátající před krále, vzprosi řkúci: „Chci, aby mi inhed dal v okříně hlavu Janovu Křtitelovu“* — BiblOl Mc 6: 24–25 (*hlavy Janovy Křstitele, hlavu Jana Křstitele* — BiblDražď, ibid.).

В материале источников, отражающих черты народного языка, в период до начала XV вообще не отмечены конструкции со схемой Р + ПП или ПП + Р, содержащие другие лексемы, кроме *kněz* (уже в значении ‘священник’). Ср. характерный контекст: *cný muž Židek, řecený Vavřinec, vrátný králové Janové, duom svuoj s vinnicí, něšto leží pod Hradčany mezi domem Mixovým ševcovým s jedné strany a mezi kněží Hrnečkovým s druhé strany, vkládá v tyto knihy městské* — ArchPraž, Výb I: 817. (Фрагмент *vrátný králové Janové* демонстрирует трансформацию обоих компонентов аппозитивного сочетания *král Jan* ‘король Иоанн’ в субстантивированные прилагательные с последовательно местоименными окончаниями, образованные на базе ПП с суффиксом -ov-, какие функционировали в качестве названий жены по мужу: *králová* ‘королева’, аналогично *Janová*; в посессивном сочетании со словом *vrátný* ‘привратник’ оба образования закономерно принимают форму Р ед.).

Репрезентативны данные Следственной книги Розенбергов, в которой нашла отражение норма народного языка конца XIV — начала XV в. Конструкции со схемой ПП + ПП представлены здесь на протяжении всего текста, в записях с 1389 по 1427 г., конструкции же со схемой Р + ПП или ПП + Р обнаруживаются лишь в записях начиная с 1420 г. Это 5 конструкций с лексемой *kněz* (например, *doměk kněže Lazarov* — PoprRožmb 25 /1420/) и 2 конструкции с другими лексемами, *hrnčieř* ‘гончар’ и *purkrabie* (> *purkrabí*) ‘бургграф’, в постпозиции к ПП: *vyznánie Slívkovo hrnčieře* — PoprRožmb 25 /1420/; *Buzkovi purkrabí strahovali nad Chvalšinami* — PoprRožmb 40/1423/ (при *pomáhal Rovného spáliti, dvoru Buzkova purkrabina* — PoprRožmb 31/1423/; *služebník Buzkóv purgrabin* — PoprRožmb 47 /1423/). Ср. также конструкцию двух однородных ПП с приложением, принимающим вследствие аттракции форму того же падежа, что и оба ПП (вместо Р мн.): *přikázáním Jenikovým a Chvalovým hauptmanu* — PoprRožmb 35 /1423/.

В XV в. конструкции анализируемого типа становятся более частотными. Так, для датируемых серединой XV в. обработок

ряда более ранних памятников характерны только конструкции со схемой Р + ПП. Эти конструкции исключительно многочисленны в excerптированном списке Троянской хроники конца XIV в., который относится к 1469 г. (всего около 60 примеров). Впрочем, превалируют здесь конструкции с лексемой *král* типа *Hektor, syn krále Priamuov* — Troj 285; конструкция с другой лексемой обнаружена лишь одна: *Archilogus, syn vévody Nestoróv* — Troj 212.

Более консервативные списки с текстов конца XIV — начала XV вв. в тот период еще сохраняли конструкции старшего типа с двумя ПП, но далеко не последовательно. Архаические конструкции оригиналов здесь также заменялись, разными писцами в разной степени, на конструкции со схемой Р + ПП либо ПП + Р. Ср.: *Pán Buoh krále Jozafatovu modlitbu uslyšěl* — ŠtítBarlU 333 / *královu Jozafatovu* — ŠtítBarlS; *kapla Eliášova proroka* — CestMandA 43 / *Eliášova prorokova* — CestMandC (*Eliášě proroka* — CestMandD); *hrob Rachel, ženy Jakubovy patriarchovy* — CestMandA 52 / *Jakubovy patriarchy* — CestMandC (*Jakoba patriarchy* — CestMandD).

Характерно соотношение конструкций со схемой ПП + ПП и Р + ПП в тексте Старых летописей чешских, который писался в течение всего XV вплоть до начала XVI в. В excerптированном списке первой половины XVI в. при 5 сочетаниях типа *po králově Ladislavově smrti* — Let 122 с ПП, образованными от нарицательных имен *král*, *ciesář* ‘император’, *mistr* ‘магистр’ и *bratr* ‘брат’, обнаружено 26 сочетаний, содержащих те же и другие лексемы, в первую очередь *kněz*, в Р: *o přiběžích krále Václavových a kterak se za jeho časuov dalo* — Let 1; *krále Zigmundovým rozkázáním* — Let 37; *páni a zemané z strany krále Albrechtovy* — Let 82; *o smrti krále Ladislavově* — Let 121 (всего 14 примеров); *pochovali tělo kněze Janovo pod kazatedlnicí* — Let 40; *položili se před kněze Jindřichovým vojskem* — Let 138 (всего 9 примеров); *o kázanie mistra Husovo* — Let 8; *po smrti bratra Žižkově* — Let 48. Ср. также конструкцию ПП с двумя аппозитивными компонентами в Р: *tu vezmú pušku Chmelík nebožtíka krále Václavova* — Let 53 ‘тут захватили (букв. *захватят*, исторический презенс) пушку Хмелик покойника короля Вацлава’ (букв. *Вацлавова*, форма ПП согласована в В ед. одуш. = Р ед. с собственным именованием орудия при том, что само оно имеет форму В ед. В ед. неодуш.).

Конструкции с подобным лексическим составом отмечаются и в источниках, отражающих черты народного языка XV в., ср.: *kterak by byl <...> děti nebožce Seidlových poručník* — List 1461, Výb II/2: 219.

С XVI в. форму Р в конструкциях с ПП от имени собственного стало принимать и приложение *pan*. Такие конструкции употреблялись наряду со все еще сохранявшимися конструкциями с неизменяемым ПП *páně*, ср.: *zabil člověka pana Popelova; voblúpili člověka pana Mičanova* — Oberpfalcer 1935: 23 /1525/. Фиксируются в текстах XVI в. и конструкции со схемой Р + ПП или ПП + Р, содержащие другие лексемы в Р, ср. *Rajna, dcerka Jindrova mlynáře* — Oberpfalcer 1935: 23 /1547/.

Форма Р имени *kněz* могла выступать также в конструкциях с ПП от определяемого нарицательного имени со значением известной должности либо сана, ср.: *ohlašuji, že jsem hotov státi na dvoře kněze arcibiskupově* — HusKor, Výb II/1: 190. Эти конструкции отмечаются в источниках как XV, так еще и XVI в., например: *kobyly kněze opatovy, lidem kněze opatovým* — Oberpfalcer 1935: 23 /1553/.

В конструкциях с ПП от имен личных, кроме того, форму Р могли принимать прозвища и иные собственные наименования лица. Характерно, что форму Р в данных случаях получало обычно второе имя, выступающее постпозитивно. Ср. примеры: *tyto jsú viny Jakúbkovy, Příbramovy, Englišovy, Martinovy Volyni* — Let 43; *že byl vpadl v ruce Telamonově Aiaxa* — Troj 268 (а также *prosba toho ženimčiče Telamonina* /?/ *Aiaxa* — Troj 152, исходное имя — Telamonus Aiax). В эксцерптированных текстах обнаружилось лишь одно сочетание подобного типа с обратным порядком следования ПП и имени в Р (конструкция содержит также ПП от определяющего все составное имя нарицательного существительного *král*): *králova Vilebranta Janova žena* — CestMandD / *králova Vilebranta Jana žena* — CestMandA 95.

3.1.1.3. Конструкции типа *králeva Heroda ženima* — Hrad 51a, где ПП от нарицательного имени сочетается с собственным именем в Р ед., встречаются лишь изредка в памятниках второй половины XIV — начала XV в. Я. Гебауэр, кроме приведенного выше древнейшего примера из Градецкой рукописи, цитировал всего одно такое сочетание: *z ciesařova Theodosiho dvora* — Otc 73a [Gebauer

1929: 158]. Форма Р здесь, однако, явно лишь компенсировала отсутствие ПП и других адъективных замен у имени *Theodosí* (в связи с адъективным склонением последнего).

Наш материал позволил отметить три сочетания, в которых форму Р ед. имеют собственные имена, в принципе допускающие деривацию ПП на *-ov-*: *králova Vilepranta Jana žena z Uher* — CestMandA 95; *druhá Julia, ciesařova Gaia dcera* — Tkadl 75; *Oldřich, otec Břěcislava vévodín* — PulkR 43a.

Изолированность сочетаний подобного типа обнаруживается наиболее наглядно в чешском тексте Хроники Пулкавы (в списке конца XIV в.). Так, при единичном сочетании ПП, образованного от нарицательного имени *vévoda*, с именем собственным личным в Р ед. здесь содержится несколько аналогичных сочетаний, в которых, напротив, форму ПП имеют собственные имена, а форму Р ед. — лексема *vévoda*, ср.: *syna Boleslavova vévody* — PulkR 36b; *čeledín vévody Jaromírov* — PulkR 37a. Фиксируются здесь также конструкции с ПП от обеих таких лексем: *bratr Boleslavov vévodín* — PulkR 31a; *otec Oldřichov vévodov* — PulkR 43b [Gebauer 1929: 158].

В связи с процессом вытеснения архаичных конструкций со схемой ПП + ПП конструкциями со схемой Р + ПП или ПП + Р, где форму Р принимало приложение, выступающее соответственно препозитивно или постпозитивно, видимо, и возникали окказиональные сочетания, в которых более новая схема Р + ПП или ПП + Р использовалась при обратном порядке следования компонентов. Конструкции типа *králeva Heroda ženima* — Hrad 51a при нейтральном словопорядке были построены по схеме, характерной для конструкций с инверсией, типа *tretieho léta královstvie Balthazarova krále* — Prog 119a. Результатом противоположной контаминации представляется единичное сочетание *otec Břěcislava vévodín* — PulkR 43a. Эти нерегулярные случаи контаминации кажутся естественными для этапа стабилизации схемы Р + ПП либо ПП + Р, происходившей в древнечешском языке во второй половине XIV и в начале XV в.

Стимулировать возникновение конструкций анализируемого типа могли также структурно аналогичные конструкции со схемой ПП + Р либо Р + ПП как вариантом архаичной схемы ПП + ПП, типа *z ciesařova Theodosího dvora* — Otc 73a или *šíny <...> Pešíkové kmetičiny* — PoprRožmb 23 /1409/.

3.1.1.4. С формами ПП в истории чешского языка были также способны сочетаться необособленные приложения, осложненные собственными зависимыми компонентами. Распространенные приложения, в сравнении с одиночными, выступали значительно чаще обособленно, вторичное же необособление такого приложения предполагало его более тесное присоединение к определяемому существительному, что могло приводить к переосмыслению первоначальной зависимости компонентов.

Так, при необособленном присоединении приложения, выраженного существительным, осложненным собственным аппозитивным компонентом, последнее само могло быть осмыслено как главное для всей последовательности имен. Эта интерпретация допустима для контекста *ve dvoře arcibiskupově kněže Zbyňkově Zajícově* — LetPal 12 (в другом списке на том же месте читается только *na dvoře arcibiskupově* — Let 7), где форму ПП имеют одновременно имя нарицательное *arcibiskup* ‘архиепископ’, определяемое следующим далее сочетанием составного имени с аппозитивным компонентом, и обе части составного имени как главного значимого элемента данного контекста. В этом смысле анализируемая конструкция весьма близка конструкциям с двумя последовательно присоединяемыми одиночными приложениями при ПП, образованном от определяемого имени, типа *vezmú pušku Chmelík nebožtíka krále Václavova* — Let 53.

Вторичное необособленное присоединение многочленного приложения, выраженного именем нарицательным в сочетании с адъективным компонентом, сигнализировалось обычно препозицией такого комплекса. В конструкциях с ПП от определяемых имен собственных приложения этого типа всегда представлены в Р ед. Ср.: *bratr vévody českého Boleslavův* — PulkR 31a; *po cestách otce svého Davidových* — BiblOl 2. Par 17: 3 [Gebauer 1929: 159]; аналогично: *po jeho bábě, jeho otce Gotfridovy mateře* !/ — CestMandD 95 (форму Р ед. здесь вслед за приложением механически принимают также ПП и его главное имя).

Форме ПП могли предшествовать также два таких приложения: *potvrditeli králův, jenž z života věrného přítele tvého, patriarchy našeho Abrahama přezvolils krále* — ŘádKor 82.

В ряде более редких случаев, однако, адъективные компоненты располагаются после «концентрированных» аппозитивных сочета-

ний определяемых ими нарицательных имен с ПП, ср. *mocí kniežäte Belzebubova* /!/ *diábelského* — EvVíd L 11: 15 [Gebauer 1929: 159]. Этот отрыв элементов многочленной аппозиции друг от друга мог вести к переосмыслению определения при нарицательном имени как определения всего двучленного сочетания существительных. Характерно, что при атрибутивном положении сочетаний подобного типа ПП с древних времен могли образовываться не только от определяемого имени собственного, но и от определяющего нарицательного, как если бы это было сочетание с одиночным аппозитивным компонентом, например: *podlé príkázanie Ottova markrabina moravského* — PulkR 83b. Эти конструкции анализируются подробнее в главе IV.

С продвижением многочленного приложения с подобным составом из препозиции в постпозицию, видимо, чаще всего было связано обособление данного комплекса, ср. *Herodes bieše poslal a jal Jana <...> pro Herodiášovu, ženu Filipovu, bratra svého* — BiblOl, BiblDrážď Mc 6: 17 / *pro Herodidem, svého bratra ženu Filipovu* — EvVíd, ibid. (Výb II/2, 448). Впрочем, при семантической цельности сочетания приложение, возможно, продолжало выступать как необособленное и в позиции после главного имени. Это можно предполагать для приложений, выраженных нарицательным именем *syn* 'сын', *dcera* 'дочь', *žena* 'жена' в сочетании с ПП от имени главы семьи, которые обычно вводились именно постпозитивно. Ср. конструкции с ПП, образованными от определяемых такими сочетаниями имен собственных личных: *do krve Zachařovy syna Barachova* — BiblOl Mt 23: 35 (*Barachiášova* — BiblDrážď, ibid.); *Barbořin pacholek dcery Buřkovy* — PoprRožmb 35 /1423/. Подтверждением цельности всего складывающегося здесь сочетания служат частые случаи эллипсиса аппозитивного компонента, осложненного ПП, т. е. лексемы *syn*, *dcera* или *žena*. В результате такой редукции приложения происходило переосмысление определявшего нарицательное имя ПП как полнозначной части составного имени собственного. Первая часть такого имени, естественно, оставалась способной замещаться ПП, ср. чешский перевод первого предложения путеописания Марко Поло, которое обозначается как «книги Марка (букв. *Марковы*) /сына/ Павлова из Венеции»: *počínají se <...> knihy páně Markovy Pavlova z Benátek* — CestMil 6.

Тот же фактор семантической цельности сочетания, очевидно, предполагал необособление приложения *Jeho milost*, функционировавшего во фразеологизированных наименованиях титулов с лексемами *král*, *císař* и т. п. В конструкции с ПП, образованными от определяемых имен, это приложение приводило всегда постпозитивно. Ср. конструкции с ПП на *-ov-* и ОПо на *-ský* со значением ПП: *na císařově dvoře Jeho milosti* — List 1468, Výb II/2: 205; *na zámek panský Jeho milosti* — List 1501 [Stanislav III: 145].

3.1.2. Конструкции ПП с необособленными аппозитивными компонентами, структурно аналогичные конструкциям, представленным в древнечешском языке, широко отражены в памятниках других древних славянских языков. Рассматриваемая сочетаемость ПП предстает при их сравнении как исконно общеславянское явление; общеславянскими оказываются и тенденции ее эволюции.

Вопреки ожиданиям, анализируемые конструкции не встречаются в «канонических» старославянских памятниках X–XI вв. Это может объясняться книжным характером старославянских текстов с их довольно строгим синтаксисом, а также, по всей вероятности, ограниченностью круга этих памятников. Тем не менее функционирование ПП в сочетаниях с необособленными аппозитивными компонентами явно не было запрещено нормой старославянского синтаксиса. Это подтверждает следующий контекст, где ПП, образованное от нарицательного имени **господь**, присоединяется к сочетанию с приложением, по существу добавочно уточняемому данным именем, при помощи сочинительного союза: **о погребении тѣла гнѣ и ба нашего ѿ ѿха** — Клоц. I, 753 [Večerka 1957: 29]. Ср.: **о погребении тѣлес/ѣ/ гн нашего ѿсоу ѿха** — Супр. 447, 29 [Stanislav III: 313].

Сдерживавшаяся в старославянском языке стилистическими факторами, но системно вполне допустимая, исследуемая сочетаемость ПП выявляется максимально выразительно в церковнославянских памятниках. Ср. конструкции со схемой ПП + ПП и ПП + Р из текстов XIV в. с сербскими чертами, отмеченные Ф. Миклошичем: **доно авраамова патрархово** — HomMih 186; **въ домоу симоновѣ оусмаря** — ŠišAct 10, 32 [Miklosich 1883: 14–15].

На материале других древних славянских языков прослеживается преемственность обоих обозначенных типов сочетаемости ПП. Рассматриваемая в динамике конкуренция конструкций со

схемой ПП + ПП и Р + ПП (ПП + Р) при этом везде обнаруживает то же направление и очередность стадий, что и конкуренция, представленная в древнечешских памятниках XIV–XV вв.

В древнерусском языке¹ до XV в. отмечаются преимущественно конструкции типа бѣ бо аврамъ поымъ братьню дщерь ароію сароу — Лавр. лет., ПЛДР I, 106, в которых два ПП окружают общее главное слово, или ольгова когана хоти — Сл.п.Иг., ПЛДР II, 386, с линейной аппозицией. Ср. характерные примеры (в упрощенной графике изданий или авторов исследований, откуда они взяты):

преставися Романъ князь сынъ Володимиръ — Лавр. лет., 277 [Потебня 1968: 405]; что ти ся достало удела княгинина Ульянина — Гр. XIV — XVI вв.; промежю Никольскою землею поповою Фадеевою — Гр. 1395; княз Михаило Андревич <...> старца игумена Трифонова оправил — Гр. 1427; по господинову по митрополичю слову подписалъ дьякъ Левашъ — Гр. 1490 [Макарова 1954: 19]; другое стадо, дѣтино Ивашково — Гр. 1353; блгньемъ архимандричимъ Серапионовымъ — Ап. XIV в., л. I; патриаршию Ияковлю добродѣтель — Гр. XIV в., л. 162 в [Маројевић 1983^a: 11]; смотриши Добрынина посаднича чюда — Пов. пос.Добр., ПЛДР V, 190; отпустил князь велики <...> князеи царевицевыхъ Даньяровыхъ — Моск. пов.пох. Новг., ПЛДР V, 384; у сего же чудотворцева гроба Сергіева — Пов. осл.Вас. II, ПЛДР IV, 508.

В конструкциях анализируемого типа могли объединяться также ПП от двух собственных имен лица, выступающих как части составного имени, ср.: Всеволодъ Юргевичъ Володимиръ внукъ Мономаховъ — Лавр. лет., л. 137 [Маројевић 1983^a: 12]; Мъстиславъ Романовичъ Киевский, внукъ <...> сына Владимерова Манамахова — Твер. лет., ПЛДР III, 158; ратъ татарьскаа, глаголемая Федорчукова Туралыкова — Жит. Серг. Рад., ПЛДР IV, 288; убиша же

¹ Хочется отметить, что нижеследующие наши наблюдения над древнерусским материалом в целом согласуются с описанием древненовгородских «притяжательных конструкций» в книге А. А. Зализняка: «Тип 1 представлен, в частности, в древнейшей надписи мечьни[ч]ъ Лазорево мѣхо (XI, см. А 26); в берестяных грамотах — в Юванове попове 319 (нач. XIV; ярлычок) и, возможно, еще в сино Микитино Лашенстинково 126 (XIV/XV). Тип 2 представлен, например, в двѣри т[и] е[с] ... земль Павылова ‘земля ее деверя Павла’ 227 (XII), Вороньцѣ Вьикъвъ ‘[вещь] Воронца Войка’ 332 (XII/XIII), Василевъ Софонтьева ‘[люди] Василя Софонтьева’ 169 (XIV/XV)» [Зализняк 2004: 158].

<...> Борисова челѡвѣка Слѣнцева — Моск. пов.пох. Новг., ПЛДР V, 394.

Регулярность структурной схемы ПП + ПП в период до XV в. подтверждается ее использованием для словосочетаний, образованных двумя нарицательными именами со значением животного, ср.: утропѣ имать от <...> поль его и до ниже образъ рыбыи китовѣ — Физ. XIII в., ПЛДР III, 482 (список XVI в.).

Структурная схема ПП + Р либо Р + ПП в период до XV в. была, видимо, характерна в первую очередь для тех атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний, в которых в связи с морфологическими или морфонологическими ограничениями от одного из членов не образовывалось ПП. Так, форму Р в конструкциях с ПП вынужденно получали субстантивированные прилагательные, ср.: розграбиша <...> и Водовиковѣ дворѣ <...> и Борисовѣ тысячьскаго — I Новг. лет., л. 112; взя городѣ княгининѣ на щитѣ Сѣтославлѣ — Ипат. лет., л. 179 об. [Маројевић 1983^a: 54, 49]. С раннего периода истории русского языка оказывалась невозможной также деривация ПП от патронимов на *-ичь* в конструкциях типа судѣ Ярославѣ Володимирица — Рус. пр. 1280 г., л. 615 об. а [Маројевић 1983^a: 26]. Р. Мароевич усматривает отражение первичного употребления здесь ПП от патронимов — одновременно с ПП от личных имен — в единичном сочетании: повелѣниемъ Милятиномѣ Лукиничемъ — Ев. Милят 1215 г., л. 160 [Маројевић 1983^a: 11]. Эта интерпретация, однако, вызывает сомнения: в цитируемой исследователем конструкции скорее всего имеет место аттракция патронима на *-ичь* (*-иць*) — явление, которое прослеживается и в древнечешском языке (ср. přikázaním Jeníkovým a Chvalovým hauptmanu — PoprRožmb 35 /1423/).

С XII в. форму Р в конструкциях с ПП стали получать также лексемы, в принципе допускавшие деривацию ПП. Ср.: домѣ тещи Петровы апостола — Хожд. Дан., ПЛДР II, 90; мати Самоиля пророка — Жит. Серг. Рад., ПЛДР IV, 268; видѣхом <...> отца Иоанова Предтечи — Хожд. Фл. соб., ПЛДР IV, 488; на царя Костянтиновѣ день — Жит. Мих. Клоп., ПЛДР V, 338. Материал памятников показывает, что схеме ПП + Р или Р + ПП до XV в. следовали большей частью книжные сочетания. В период XIV — XV вв. она, однако, утверждалась также в сочетаниях, употребительных в живом язы-

ке, например: *Дрогило, Нездыловъ снъ кожевника* — II Новг. лет., л. 127 [Маројевић 1983^a: 35].

Из конструкций типа *судь Ярославль Володимирица* схема ПП + Р проникала в сочетании с прозвищами при именах собственных личных, ср.: *Всеволодъ Гюргевиць, внукъ Володимеръ Мономаха* — Лавр. лет., л. 140 об. [Маројевић 1983^a: 55]; *от полку Еупатиева Коловрата* — Пов. Ряз., ПЛДР III, 192; *Девгениева Акрита жена* — Девг., ПЛДР III, 50 (список начала XVIII в.).

Расширение круга сочетаний с одиночными аппозитивными компонентами, следующих схеме ПП + Р или Р + ПП, вело к ограничению возможностей сочетаемости ПП + ПП. В период XVI — XVII вв. форму ПП в сочетании с другим ПП продолжали принимать в целом немногочисленные нарицательные существительные, которые чаще всего выступали в составе таких единств. Это были особенно названия титулов, в первую очередь *князь*, различные названия степеней родства и названия лиц по должности или роду занятий. Функцию ПП здесь часто выполняли ДСП на *-ский (-ской)*. Ср. извлечения из источников XVI — XVII вв.: *княж Дмитриев сын Шемякин; княж Дмитриевской двор Шемякин; со княгининскою вотчиною Овдотьиною; съ Юрьевским лугом казначеевым* — Гр. XIV–XVI вв. [Макарова 1954: 19–20]; *дворъ безчети пусть Олуховской ветошниковъ* — Новг.п.кн. I, 55, 1584 г.; *къ игуменскому Георгиеву приѣзду къ Москвѣ* — Кн. Болд.м. 51, 1585–1589 гг.; *тою вытью дядинскою Михаловскою благословиль* — А.сб. Лих. 29, 1556 г.; *свекровни Федорины люди* — Д. Холп. 487, 1634 г.; *Дементеева братня жена* — Переп. Хован. 434, 1660 г. [Маројевић 1983^b: 167; 1983^a: 143–144].

Однако и в атрибутивно зависимые аппозитивные сочетания с подобным лексическим составом со временем проникла схема Р + ПП либо ПП + Р. Так, конструкции со схемой Р + ПП, где форму Р получают названия титулов, в том числе и *князь*, обнаруживаются с XV в. в западнорусских и южнорусских памятниках, например: *Елхимъ, князя Юрьевъ бояринъ* — Гр. 1469; *короля Жигимонтовъ сынъ Владиславъ* — АЮБ I, 85 [Потебня 1968: 407]. С XVI в. те же конструкции отмечаются и в памятниках великорусского языка, например: *в брата твоего, князя Борисову отчину* — Гр. XIV — XVI вв.; *царевну же Ксению, дочь царя Борисову...* — Пов. Кат.-Рост., 20; *от царевича Дмитриева телеси* — Пов. Кат.-Рост., 26 [Макарова 1954: 25, 23].

Фиксируются и такие конструкции, где форму Р, напротив, имеют собственные имена, тогда как нарицательные существительные замещаются ПП или ДСП на *-ский (-ской)*, например: *сбыстся пророчество <...> брата царева Петра* — Пов. Петр., ПЛДР VI, 32; *помѣстье за нимъ дядинское Мардаша* — АЮБ I, 390, 1691 г. [Маројевић 1983^b: 163]. В случаях типа *немцинова боцка Федора Черного* — Гр. 1373 [Маројевић 1983^a: 54] ПП образовывались только от нарицательного имени, так как при следующем далее личном имени выступало еще одно имя (по происхождению — прилагательное).

Напротив, вторичны конструкции типа *князь Григорий князь Ивановъ сынъ Долгорукого* — Гр. 1565 [Потебня 1968: 407], где генетически адъективные компоненты многочленных княжеских наименований относились к сочетаниям двух ПП — замен имени собственного и лексемы *князь*. Субстантивированное функционирование прилагательных здесь представляется следствием отрыва последних от первоначально определяемого ими аппозитивного компонента *князь*, ср. *князь Василий князь Федоровъ сынъ Мещерского* — Гр. 1565 и *панъ Котуна <...> князя Ивановъ Острожского* — Острож. зап. 1464 [Потебня 1968: 407]. Характерно, что при присоединении таких прилагательных как вторых имен лица, завершающих многочленные княжеские именованья, лексема *князь*, становясь одиночным аппозитивным компонентом, в конструкциях с ПП от следующего далее имени могла получать и форму ПП, и форму Р.

Распространение необособленного приложения тесно присоединяющимися к нему зависимыми компонентами, напротив, исключало возможность замещения главного именного компонента данного комплекса адъективным эквивалентом, т. е. ПП либо иным ДСП. В конструкциях с ПП от определяемого имени выражающие такое приложение имена представлены всегда в Р, ср.: *по о/т/ца моего животѣ, по княз/я/ великоз/о/ по Ивановѣ* — Гр. 1389 [Маројевић 1983^a: 13].

При нейтральном препозитивном присоединении многочленных не обособляемых приложений отдельные такие сочетания могли располагаться и после осложняемого имени, ввиду семантической гомогенности складывающихся сочетаний, видимо, не становясь обособленными единицами. Это характерно в первую

очередь для сочетаний, которые включали название члена семьи типа *сынъ*, определяемое образованным от имени главы семьи ПП (последнее часто осложняло еще одно имя того же лица). Ср. конструкцию с ПП при подобном трехчленном необособленном приложении: *здоровиємъ Айдаровымъ Григорьева сына Карповича* — Сев.-рус. лет.св., ПЛДР V, 434. В результате редукции субстантивного компонента аппозиции здесь имела место субстантивация адъективного компонента — ПП от имени главы семьи, которое выступало тем самым как часть составного имени. Первая его часть, естественно, оставалась способной замещаться ПП, ср. примеры типа *о Тимофеѣве Харитонова делѣ писал* — Грамотки 183, 1697 г. [Маројевић 1983^a: 152].

Историческое развитие различных типов конструкций ПП с необособленными аппозитивными компонентами в древнепольском языке представляется более близким к их эволюции в чешском языке. Конструкции со схемой ПП + ПП прослеживаются в древнепольских памятниках до конца XV в., ср. *syn cieślin Józefów* — Rozm 490; *w dom Mikołajów karczemników* — AKPr 8, 58 /1477/. Из конструкций типа *w księżem biskupiem trzymaniu* — Przyb 13 /1417/, однако, ДСП на *-i (-y)*, компенсировавшие отсутствие у приложений производных на *-ov/-in-*, оказались вытеснены в начале XV в., ср. альтернативные конструкции со схемой Р + ПП: *nie trzyma <...> księdza Marcinowy części* — Przyb 16 /1404/; *ludziem księdza biskupowym* — ZapWarsz 2927 /1468/. Та же структурная схема, т. е. Р + ПП или ПП + Р, на протяжении XV в. проникала и в другие сочетания с одиночным аппозитивным компонентом, ср.: *ta połowica <...> nie była króla Kazimirowa* — Piek 142 /1403/; *z ręki Maciąjowy /!/
wojta* — AKPr 8a, 53 /1461/; *cztery konie nieboszczyka bratowych* — GórsJaz 277 /1495/. В монографии С. Шлиферштейновой, из которой мы черпали примеры XV в., отмечается, что конструкции со схемой Р + ПП или ПП + Р оставались возможными и в XVI — XVII вв.; у кодификаторов польского литературного языка конца XVII в. они между тем уже встречали возражения [Szlifersztejnowa 1960: 46–57]. Впрочем, в религиозных текстах, несомненно, большей устойчивостью обладали конструкции типа Р + ПП с начальным компонентом *papa* в значении ‘Господа’, какие удерживались в употреблении вплоть до XX в. (см. 3.3.3.). Древнепольские примеры представлены в антологии Wybór 1950: *glowe y ramyona papa*

Jesucristowi *wyssaiacze ksobie gest cziaagnela* — *Sprawa* (106); *żywot pana Iezusow, o pana Iezusowé postawie* — *Żywot* (231).

В словацком языке XVI — XVII вв. схеме ПП + ПП могли следовать, очевидно, только сочетания личных имен, отличающиеся значительной семантической однородностью, ср. *Vondrej, Spevákove zeť, /s/ svú malženkú Jelenou, dievka Spevákova Pavlova* — Ružomb 1531 [Stanislav III: 190]. Одновременно даже для названных сочетаний все чаще избиралась схема Р + ПП, ср. *odtud k západu podle medze Mateje Kulichovej* — UrbOrav 1677 [Stanislav III: 210]. Еще в XV в. схема Р + ПП в живом словацком языке, видимо, оказалась единственно возможной для остальных аппозитивных сочетаний, в частности для сочетаний с аппозитивным компонентом *pán*, для которых в чешском языке оставалась характерна исконная схема ПП + ПП; ср. *má glejtovný list pána Jiskrov* — List 1450 [Stanislav III: 130].

Конструкции с обособленными аппозитивными компонентами
(тип *o Děpoltově vypuzení, kniežete kúřimského*)

3.2.1. В конструкции с ПП в чешском языке начиная с древних времен вплоть до XVI в. свободно входили также приложения обособленного типа, к которым мы причисляем большинство приложений, выраженных далее определяемым именем и выступающих в постпозиции (вторичное обособленное присоединение одиночных приложений можно пока не учитывать).

Атрибутивно зависимые сочетания с многочленной обособленной аппозицией обыкновенно подчинялись схеме ПП + Р. Форма Р аппозитивных существительных здесь обуславливалась наличием у последних собственных зависимых компонентов. Я. Гебауэр склонен был считать форму Р единственно возможной для сочетаний осложненных аппозитивных компонентов с ПП. Постулируемое им правило можно признать вполне адекватным для сочетаний с вторично необособленной многочленной аппозицией, которые могли перейти от схемы Р + ПП к схеме ПП + ПП лишь за счет отрыва зависимых компонентов от аппозиции (ср. *bratr vévody českého Boleslavový* — PulkR 31, но *na králově Václavově českého dědině* — Dub 139). Напротив, в конструкциях ПП с обособленной многочленной аппозицией отдельные зависимые компоненты

первоначально допускали образование ПП и от существительного в приложении. В частности, в конструкции с ПП как ядром многочленной обособленной аппозиции при другом ПП были обнаружены определения, выраженные с помощью примыкающего предложно-падежного сочетания имени со значением места: s Petrem Zachařovým synem, purkrabiným synem ze Zviekova — PoprRožmb 9 /1397/; lidem Vláškovým z Sudkovic, purkrabiným ze Zviekova — ListářRožmb II: 367 /1444/. Характерна высокая степень автономности обособленной аппозиции в обоих примерах, в первом случае подчеркнутая повторением при аппозиции того компонента, который осложняет все сочетание. Этот фактор, очевидно, способствовал использованию для отдельных сочетаний подобного типа схемы ПП + ПП.

Структурной схеме ПП + Р, однако, следовало подавляющее большинство сочетаний с обособленной многочленной аппозицией, в рамках которой к существительному могли относиться любые зависимые члены. Ср. характерные примеры из памятников XIV–XV вв.:

o Děpoltově vypuzení, kniežete kúřimského — DalC 130; volichu <...> Albrechtova syna, krále říského — DalL 159; byla <...> oddána za Jana, prvorozeného syna Filipova, krále franského — KarŽiv 27; neb bieše zahnal <...> dceru Rudolfovu, vévody bavorského a hrabie palatinského, syna bratra svého — KarŽiv 54; za časov Svatoplukových, posledního krále moravského — PulkR, Výb I: 610; za dnov Erodivých, krále židovského — BiblDrážď L 1: 5 (*Herodových* — BiblOl, *ibid.*); ženú Honestovu, Macenských krále, tak náramně zamilova — Troj 277; nebs proměnila jméno Evino, matere hřiechu — KarVýkl 126; do domu Zachariášova, mužě počestného a starého — HusSvát 145; /koráb/ jesti Appolonov, člověka šlechtetného, ale převelmi zarmúceného — BawApol 426; pokolenie Kainovo, prvního vražedníka — ChelčSít, Výb II/2: 47; y kochání Kristovu, pravého Šalomúna — VýkŠal 60a; o tělu Aristotilešovu, tak řeceného mudrce — CestMandD 10; žena Uriášova, rytieř Davidova — CestMandA 46; Jahana žena Chuzova, starosty Herodovy — BiblDrážď L 8: 3 (*Johanna Kuzova, starosty Herodovy* — BiblOl, *ibid.*); přebývanie popsáno jest <...> Janovo, božieho křtitele — Otc 97; vuole Jezukristova, našeho spasitele — Otc 61; uzřev znamenie královo, svého protivníka — ŠtítSáz 134; aby <...> vyjěli podlé Hektorova, zprávce svého, prikázanie — Troj 153; pláč

<...> *mezi řeckými vojsky by <...> o smrti Palamidově, jich zprávce* — Troj 203; *k rovu Achilovu, toho reka* — Otc 338; /Medea/ *Jazonově, toho mládence, řeči svěřivši...* — Tkadl 68; *pravenie Mitinovo, hauptmana těchto, jež jsou ztekli Stajici* — PoprRožmb 20 /1406/.

В конструкции с обособленной многочленной аппозицией вступали и сочетания с одиночным аппозитивным компонентом при ПП. Оба детерминирующих ПП имени здесь наиболее часто имели форму Р, ср. *sjdechu sě <...> do stanu krále Agamenova, svého zprávce* — Troj 158; *za krále Zigmundovým, římského a uherského krále, glejtem* — Let 16; *ktož tento list s <...> Benešová, panie Kateřiny nebo pana Hynkovú, věrné ruky, <...> dobrú volí bude mieti* — List 1422, Výb II/2: 411. Только сочетания составных имен лица с обособленной многочленной аппозицией, видимо, следовали схеме ПП + ПП + Р, ср. *čeled Habartova Lopatova, toho žhůbcě země* — Let 91.

Анализируемая сочетаемость в истории чешского языка оставалась живым явлением вплоть до начала XVI в. Фиксируются такие конструкции и в позднейших памятниках с традиционным архаичным синтаксисом. Ср. характерный контекст из Кралицкой Библии 1579–1593 гг. (в издании 1613 г.): *potom léta prvního Cýra krále Perského <...> vzbudil Hospodin ducha Cýrova krále Perského* — BiblKral 2. Par 36: 22, Esd 1: 1.

3.2.2. Конструкции ПП с обособленной многочленной аппозицией прослеживаются в древнеписьменных памятниках многих славянских языков. Древнейшие примеры такой сочетаемости ПП встречаются в старославянских текстах X — XI вв.:

кънигы родства нѣхѡва. сѡна два. сѡна авраамѣ — Асс., Сав. Мт. 1, 1; *зачало еѡанѣ. ис хѡва. сѡна бжигѣ* — Зогр., Мар., Асс., Сав. Мр. 1, 1; *въ домоу давѣ. отрока своего* — Зогр. Лк. I, 69; *о словесехъ соусиниѣхъ. сѡна неменина* — Син.пс. 7, 1; *молитва мосѡва. чѡка бжигѣ* — Син.пс. 89, 1 [Večerka 1957: 28].

Регулярно такие конструкции образовывались в церковнославянском языке. Интересна в данном смысле цитируемая Ф. Миклошичем конструкция с ПП на -ов- от топонима: *разоренне нероусалимова. града жидовьска* — ProlMih 76 [Miklosich 1883: 14].

Структурно аналогичные конструкции фиксируются в древнерусских памятниках XI — XVII вв. Ср. наши эксцерпции из раз-

новременных и разнообразных в жанрово-стилевом отношении текстов:

соль Игоревъ, великаго князя рускаго — Лавр. лет., ПЛДР I, 60; начало княженья Святославлѧ, сына Игорева — Лавр. лет., ПЛДР I, 72; за обиду Олгову, храбра и млада князя — Сл.п.Иг., ПЛДР II, 376; за раны Игоревы, бугеа Святъславлича — Сл.п.Иг., ПЛДР II, 382; въ дому Иосифовѣ, обрученика Мариина — Хожд. Дан., ПЛДР II, 100; дать <...> власеницу Святошину, брата его — Печ. пат., ПЛДР II, 504; и бысть паки Бакота королева, отца его — Гал.-Вол. лет., ПЛДР III, 332; и видѣвъ Воишелкъ помочь <...> Василкову, отца своего — Гал.-Вол. лет., ПЛДР III, 360; от плѣнения Синахиримя, царя Асурска — Сказ. Довм., ПЛДР IV, 56; въ сборномъ послании Тарасъеву, святеишаго патриарха Костянтинограда — Корм. 1493, ПЛДР IV, 434; отець Закхивъ, нынѣшняго игумена Хутинского — Пов. пос.Добр., ПЛДР V, 190; от правнука Рюрикова, первого великого князя в земли вашей — Моск. пов.пох. Новг., ПЛДР V, 380; а князю Юрю дат <...> бабины села и волости, великиѣ княгини Софиѧ — Сев.-рус. лет.св., ПЛДР V, 432; примѣ икону образа божиа, превѣчнаго младенца, и Богородична — Пов. еп. Вас., ПЛДР VI, 650.

Формы ПП в конструкциях анализируемого типа представлены и в древнепольских памятниках XV — XVI вв. Примеры Ф. Миклошича przy śmierci Dytmarowej, pierwszego biskupa prazkiego — Chwal 1, 3; na Michalkowe, brata swego, miesce — Chwal 2, 61 [Miklosich 1883: 14] можно дополнить извлечениями из антологии Wybór 1950: y bądźze navroczone krolestwo davydovo oycza twego — Rozm (88); moczą belzebubova, kxyazqczya dyabelskye — Rozm (96).

Материал славянских языков, привлеченный нами для сравнения с чешским, не содержит свидетельств сочетаемости ПП с обособленной многочленной аппозицией, в которой от определяемого имени также образовывалось бы ПП, т. е. конструкций типа *s Petrem Zachařovým synem, purkrabíným synem ze Zviekova* — PoprRožmb 9 /1397/. Тем не менее следует полагать, что эти конструкции, проявляющиеся только в древнечешском языке, отражают наиболее ранний этап развития исследуемых исконно общеславянских сочетаемостных свойств ПП. Тем самым в исторической эволюции атрибутивно зависимых сочетаний с обособленной многочленной

аппозицией в славянских языках выявляется по сути та же динамика, что и для сочетаний с одиночным аппозитивным компонентом.

Функционирование десубстантивных прилагательных в конструкциях с приложениями и стабилизация аппозитивных сочетаний

3.3.1. Структурная схема ПП + ПП, характерная в ранний период развития многих славянских языков для атрибутивно зависимых сочетаний, содержащих одиночные аппозитивные компоненты, и возможная также для части сочетаний с многочленной обособленной аппозицией, видимо, была обязана своим существованием первоначально слабым связям образующих их членов. В строе древнейшего славянского предложения существительные в составе подобных единств, будучи взаимно связаны в смысловом отношении, вероятно, оставались синтаксически равноправными. Конечно, конкретный семантический вклад каждого такого имени в предметный план предложения был неравномерным: приложение служило средством сужения круга возможных денотатов главного именного компонента. Но, корреспондируя друг с другом семантически как определяемое и определяющее имя, они в то же время были синтаксически однородны. Соответственно они самостоятельно распространяли «вышестоящее» существительное, что предопределяло возможность преобразования каждого из них в ПП. Структурная схема Р + ПП или ПП + Р при предложенном толковании представляла собой в тот период лишь вариант схемы ПП + ПП для атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний, в которых замене одного из членов прилагательным препятствовала его морфологическая форма или форма окружающих его зависимых компонентов.

Интерпретацию отношений компонентов аппозитивных сочетаний в строе древнейшего славянского предложения как отношений «однородного соподчинения» (т. е. «аппозиции» в понимании В. Шмилауэра) подтверждают случаи разобщенного расположения данных членов вокруг другого имени, которое осложняло такое сочетание. Этот старый порядок слов отражает несколько представленных в древнечешских текстах до начала XV в. сочетаний с одиночной аппозицией, типа *po králově smrti Přemyslově* — DalL 154, и с многочленной аппозицией, типа *o Děpoltově vypuzení, kniežěte*

kúřimského — DalC 130. На равноценность так расположенных членов аппозитивных комплексов указывает также удвоение общего для обоих главного имени, которое имеет место в контексте *s Petrem Zachařovým synem, purkrabiným synem ze Zviekova* — PoprRožmb 9 /1397/.

Историческая специфика аппозитивных сочетаний видится в двойном замещении какой-либо позиции существительными и обусловленными синтаксически заменами последних с установкой на уточнение обозначаемого ими объекта. Приложение (аппозиция) предстает тем самым как единица, весьма близкая вводным членам, которые служат средством замены именных членов предложения, однако не являются частью такового, представляя собой самостоятельные предложения, «свернутые» в одном члене. (В историческом плане о предложенческой самостоятельности может свидетельствовать присоединение данных членов при помощи союзов типа чеш. *to jest* ‘то есть’, в состав которых входят бывшие местоимение-подлежащее и глагол-связка.) Параллелизмом таких «парентетически» привходящих в предложение замен именного члена уточняемому имени естественно объясняется то, что они дублируют и форму последнего. Так, дублировать обусловленную атрибутивной позицией форму ПП способно ПП, а при невозможности его употребления — существительное в Р. Ср. примеры с двумя ПП, представленные в древнечешских текстах XV в.: *v bázni býti má /t. mají sě je báti/ pastýřova /prelátova /kletba* — HusBlud 90 (в латинском тексте этого сочинения — только *pastoris sententia*); *kto by řekl, že biskupova práce jest hodnější než laikova, tesáka neb zedníka* — HusSvatokup 47 ‘кто скажет, что работа епископа (букв. *епископова*) достойнее, нежели мирянина (букв. *мирянинова*), плотника или каменщика’.

Иллюстрировать парадигматические связи парентетических элементов и аппозиции можно на примере двух примечательных извлечений из древнепольских памятников XV в. с различным соотношением выступающих в абсолютно синонимичных контекстах ПП: *syn ciešlin Józefów* — Rozm 490 и *syn ciešlin, to jest Józefów, który był tego rzemiesła cieślińskiego* — BiaPost 127 [Szlfierszteinowa 1960: 47, 50].

В древнерусских памятниках с XII по XIV в. осложнение преобразуемого в ПП имени аппозитивными компонентами часто

опосредовано повторением базовой лексемы ПП в Р ед., которая в сочетании с аппозицией привносится в предложение в качестве вводного элемента: *о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича; плъци Олговы, Ольга Святъславлича* — Сл.п.Иг., ПЛДР II, 372, 376; *убиение Глѣбово, Глѣба, князя русьскаго, сна Володимеря* — ПрЮр, л. 8 б [Маројевић 1983^a: 80]. Р. Мароевич, опираясь на мнение А. А. Потебни, предлагает такой облик приведенных извлечений из Слова о полку Игореве признать искаженным правкой писца XVI в.; для XII в. исследователь восстанавливает сочетания типа **о пълку Игоревѣ Святъславлича* либо даже **о пълку Игоревѣ Святъславлича*, где патроним также имеет форму ПП [Маројевић 1985: 106–107]. Мы, напротив, считаем, что внедрение в предложение приложений к ПП в составе вводных единств с повторением базовой лексемы ПП отражает своеобразие древнейшего статуса приложений и воссоздает модель той синтаксической ситуации, в которой возникали аппозитивные сочетания с ПП.

Исторически приложения, несомненно, происходят от вводных именных компонентов, становившихся вторыми предметными именами в предложении, где они изначально оказывались в общей с поясняемыми именами позиции. Формы двух ПП либо ПП и Р в конструкциях анализируемого типа явственно демонстрируют их соподчинение имени, которое осложняется данным сочетанием. В структурном плане исконное соотношение атрибутивно зависимых компонентов аппозитивных сочетаний аналогично соотношению одноименных компонентов, порознь подчиненных существительному как определения, выражающие разные отношения. В древнечешских памятниках представлены примеры выражения таких определений двумя ПП, ср. *duch boží Eliášův, proroka dávného* — Отс 38 ‘дух Божий Илии /= снизошедший на Илию/, древнего пророка’. Эти конструкции омонимичны конструкциям с двумя ПП, которые вступали в аппозитивное сочетание, будучи взаимно связаны в смысловом отношении. Равноправные определения также могли перекликаться семантически, обозначая отношения к отождествимым в масштабах контекста объектам. В паре с собственно ПП, однако, самостоятельно присоединяемое второе прилагательное в подобных сочетаниях имело обобщенное значение, по существу относительно-качественное, например: *abychom <...> Petrovy apoštolské se stolicě přidrželi* — VeršSkladHusit 130

‘дабы мы держались апостольского престола Петра (букв. Петрова)’.

В строе древнейшего предложения «однородное соподчинение» имен не было строго отграничено от сочинения. Так, в ранних древнечешских памятниках прослеживаются редкие случаи соединения определений, выражающих отдельные отношения, при помощи сочинительных союзов. Ср.: *o Vladislavově a Bořivojově vypuzení* — DalL 111 ‘об изгнании Борживоя Владиславом’ (заглавие, вводящее текст *Vladislav s zemany sě poradí, Bořivojě opět s kněžstva ssadí* — *ibid.*). Такие же союзы иногда объединяли с поясняемым именем аппозитивные компоненты. Проявление такой союзной связи приложения с ПП можно видеть в следующем единичном сочетании: *před krále i Pilátovým dvorem* — DivKlem 51. Объединению двух атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний в качестве компонентов сложного аппозитивного целого служит союз в контексте *Likomedes syn krále Agasta bieše a praděda Pirova* — Troj 273. Ср. также древнерусскую конструкцию с использованием сочинительного союза для связи аналогично объединяющихся компонентов: *дци Фомина князя аморѣиского, а цароградского царя Костянтинова и Калужнова брата* — Псков. лет. II, л. 152 [Маројевић 1983^a: 143–144]. В конструкциях, встречающихся в старославянских памятниках, отражен окончательный перевод отношений компонентов потенциально аппозитивных сочетаний в плоскость сочинения (гендиадис): *о погребени тѣла гнѣ и ба нашего нѣ хѣ* — Клоц. I, 753; *кръвѣ христовѣа и спаса нашего* — Супр. 483, 23 [Večerka 1957: 29].

Реконструируемая для раннего этапа развития славянского синтаксиса автономность компонентов аппозитивных комплексов, которые находились в отношениях «однородного соподчинения», подразумевает, что исторически ПП в конструкциях с другим ПП либо, при невозможности использования ПП, с именем в Р ед. не обнаруживали свойственной существительному валентности, т. е. не квалифицировались как категория синтаксической парадигмы базовой именной лексемы. Такая интерпретация позволяет естественно объяснить и характерные для древнерусского языка преобразования ПП в составе данных единств в патронимы на *-ичь*, *-ьна*, а также женские имена по мужу, образуемые путем присоединения окончаний местоименного склонения к ПП. Ср.: *Юрии*

Володимеричъ Мономаишъ [Селищев 1968: 99], под 1138 г.; *Юрьѣ Володимѣричъ Манамаха* — Корм. 1280, л. 574 в; и взя князя в корабль *Иванъ Творимиричъ воеводы Ярославля* — Лавр. лет., л. 52; *Аврамъ бо бяше пояль братьню дочерьъ Ароновну Саръру* — Парем. 1271 г., л. 257 об.; *оженниша <...> Мстислава Гюргеви́ча и по-яиша за нь Петровну Михалковича* — Лавр. лет., л. 116; *Всеволодъ ожени сѣна своего Стослава Василковною полотскаго князя* — Лавр. лет., л. 103 об.; *преставис/я/ блѣжная княгиня Глѣбовая. Всеславича* — Ипат. лет., л. 176 об.; *изумению поставиша. Завижую посадника* — I Новг. лет., л. 61 об. [Маројевић 1985: 44, 61, 24]. В древнечешском языке те же самые предпосылки имело функционирование двух субстантивированных ПП, составляющих двойные женские наименования по мужу, ср. *sný muž Židek řecený Vavřinec, vrátný králové Janové* — ArchPraž, Výb I: 817.

3.3.2. Конкуренция конструкций со схемой ПП + ПП и Р + ПП (ПП + Р), в процессе которой оказался нарушен исконно строгий принцип взаимной дистрибуции обоих типов и получил обобщение последний, говорит о стабилизации аппозитивных словосочетаний на основе складывающихся здесь подчинительных связей компонентов.

Распространение схемы Р + ПП (ПП + Р) вне круга сочетаний, где ее выбор ранее оправдывался невозможностью образования или использования второго ПП, полагаем, мотивировалось в первую очередь стремлением выровнять форму всех атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний по одной общей модели. В обширной группе сочетаний схеме Р + ПП (ПП + Р) помимо того могло быть отдано предпочтение перед древнейшей схемой во избежание скопления внутри одного фрагмента предложения нескольких имеющих одинаковые форманты производных. Напротив, там, где форманты отличались, рефлексy старого состояния продолжали проявляться дольше. Конструкции со схемой ПП + ПП на указанных условиях оставались возможными преимущественно в древнерусском языке: поддержанию такой сочетаемости здесь благоприятствовало именно обилие словообразовательных типов ПП. (Изолированный, реликтовый случай реализации схемы ПП + ПП в период исчезновения такой сочетаемости в древнечешском языке представляли собой конструкции ПП на -ov- с «застывшим» ПП *páně*).

При трактовке процесса замены схемы ПП + ПП схемой Р + ПП или ПП + Р как «диссимилятивного» он оказывается сходным с происходившим в древнечешском языке закреплением различных окончаний ДМ ед. у образующих аппозитивные сочетания одушевленных существительных мужского рода со склонением, возникшим вследствие обобщения типов на *-*ǫ* и *-*ǔ* (т. е. окончаний *-u/-i* и *-ovi*), ср. *o mladém kráľu* /!/ *Václavovi* — DaC 162, но *o dědicěvi slovenském, číš o Prokopovi svatém* — LegProk 39.

Но стандартизация построения атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний по модели Р + ПП либо ПП + Р, устраняющая скопления одинаково устроенных ПП, оказалась возможной только после того, как компоненты аппозитивных комплексов лишились исконной автономности, которая — при отсутствии тех или иных препятствий — предполагала последовательную адъективизацию существительных, выражавших семантически соотнесенные, но самостоятельные определения. Форма Р ед. у подавляющего большинства наименований лиц на том историческом этапе не могла самостоятельно использоваться в атрибутивной позиции. В структуре конструкций со схемой Р + ПП или ПП + Р она, следовательно, стала показателем синтаксической связанности имени, т. е. его вхождения в контекст в сочетании с ПП. Характерно, что форму Р ед. после упорядочения ее употребления в составе данных единств получали в основном менее значимые в предметном плане предложения имена, которые дополнительно отождествляли денотат базовой лексики ПП. Эта дистрибуция складывалась с учетом возникающей синтаксической зависимости между объединяющимися в аппозитивном сочетании компонентами.

Вне атрибутивных конструкций приложения продолжали дублировать форму осложняемого ими компонента, что в тот период, по-видимому, осмыслялось как согласование. В атрибутивных же конструкциях анализируемого типа приложения представляли собой по сути аналогичные зависимые компоненты, специфически согласующиеся с ПП, как если бы это было имя в Р ед. Форма ПП здесь тем самым, вопреки своей адъективности, начинала выявлять субстантивную валентность, т. е. по синтаксической подчиняющей способности оказывалась эквивалентной Р ед.

Эта структура атрибутивно зависимых сочетаний особым образом отразила переходный этап эволюции плана выражения на-

званных сочетаний от однородного соподчинения к согласованию компонентов. Одновременно он тяготеет к большей синтаксической эксплицитности, подтверждением чего служат частые случаи ошибочного придания писцами более явных внешних признаков согласованию аппозитивных компонентов с ПП. В древнечешских памятниках прослеживаются два типа искажения таких сочетаний:

а) аттракция аппозитивных компонентов, согласующихся одинаково с ПП в случаях *po pánu Vítkovu oři* — DalL 165, букв. ‘по господину Виткову коню’ (где форма М ед. *pánu* использована вместо неизменяемой формы ПП *páně*); *k králi Artušovu dvoru* — BawTand 320, букв. ‘к королю Артурову двору’; *raněný syn král Priamuov* — Troj 149, букв. ‘раненый сын царь Приамов’ (здесь возможно «застывание» аппозитивного компонента в И ед.); *knězi Niklínovu roběci* — PoprRožmb 47 /1423/, букв. ‘священнику Никлинову ребенку’; *přikázáním Jenikovým a Chvalovým hauptmaný* — PoprRožmb 35 /1423/, букв. ‘повелением Ениковым и Хваловым капитанов’;

б) «возвратное» согласование ПП с аппозитивным компонентом в Р ед., ср.: *mocí kniežěte Belzebubova diábelského* — EvVíd L 11: 15, букв. ‘силой князя Веельзевулова дьявольского’; *v domu Nabuchodonozorova, krále assyrského* — BiblOl Jdt 2: 1, букв. ‘в доме Навуходоносорова, царя ассирийского’ [Gebauer 1929: 159]; *o krále Agamenova ssazení* — Troj 189, букв. ‘о царя Агамемнонова низложении’; *v úterý o narození Páně Kristova* — ArchČ X: 386 /1491/, букв. во вторник на Рождество Господня Христова’ (ПП *Páně* принято за форму Р ед.).

Те же структурные искажения конструкций анализируемого типа отмечаются и в памятниках других древних славянских языков. Ср. характерные примеры двустороннего согласования ПП с аппозитивным компонентом в Р ед. из древнерусского памятника XV в. и польского XVII в.: *убьень бысть <...> Андрѣи Суждальскии, сына Дюрдева !/, внукъ Володимеря Мономахъ* — Ипат. лет., ПЛДР II, 324; *za imię Pana Chrystusowego* — StRef 110 [Pisarkowa 1984: 129], букв. ‘за имя Господа Христова’.

Регулярного, синтаксически вполне однозначного согласования членов атрибутивно зависимых аппозитивных сочетаний, однако, можно было достичь лишь ценой отказа от замены одного из членов на ПП и построения данных сочетаний по схеме Р + Р. Конструкции с такой схемой и ранее на равных началах с конструк-

циями, следующими схеме Р + ПП или ПП + Р, проникали взамен древнейших конструкций с двумя ПП. Характерный для периода возобладания новой сочетаемости паритет схем Р + Р и Р + ПП или ПП + Р отчетливо проявляется в древнечешских памятниках XV в.

Узус живого чешского языка начала XV в., видимо, достаточно точно запечатлен в Следственной книге Розенбергов, где еще преобладают конструкции древнейшего типа (т. е. ПП + ПП). При семи нормальных и двух аномальных конструкциях аппозитивных компонентов в Р либо — в результате аттракции — в другом падеже с ПП здесь выступает шесть случаев использования схем Р + Р (при этом три — в многочленном сочетании, состоящем из двух синтагм с одиночным аппозитивным компонентом). Ср.: *duchnu panie Aničky, sestry Petra marštalěře, vželi* — PoprRožmb 46 /1423/; *vzali podušky, prostěradla a ciechu* <...> *Oldřicha písaře* — PoprRožmb 46 /1423/; *on a syn ratajě Valchy vzali šest koní ze dvora Valchova* <...> *a tu jest byl vódcě syn ratajov* — PoprRožmb 35 /1423/; *Buzkovi purkrabí strahovali nad Chvalšinami a pana Hrózy čekali jich dvacěti* — PoprRožmb 40 /1423/, букв. ‘/люди/ Бузековы бургграфа стерегли Хвальшины, а /люди/ пана Грозы поджидали их в количестве 20 человек’.

Та же вариантность обоих этих типов конструкций отмечается в памятниках, где конструкции древнейшего типа оказываются в меньшинстве либо отсутствуют. Ср. характерные примеры поочередного использования схем Р + Р и Р + ПП в аналогичных или одинаковых аппозитивных сочетаниях, выступающих в соседних контекстах: *vyptavše se o tělu krále Václava, přišedše k tomu, až jej vždy našli* <...>, *a když sú našli tělo krále Václavovo, na Výšehrad přinesen* — Let 25; *a v ta doby přijide* <...> *Tetis, žena krále Pelea, jenž bieše krále Agastova dcera* — Troj 276; *a také tu bieše Exigona, žena krále Honestova a dcera krále Menelaa* — Troj 277–278.

Структурная схема Р + Р в тот период предположительно была предпочтительной лишь для значительно осложненных, многоступенчатых словосочетаний, в том числе также тех, которые осложняло придаточное предложение. Ср.: *do let krále Ladislava, syna krále Albrechtova* — Let 87; *o velebnosti Kublajě, krále velikého, jenž jest kraloval až do času skládanie těchto knih* — CestMil 73 (при заголовке *o moci a velebnosti Kublajových, krále taterského* — CestMil, ibid.).

В конкуренции с конструкциями субстантивно-субстантивно-го типа, которые демонстрировали наиболее решительное размежевание со старой сочетаемостью, компромиссные асимметрично устроенные конструкции, следовательно, удерживали довольно прочные позиции, несмотря на то, что они не обеспечивали однозначного согласования компонентов. Это предопределяли два противоречивых фактора, которые по-разному проявлялись в сочетаниях с приложением обособленного и необособленного типа.

Благоприятные условия для закрепления схемы ПП + Р в сочетаниях с обособленной аппозицией создавала самостоятельность последней, обусловленная переходностью таких определителей имени к придаточным предложениям. Вторичность атрибутивного включения в предложение приложений названного типа в результате транспозиции самостоятельных предикативных единиц подтверждается возможностью введения в подобные обособленные комплексы обстоятельственных компонентов, ср.: *rukú Václavovú, toho času komorníka vyšehradského probošta* — ŠtítVyš 369, букв. 'рукой Вацлавовой, в то время служащего вышеградского предстоителя'; *nemáme to z Páně práva, ted' pravého učitele* — Budyš 126, букв. 'не разрешено нам это по праву Господню, истинного здесь учителя'.

Проявлением самостоятельности приложений обособленного типа была помимо того являющаяся естественным следствием обособления способность отстоять от главного компонента. Характерно, что для атрибутивно зависимых сочетаний с отрывающейся от определяемого компонента аппозицией последовательно использовалась схема ПП + Р. Ср.: *toto z Prokopovy Nové kroniky, písaře novoměstského* — ProkKron, Výb II/2: 104, но: *to vše z kroniky Prokopa, písaře novoměstského* — ProkKron, ibid. 105.

Функционирование ПП в конструкциях с «неотторжимым», тесно примыкающим одиночным приложением в Р, напротив, стимулировало тяготение таких сочетаний к структурной монолитности (цельнооформленности). В форму ПП при ее фиксации в финальной позиции было облечено как бы все сочетание с аппозитивным компонентом, так что «флективность» последнего фактически становилась избыточной. Этот фактор обуславливал возможность аттракции аппозитивных компонентов в составе таких единств

(см. случаи типа *po pánu Vitkovu oři* — DalL 165 и особенно *syn král Priamuov* — Troj 149).

В структурном отношении сочетания ПП с препозитивной одиночной аппозицией в Р представляются аналогичными сложным прилагательным, какие образовывались от определительных сочетаний других типов, а окказионально и от аппозитивных, ср. *voda Svatomaří Magdalenská* — Let 64 (заголовок к сообщению *téhož léta v pondělí před svatú Maří Magdalenú byla v Pražě povodeň veliká* — ibid., букв. 'в тот же год в понедельник перед святой Марией Магдалиной было в Праге великое наводнение'). Характерно, что первая часть подобных сложений могла не терять падежного окончания, которое такое имя имело в сочетании-источнике. Ср.: *účasten sem učiněn všech bohobojných* — AlbRájM / *bohobojících* — AlbRájA 52b; *v slavníku desieti strunném* — ŽaltKlem 143, 9 / *v žaltári desieti strun* — ŽaltWittb, ibid. 'in psalterio decachordo' (GebSlov). В иллюстрированных типах сложных по происхождению прилагательных — как, очевидно, и во вторичных сращениях одиночного приложения в Р с ПП — опосредствующая сложение падежная флексия выполняла функцию связующего элемента (т. е. интерфикса). Форма инициальных именных компонентов, идущая от свободных сочетаний, выступала здесь тем самым как «застывшая».

Изредка сходным образом могло слиться в сложном слове с последующим согласуемым ПП «застывшее» ПП, придающее основе приложения вид, удобный для участия в сложении. В древнечешском языке прослеживается лишь один тип подобных сложений: с «застывшим» ПП *páně* (например, *páně Vilémón pramen* — DalL 180). Это ПП к существительному *pán/pan*, впрочем, выступало в таком неизменяемом облике и вне аппозитивных сочетаний (хотя в этих случаях отмечено и согласуемое ПП на -ov-: *patřichom na svého nepřítele smrt bez pánova vědění* — OtcB 323 / *páně* — OtcDE).

В древнерусском языке стремление к образованию цельных однословных единств подобного типа предопределило «застывание» ПП *княжъ* в сочетании с другим ПП. Основа *княжъ* при этом могла входить в сложное слово а) в форме И ед. мужского рода, равной в случае ее «застывания» чистой основе, например: *княж Володимерове княгине Овдотье* — Гр. XIV–XVI вв. [Макарова 1954: 20]; б) в форме И мн., например: *с тѣми рѣчми князи Дмитрее-*

выми — Пов. осл.Вас. II, ПЛДР IV, 510; в) с интерфиксами, какие использовались при основосложении, т. е. -е- или -о-, например: Кременца же княже Данилова не може взяти — Твер. лет., ПЛДР III, 174; дати ми князю Андрею княжо Иванову сыну Звенцову конь — Гр. XIV — XVI вв. [Макарова 1954: 20].

В конструкциях типа князь Семеново помѣстье — АЮБ I, 82 А. А. Потебня предполагал образование ПП от двухосновного сложного существительного с неизменяемым и при склонении начальным компонентом [Потебня 1968: 406]. Трактовку Потебни следует уточнить, учитывая случаи аттракции первой части таких ПП, например: служащих <...> князи Данилови — Гал.-Вол. лет., ПЛДР III, 342. Скорее здесь могло произойти сращение проникшей из исходного сочетания лексемы *князь*, «застывающей» в том или ином виде, с образованным первоначально только от одного последующего имени ПП.

Регулярно в атрибутивной позиции было представлено сложным прилагательным подобного же типа исходно не однословное имя собственное Иисусъ Христосъ. Ср.: въ образѣ Иисусъ Христовѣ — Печ. пат., ПЛДР II, 612, но въ образѣ Иисусѣ Христовѣ — Лавр. лет., ПЛДР I, 210.

Цельнооформленной единицей, напротив, представляется древнечешское соответствие данного наименования: *Jezu Krist, Jezukrist* (из лат. *Jesus Christus*). Это имя, оказываясь в атрибутивной позиции, и замещалось ПП, ср. *Jezu Kristuov slúha* — LegKat 206; *skrzě milost Jezu Kristovu* — KarŽiv 43; *vidíce člověčství Jezukristovo* — AlbRáj 30–31; *tací svých <...> hlédají, ne těch věcí, jenž jsú Jezukristovy* — HusBlud 82 (лат. non que Iesu Cristi).

3.3.3. Оба фактора, препятствующие отмиранию сочетаемости аппозитивных компонентов с ПП в условиях усиления принципа синтаксической эксплицитности при построении высказывания, продолжают проявляться и поныне, обуславливая ее сохранение во многих славянских языках.

В современном литературном чешском языке в качестве реликта древней сочетаемости аппозитивных компонентов с ПП сохраняются сращения «застывшего» ПП *páně* с последующим ПП на -ov-, как в примере В. Шмилауэра *pokojík páně Jaroslavův* [Šmilauer 1971: 113]. Авторы исторической прозы используют подобные сочетания для языковой стилизации, ср. *páně Jankův fámulus* (Neff

1976: 8); *bez páně purkmistrova vzkazu* (Neff 1980: 146); другие могут прибегать к ним в иронических целях, например: *Páně Václavův dopis je výstižný záznam jeho udiveného vrtění hlavou* (Vaculík 1990: 17). Интересно, что в результате контаминации этого периферийного типа с нейтральными сочетаниями существительных в Р появляются и конструкции с формой *páně* при имени собственном в Р, не имеющие опоры в истории чешского языка (если не считать случаи типа *strana páně Jiřího* — Let 101, когда второе существительное не образовывало ПП), ср. у Л. Вацулика там же: *To je páně Václava odpověď na můj názor*. Это синтаксическое новообразование подтверждает мнение, высказанное Й. Вахеком, что форма *páně* с синхронной точки зрения оценивается как стилистически маркированный вариант формы Р ед. *pána/pana* [Vachek 1954: 172].

Ф. Травничек помимо этого отмечал, что «в книжном языке прилагательное может употребляться и в случаях типа *básně V. Dykovy, spisy F. X. Šaldovy, S. K. Neumannovy*. Это происходит потому, что личное имя здесь не произносится полностью, а читается как сокращение» [Trávníček 1951: 1069]. В. Шмилауэр, напротив, трактует тип *F. X. Šaldova kritika* как разговорный [Šmilauer 1971: 113]. Следует принять во внимание и другой тип, встретившийся у В. Незвала: *Man Rayovy obrazy, André Bretonova záliba* (Nezval 1936: 15, 19). Личные имена перед ПП здесь не сокращаются до инициалов, но остаются без изменения, что наблюдается и при склонении таких двучленных имен в данном тексте.

В историческом романе о Египте отмечены также случаи сочетаемости обособленных аппозитивных компонентов в Р ед. с ПП: *byl to posel Ajův, nejmocnějšího ze všech králových dvůranů; na prosby Addájovy, vládce Gázy; proti stížnostem Šuvardatovým, spolčence Milkiluova* (Pludek 1978: 21, 173, 222).

Между тем Я. Гебауэр фиксировал конструкции ПП с необособленным аппозитивным компонентом в Р ед. как системное синтаксическое явление в северных чешских и, по материалам Ф. Бартоша, в североморавских — «ляшских» — диалектах, например: *zahrada kmotra Novákova; na stryka Hanesove luce, pana rectoruv pes, pana Ježíšova cirkev* [Gebauer 1929: 158]. Ср. подобные же примеры из недавних записей образцов переселенческого — по происхождению северо-восточночешского — говора села Хулубоя в Молдавии: *biľi <...> dyje roďini Karáskovi // jedna Vladimíra Karáškova / vod*

hudebn'í školu nazvali jeho menem; ja sem cera pana Karáskowa (в ответ на вопрос *Vy jste dcera pana Karáška?*), а с другой стороны — встретившийся в «ляшском романе» Й. Шиновского «Терриконы в поле» (*Halďy na roli*) заголовок письма, стилизованного автором под народную речь: *Dopis Karla Poštulkuv* (Šinovský 1945: 152)¹.

Нормой синтаксиса ПП конструкции с аппозитивными компонентами в Р ед. остаются в центральных словацких диалектах (функционируя при стилизации и в литературном словацком языке), а также в верхнелужицких диалектах и верхнелужицком литературном языке. Ср. примеры: слц. *pána majstrove dobré zvyky, knižnica Sama Chalupkova* [Štolc 1966: 263]; в.-луж. *wuja Hawštynowe wino, wučerja Bahrowy kruty hlós, pólcaja Neumannowe namołwy, knjeza von Kollbachowy služownik, Pawola Kurjatowy nan* [Lötzsch 1965: 378]. Фиксируются здесь также конструкции старшего типа, с двумя ПП, ср. слц. *to je dom Janov Trpákov* [Štolc 1966: 263]; в.-луж. *knjeza fararjowy Krügerowy namjet* (Lötzsch 1965: 377, 378). Они, однако, периферийны² на фоне общей тенденции к интеграции компонентов подобных комплексов. В верхнелужицкой области эта тенденция действует особенно активно, обуславливая окончательную утрату изменяемости приложением, присоединяющимся к ПП, т. е. его «застывание» в И ед., ср. *farar Šěrachowe pčoly* [Šewc 1968: 103], а также тип *Thomas Mannowy roman, Thomas Mannowehe romana...* [Corbett 1987: 334], что напоминает чеш. *Man Rayovy obrazy*.

Архаичны как явление вне процесса сращения необособленных приложений с ПП конструкции со схемой ПП + Р, встречающиеся в современных польских диалектах, такие как *Sabalów Jaśka głos*,

¹ О стоящих особняком западночешских диалектных — и распространенных до сих пор в речи городской молодежи в указанном регионе — конструкциях с двумя неизменяемыми «застывшими» формами ПП на *-ovo* типа *Strakovo řiditelovo vnuk, Pepovo Mlátkovo sešit* см. [Nová 2016: 139].

² Г. Корбетт с опорой на «Морфологию словацкого языка» 1966 г. характеризует словацкие конструкции типа *Števova Malinova záhrada* как «вполне допустимые» (fully acceptable) в разговорной речи и в языке художественной литературы наряду с предпочитаемыми в более строгом стиле (in more official prose) конструкциями Р + Р; в то же время он утверждает, что в верхнелужицком языке сочетания с двумя ПП уже невозможны, хотя в слепянском диалекте, переходном от верхне- к нижнелужицким, они прослеживались до XIX в. [Corbett 1987: 333–334]. Пример Р. Лёча из аудиозаписи, сделанной в верхнелужицкой деревне Поршицы/Пуршвиц, противоречит этому; впрочем, речь идет о настолько единичном случае, что немецкий исследователь склонен усматривать здесь скорее lapsus linguae говорящего.

Jašków swagra dom [Urbańczyk 1984: 62]¹. От конструкций же со схемой Р + ПП в польском языке на современном этапе остались сохраняющиеся в основном в религиозных текстах обороты типа *męka Pana Jezusowa* [Sieczkowski 1957: 71]. Иногда наблюдается их слитное написание, например: *Kołatki — oghuchle z boleści po Panajezusowej śmierci dzwonki i hustawki...* (ŻW 1988, Nr 77)².

С верхнелужицкими корреспондируют сербохорватские конструкции ПП с одиночным необособленным аппозитивным компонентом, выступающим в Р ед. или «застывающим» в И ед., например: *ono je kuma Јованова појата; син госпа-Јелин* [Дмитриев, 1961: 55]. В художественной прозе тип с «застывшим» аппозитивным компонентом даже достаточно частотен, ср. в романе Иво Андрича «Мост на Дрине» (цифра в скобках указывает на страницу издания Andrić 1986): *majstor-Antonijev pomoćnik* (70), *u majstor-Antonijeve oči* (71), *pop-Mihailov sin* (150) — но *sin čuvenog popa Mihaila* (149), *Hadži-Omerova žena* (236) и *Hadži Omerovica* (239), *gazda-Santina magaza* — но *radnja gazda-Sante Pape* (331), *sлом tetka-Lotikine snage* (371) и др. Продуктивен он и в сфере годонимов, как показывают названия белградских улиц: *Господар Јованова*, *Капетан-Мишина* и т. п. В фольклорных текстах фиксируются и случаи сочетаемости ПП с обособленным аппозитивным компонентом

¹ Напротив, конструкцию *čotk'i Man'ušin s'in*, зафиксированную в 2013 г. в переселенческом мазурском говоре в селе Знаменка в Хакасии (Западная Сибирь), следует трактовать как возникшую именно в рамках указанного процесса, причем, возможно, по русскому образцу (по аналогии с *těti Машин* и т. п.).

² Ср. также диал. *tyo malovañe pãñeziśick^uove* [Nitsch 1968: 41]. Реликты данного типа конструкций или сложных слов (в цитируемом здесь фрагменте подчеркнутых нами) не только в религиозных, но также в научных текстах отмечал в книге о культуре речи польский языковед С. Речек: „Jeszcze nie tak dawno można było w kościele usłyszeć lub w modlitewnikach przeczytać na zakończenie litanii loretańskiej: »Abyśmy się stali godnymi obietnic Pana Chrystusowych«. <...> Szacowny relikw ostoi się jeszcze tu i ówdzie w polonistycznym tekście naukowym, jak to jest choćby we wstępie R. Pollaka do »Pamiętników« Paska, gdzie go można znaleźć w pełnej krasie kilka razy: »Pana Paskowym opowieściom przypada w pełni chwała oryginału i kopii zarazem« albo »Nie rodzi się też pana Paskowy śmiech w górnych regionach humoru«. <...> 3 lutego 1985 w dwu różnych tygodnikach krakowskich <...> czytamy: »Dzieło to zresztą wespół z pozostałymi tomami panahoiesickowej tetralogii...« oraz »Może teraz niektórzy wyznawcy mitu <...> przestaną wreszcie ludzi się nadzieją na panafibakową szczodroliwość«» [Reczek 1988: 69–70].

в Р ед., ср. до бијела гроба Јованова, Јованова, брата најмлађега [Дмитриев 1961: 55].

В болгарских и македонских диалектах тенденция к неизменяемости необособленных аппозитивных компонентов в сочетании с ПП была реализована наиболее радикально в связи с протекавшим здесь общим процессом ликвидации именного склонения. В итоге в конструкциях ПП с приложениями произошло полное сращение обеих частей: ср. болг. бай Ганювото пиво, в целия стар Хаджи Гунчев дом (Христоматия 313, 23); макед. до поп-Силјановата куќа (МР 38). Одновременно, однако, болгарский язык сохраняет и конструкции старшего типа, со схемой ПП + ПП, ср. дечицата на најстаријат дядов Либенев син, петел на първата бабина Гунчевцина снаха (Христоматия 268, 321) и с дативной клитикой чичовата ти Стоянова къща [Corbett 1987: 335]¹.

Рассматриваемая сочетаемость ПП отчасти сохранилась вплоть до современного этапа, а в определенных образованиях вторично развилась также в русском языке. Конструкции ПП с приложениями здесь представлены весьма разнообразно в основном в разговорном стиле.

В конструкции с ПП входят в первую очередь необособленные приложения в Р ед. Примеры такой сочетаемости в творчестве Н. С. Лескова отмечал еще А. А. Шахматов [1941: 289]: на отца Захарину трость, до отца протопопова дома — Лесков IV: 13, 21; на шестую весну Катерины Львовниного замужества — Лесков I: 98. Отдельные такие сочетания и поныне обычны в живом языке, ср. руководство, партком и профсоюзный комитет извещали о дяди Петиной смерти (Юн 1987, № 9) и слитное написание: Мы, дети, очень любили слушать про «тетикатину деревню» (ОК 1988, № 16)².

¹ Г. Корбетт со ссылкой на носителей болгарского языка утверждает, что при наличии дативной клитики конструкция с двумя ПП является единственно возможной, а при ее отсутствии наблюдается конкуренция типов чичовата Томова / чичо Томовата къща; при этом название известной книги «Хижина дяди Тома» традиционно переводится «Чичо Томовата колиба» [Corbett 1987: 334–335]. Между тем роман Г. Бичер-Стоу выходил и под названием «Чичовата Томова колиба» (1942, 1949), а также «Колибата на чичо Томъ» (год не указан, судя по орфографии — до 1945).

² Цитируя работу Е. А. Земской 1964 г., Г. Корбетт констатирует сочетаемость типа к тети Таниному обеду (Л. Н. Толстой) в русском языке XIX в., но осторожно оценивает ее современное состояние: лишь шесть из девяти

«Интегрирующая» тенденция обуславливает окончательную утрату изменяемости (мужскими) личными именами в сочетаниях с ПП от второго собственного наименования того же лица, большей частью отчества. Ср. примеры, прослеживаемые в произведениях писателей XIX в.: *к Николай Михайловичеву Кузьме* (А. И. Герцен); *воззрение* <...> *Макар Ивановичево* (Ф. М. Достоевский) [Маројевић 1983^a: 162]¹, и тот же тип в современном русском языке: *Хозяйство Евгений Ивановичево / Навесом укрыть, ибо мало ли чего...* (из песни дуэта «Иваси»). Такие конструкции, генетически не связанные с древнерусским типом *судь Ярославль Володимирица*, являются поздней инновацией, образцом для которой могли стать более ранние сращения типа *Иисус/ь/ Христов/ь/*.

его консультантов сочли допустимой конструкцию *тети Олина книга* — и все отклонили сочетание с двумя ПП (*тетина Олина*) [Corbett 1987: 336–337]. Между тем «просторечные выражения с <...> родительным падежом существительного и притяжательным прилагательным (к дяди Петину дому, в тети Машиной кофте) или двумя притяжательными прилагательными (*тетин Лизин муж*)» отмечены на сайте KNOWED.RU (<http://www.knowled.ru/index.php?name=pages&op=view&id=851>). Ср. также рекламу *Знают даже за границей Дядиванину горчицу*, противоречащую указанию в «Русском орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина, где признаются правильными *!/ написания «сложных прилагательных» дяди-Стёпин, тёти-Валин, бабы-Дусин и наречных выражений по-тёти-Валиному, по-Анны-Петровниному* (http://orthographia.ru/orfograf_uk.php?oid=6730).

¹ Наряду с этими конструкциями Г. Корбетт вслед за Е. А. Земской упоминал и возможные в русском языке XIX в. сочетания с личным именем в Р типа *они не Николая Петровичевы* (А. П. Чехов), видя причину утраты изменяемости начального компонента на последующем этапе в слиянии имени и отчества в одном сложном слове. В других славянских языках он наблюдал аналогичное развитие в сочетаниях с фамилией, образующей ПП, при неизменяемой первой части: в.-луж. *Thomas Mannowу*, словен. *Thomas Mannov (roman)* [Corbett 1987: 334, 335, 337], с чем можно сопоставить не только чеш. *Man Rayovy obrazy*, но и свойственные русскому узусу XIX в. «сложные ПП» типа *Вальтер-Скоттов роман в лицах; то был второй том Вальтер-Скоттова романа* (Долинин 1988: 7, 132). Примечательно, что в авторском тексте книги, откуда взяты эти цитаты, в соответствующих контекстах последовательно употребляется сложное прилагательное *вальтер-скоттовский (роман и т. п.)*. Соответствием «сложных ПП» с неизменяемым, «застывшим» в форме И ед. существительным женского рода в первой части, отмеченных Г. Корбеттом в словенском языке (*v teta Marjančini hiši, iz teta Mickinih hiš* [Corbett 1987: 335]) и нами — в сербохорватском (*šlom tetka-Lotikine snage*), в современном русском являются разговорные образования типа *тётя Катин, Марьваннин/Мариваннин*, где в первой части выступает чистая основа подобного существительного (в том числе мужского рода, ср. *дядя Васин* с вариантами написания).

Сохраняется в современном языке и сочетаемость обособленных аппозитивных компонентов с ПП. Поскольку она основывается на дополнительном привнесении приложения в словосочетания, содержащие ПП, ее и в синхронном плане можно считать не столько явлением синтагматики ПП, сколько вторичной заменой ПП во «внешнем», вводном контексте. Например, именно подстановку вводного уточняющего имени в Р ед. взамен ПП демонстрирует сочетание *сестрины, свояченицы детки* у А. С. Грибоедова.

Для иллюстрации возможностей такой сочетаемости на современном этапе и ее соответствия древним образцам отметим служащее стилизации сохранение древнерусской конструкции авторами переводов и переложений «Слова о полку Игореве» при передаче ими выражения *за раны Игоревы, бугею Святъславлича*. Ср.: *за раны Игоревы, храброго Святославлича* (перевод авторов реконструкции древнерусского текста); <...> *Игоревы, удалого Святославлича* (В. И. Стеллецкий 1938/1984); <...> *Игоревы, ярого Святославлича* (А. Г. Степанов 1953/1984); *за Игоревы раны — удалого сына Святославлича* (Н. А. Заболоцкий 1946/1958) [СПИ 42, 159, 200, 178]. Та же конструкция в этом и другом подобном выражении употреблена и в украинском переводе М. Т. Рыльского (1939/1952): *за рани Ігореві, хороброго Святославовича; за кривду Олегову, молодого князя відважного* [СПИ 307, 302].

Конструкции ПП с необособленными и обособленными аппозитивными компонентами, характерные для многих славянских языков, как неоднородное явление, в первом случае близкое к области словообразования (словосложения), во втором — базирующееся на корреспонденции парентетических элементов контекста с ПП, несомненно, сами по себе не предполагают оценки таких прилагательных как категории синтаксической парадигмы базовой лексики. Однако стандартизация конструкций во всяком случае одного из рассмотренных типов (с необособленной аппозицией) как нормы сочетаемости ПП в центральной словацкой, верхнелужицкой и болгарско-македонской области создавала благоприятные условия для усвоения ими также и других присущих существительному валентностей, которые в совокупности приближали ПП в отношении синтаксического поведения к субстантивному словоизменению.

Глава IV

КОНСТРУКЦИИ ДЕСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ НЕСОГЛАСОВАННОГО И СОГЛАСОВАННОГО (АДЪЕКТИВНОГО) ТИПА

4.0. Распространение определениями по праву признается отличительным синтаксическим признаком существительного, обусловленным его частеречной семантикой. Е. Курилович считал присущую имени существительному способность служить «опорой» для определений его первичной синтаксической функцией [Курилович 1962: 65]. Эта функция на раннем этапе развития многих славянских языков оказывалась свойственна и ДСП: в первую очередь ПП, в меньшей степени ОПо. У ПП она сохраняется также в части современных языков.

Функционирование ДСП в конструкциях с несогласуемыми и согласуемыми зависимыми компонентами, определяющими существительное, несомненно, представляет собой исключительно важное свидетельство предметности семантики таких ДСП. Неправомерно, однако, без всестороннего исследования основ этой сочетаемости ДСП в древнеславянском предложении признавать эти производные синтаксически изначально эквивалентными базовой лексеме. Интерпретация ДСП как полноправной категории синтаксической парадигмы существительного предполагает регистрацию регулярной сочетаемости с ДСП для всех без ограничения типов определений — несогласованных и согласованных (адъективных). Исторически же сочетаемость ДСП — ПП и ОПО — с определениями была лишь ограниченной, непоследовательной. Выяснение ее оснований и является главной целью данной главы.

Конструкции с несогласованным определением,
выраженным зависимым именем в косвенном падеже
с предлогом или без предлога (типы *knihy <...> Markušovy
z Benátek; řád korunování králova <...> českého království*)

4.1.0. Конструкции ДСП с несогласованным определением в древнечешских памятниках отмечаются в целом достаточно

часто. Центральное место занимают здесь, впрочем, конструкции одного типа, где ДСП — ПП, а иногда и ОПо — имеют при себе определение, выраженное предложно-падежным сочетанием «имени места», как правило, сочетанием предлога *z* с именем в Р. Эти конструкции — специфически западнославянские; в других славянских языках для аналогичной локализации лица чаще использовались иные модели. Конструкции же ДСП с беспредложным определением, выраженным посредством Р, представляются для древнечешского и других языков в равной степени редким типом. Характерно, что также для современных славянских языков, поныне сохраняющих свойственную существительным сочетаемость ПП, конструкции с подобным составом довольно необычны (см. 4.1.3).

3.1.1.1. Конструкции ПП и ОПо с определением, выраженным предложно-падежным сочетанием имени со значением места, типа *knihy <...> Markušovy z Benátek* — CestMil 198 (букв. ‘книги Марковы из Венеции’), в древнечешском языке не были отмечены ни одним исследователем, даже Я. Гебауэром, который обстоятельно описал сочетаемость ДСП, в особенности ПП. Между тем из всех характерных для ПП конструкций, представленных в древнечешском языке, они — после конструкций ПП с аппозитивными компонентами — составляли самый частотный тип. Впрочем, в книжных текстах, на которые главным образом опирался Я. Гебауэр, обнаруживаются только отдельные сочетания такого типа; во многих памятниках такие сочетания вообще отсутствуют. С другой стороны, в текстах, написанных более живым языком, они порой даже превосходят в численном отношении сочетания с приложениями при ПП. Ср. примеры из тех и других текстов XIV и XV вв.

Конструкции с ПП от собственного имени лица:

kněz Johan jest z pokolenie Ojěřova z Denmarku — CestMand 146; *že sě jest Petr z Rudy uvázal <...> v dědiny Janovy z Bláta* — Dub 141; *že sem prodal/ <...> paní Dorotě, manželce Odolenově z Chluma, <...> pól šestý kopy /pla/ta* — List 1373, Výb I: 799; *Kunka z Kumpsína, Soklova žena z Litovle, pohoním...* — Půh /1405/, Výb I: 813; *Divišovo z Hrádku a jeho tovarišův pravenie* — PoprRožmb 15 /1401/; *vylámali truhly Ducháčkovy z Mýta* — PoprRožmb 46 /1423/; *pravil, že jest Ondráčkovi, Piperovu písari z Budějovic, vydal <...> sedm zlatých* — PoprRožmb 47 /1423/; *Petr, pacholek Petříkův z Žatecka* — PoprRožmb

42 /1423/; *Katruše mlynářka, Pavlova z Husince* — PoprRožmb 37 /1423/; *Mikuláš, Kateřinin syn z Netolic* — PoprRožmb 51 /1427/; *Pavel řecený Pavůček, syn Mikšicův ze mlýna pod Husí* — PoprRožmb 44 /1423/.

Своеобразно последнее извлечение из Следственной книги Розенбергов: определение здесь выражается не собственным, а нарицательным именем места *mlýn* ‘мельница’, сопровождаемым далее именем собственным.

Конструкции с ПП, образованными от нарицательных имен лица:

bratr králův z Balastie — CestMil 36; *kardinálova z Augspurku radda* — Let 128; *ten mlýn jest proboštův z Lúněvič* — PoprRožmb 8 /1397/; *slad farářův ze Zhořě* — PoprRožmb 12 /1398/; *Zábly <...> ševcův syn z Leděnic* — PoprRožmb 13 /1399/; *Linhart, ratajův syn z Budějovic* — PoprRožmb 28 /1423/; *a býval na všech škodách páně z Rozemberka* — PoprRožmb 41 /1423/.

Конструкции с ПП от определяемых подобным способом нарицательных имен лица представлены в древнечешском языке менее часто, так как для нарицательного имени такое определение было не столь типично. Эксерптированные сочетания, однако, показывают, что анализируемые конструкции допускали форму ПП по существу от любого определяемого нарицательного имени (в частности и форму неизменяемого ПП *páně* к существительному *pán*).

Конструкции с определением такого типа иногда образовывали два — либо даже три — ПП как адъективные замены членов аппозитивного сочетания. В ограниченном числе извлечений такое определение обнаруживает зависимость только от одного ПП. Таково соотношение членов в рассмотренных ранее примерах *s Petrem Zacharovým synem, purkrabiným synem ze Zviekova* — PoprRožmb 9 /1397/ и *lidem Vláškovým z Sudkovic, purkrabiným ze Zviekova* — ListářRožmb II: 367 /1444/. В других случаях определение, выраженное предложно-падежным сочетанием имени со значением места, скорее вступает в связь с сочетанием обоих ПП. Эта трактовка кажется наиболее вероятной для сочетаний с аппозитивным ПП *páně* при ПП от собственного наименования лица. Ср.: */páni krále/ na hrad Krumlov páně Jindřichuov z Rožmberka přinesli sú* — List 1394, Výb I: 618; *pravil jest, že jest <...> člověku páně Oldřichovu z Roseče pod Žimunticé kuon vzal a ukradl, a tak jest*

řekl, ež jest mněl, by byl páně Jindřichuov z Hradce — PoprRožmb 9 /1397/; služebníci páně Vaňkovi z Dubé — PoprRožmb 14 /1399/; / zástup/ byl páně Petruov z Konopiště — Let 23; umřela jest <...> paní Škonka z Vatmberka, manželka páně Alšova Škopkova z Dubé — Let 64.

Примеры других сочетаний с двумя ПП: prodali plášť Petrově krčmářově ženě z Libkovyvody — PoprRožmb 3 /1389/; Mikeš, syn Hanušov řečník z Dražic — PoprRožmb 5 /1391/; poh. Zuzanny, Janovy lékařovy dcery z Mezeříčí — Půh V/2: 346 /1481/.

Конструкции ПП с определением, выраженным предложно-падежным сочетанием имени со значением места, в древнечешском языке продолжали оставаться исключительно частотными примерно до второй половины XV в. Форма Р у имен в составе сочетаний данного типа выступала в тот период гораздо реже. Ситуацию в живом чешском языке конца XIV — начала XV в. позволяет наблюдать Следственная книга Розенбергов. Конструкций ПП с определением места встречается здесь — даже если элиминировать все спорные случаи — в общей сложности около 100, а конструкций такого же самого типа с главным именным компонентом в Р — всего 8. Эти конструкции, безусловно, не типичны, а порой и аномальны. Ср.: pacholek Jindřicha z Albrechce — PoprRožmb 51 /1429/; Jan Švamberg, syn Kunkonis z Švihova — PoprRožmb 17 /1401/ (имени Kunko придана латинская форма Р); u mužě Jany z Popovic — PoprRožmb 2 /1389/; s Duškem, Štěchovny synem z Košic — PoprRožmb 27 /1423/ (форму Р получают женские имена личные, имевшие ограниченные возможности образования ПП); po panství pána z Rožmberka — PoprRožmb 30 /1423/; v službě pána z Rožmberka — PoprRožmb 31 /1423/ (ср., однако, na všech škodách páně z Rozemberka — PoprRožmb 41 /1423/); schovanec kněže Matěje z Drachova — PoprRožmb 41 /1423/; pravenie bez muk Beneše Macúty z Heršláku — PoprRožmb 24 /1409/ (ср., однако, pacholci Benešovi Macútovi z Eršláku — PoprRožmb 6 /1396/).

Конкуренция ПП с Р в сочетаниях описанного типа в XV в. становилась более значительной, однако конструкции с ПП оставались возможными и в XVI в. И в этот период они отмечаются в основном в памятниках, отражающих живой народный язык, ср.: vyznání Jírovo ze Srbské — Oberpfalcer 1935: 22 /1539/.

В текстах с чешской языковой основой, писанных в Словакии, ПП в данных сочетаниях отмечаются вплоть до XVII в., ср. приме-

ры: *k chotáru Kušvanovému z Jablonky* — UrbOrav 1677 [Stanislav III: 211]; *od polany Pavlíkovej z Námestova* — UrbOrav 1665 [Stanislav III: 214].

4.1.1.2. В конструкциях с определением, выраженным предложно-падежным сочетанием имени со значением места, в древнечешском языке использовались также ОПо. В структурном плане конструкции с ПП и ОПо были абсолютно аналогичны, однако конструкциям с ОПо явно была свойственна намного меньшая частотность. Наш материал позволил обнаружить лишь одно сочетание подобного типа с ОПо: *byl veliký sněm v Pražě panský z Čech i z Moravy* — LetPal 21, букв. , букв. ‘был большой сейм в Праге господский из Чехии и из Моравии’.

4.1.1.3. Функционирование ПП и в меньшей степени ОПо в конструкциях с определением, выраженным именем места в таком падеже, которого требовал связующий предлог, имело под собой в чешском языке двоякие основания: синтаксические и семантические.

Синтаксически в строе древнейшего предложения сама по себе сочетаемость данных членов с ПП и ОПо оказывалась допустимой. Семантически же обусловленным было осуществление возможности такой сочетаемости для ПП и ОПо, а также ее отсутствие у ОПн/о.

Атрибутивные сочетания анализируемого типа возникали и возникают вследствие транспозиции первоначально обстоятельственных членов из окружения сказуемого, которые, отрываясь от глагола, примыкают к существительному. При этом отношения членов таких сочетаний остаются семантико-синтаксическими. Форма определения здесь не зависит от определяемого имени, а средством выражения связи служит исключительно последовательность членов, обычная для именных словосочетаний с несогласованным зависимым компонентом.

Исторически в древнечешском предложении определения, выраженные предложно-падежным сочетанием имени со значением места, видимо, все еще были достаточно близки обстоятельственным членам, функционируя как «детерминанты» одновременно предметного плана предложения и сказуемого. Иллюстрировать переходность таких определителей от приглагольных детерминантов предложения к атрибутивным компонентам можно на

примере типичного контекста *jsem z Uoskořina* /!/ *dei toho pána* — DalC 26, букв. ‘я из Кокоржина дочь того господина’, где атрибутивный компонент из сочетания *pán z Uoskořina* одновременно входит в состав сказуемого с глаголом-связкой *jsem*, «интеграция» же именного словосочетания обеспечивается наличием при имени *pán* местоимения *ten*, обращенного к определению *z Uoskořina* (ср. средненемецкий перевод этого места: *ich bin von Kokorfina ein magit, vf dem dorf des hern tochtir* — DalBöh 45). Аналогично в контексте с ПП *známy tě, kteréhoš rodu, vřaks biřicov syn z Českého Brodu* — MastDrk 32 ‘мы знаем, какого ты рода, ты ведь сын подручного старосты из Чешского Брода’ определение, выраженное сочетанием *z Českého Brodu*, возможно относить и к ПП *biřicov*, и к окружению сказуемого (т. е. */jsi/ biřicov syn, /jsi/ z Českého Brodu*), и даже к существительному *rod* в предыдущем контексте.

Форма выражения определений исследуемого типа в древнечешском языке также не представляется окончательно сложившейся и стабилизированной. Эти детерминирующие члены, переосмысляясь как определения, по-прежнему могли иметь форму по сути любых обстоятельств места. Форма Р, как правило с предлогом *z*, была лишь наиболее типичной. Одновременно встречаются определения, выраженные местным падежом (с предлогом *v* либо *na*). Ср. характерное сочетание с выражением определения двумя способами: *Slaměnc z Čakova nyní v Prachaticích* — PoprRožmb 51 /1427/. То же в сочетании с ПП: *Hynek, sluha Sudlicuov v Moravě na Rabštejně, ten dělá řebřie* — PoprRožmb 21 /1409/.

Эти черты в совокупности показывают, что в древнечешском предложении такие определения первоначально оставались достаточно автономными элементами. Их «подвижность» недвусмысленно свидетельствует о том, что они закреплялись за определяемым в смысловом отношении именем во всяком случае не столь жестко, а возможно, даже не были собственно адноминальными. Форма же выражения подобных определений по сути продолжала предполагать опущенные глаголы с соответствующей семантикой (т. е. *pocházěti* з ‘быть родом из...’ + Р, *bydliti* v ‘проживать в...’ + М, *sěděti* na ‘сидеть на...’ + М и т. п.). А такие детерминирующие члены, которыми высказыванию сообщается добавочная глагольность, хотя бы даже глагол восстанавливался только имплицитно,

в принципе «глубинно» предикативны. Это и обуславливало свойственную данным членам автономность.

Анализируемые детерминанты, видимо, привходили в предложение как более или менее свободные носители «своей» семантики. Признак, который они выражали (признак действия или предмета действия), при отсутствии глагола с соответствующим значением мог оказаться связан с именем, хотя мог быть актуальным также для всего высказывания (как в случаях типа *jsem z Uoskořína dci toho pána* — DalC 26). Такая смысловая связь изначально не выявлялась синтаксически: показателем соотнесения подобных свободно вводимых компонентов с каким-либо из имен был лишь контекст, иногда не только лингвистический. Для иллюстрации «контекстуальности» такой связи может быть взято допускающее двузначное толкование извлечение *nalezli jsme Ježíš, syna Ozěpova z Nazareta* — BiblDrážď J 1: 45 (аналогично в позднейших редакциях чешской Библии), в котором отнесение определения *z Nazareta* к существительному *Ježíš* ‘Иисус’, а не к ПП *Ozěpov* ‘Иосифов’ подтверждает следующий стих (*I vecě...: „Z Nazareta móż něco dobrého býti?“* — BiblDrážď J 1: 46), а в культурном контексте Средневековья и предполагаемое у всех членов общества знание того, что таков был в Библии постоянный эпитет имени Иисуса (ср.: *aby se naplnilo, což jest pověděno skrzě proroka, že Nazarenus bude slúti* — BiblDrážď Mt 2: 23).

Характером связи с определяемым именем данные определения напоминают аппозитивные компоненты, которые в древнейшем строе предложения обладали аналогичной автономностью. Историческая соотносительность детерминантов обоих типов имеет глубинную мотивацию: детерминация ими существительных осуществлялась вследствие транспозиции членов предикативно самостоятельных комплексов. Детерминанты анализируемого типа порой и семантически приближались к приложениям. Определения, выражающие отношение к местности, вступая в сочетания с именами личными, часто осмыслялись как собственные имена. Это вторичное осмысление предельно отчетливо проявляется в случаях типа *Hansl řčený z Urbachu* — PoprRožmb 12 /1389/ ‘Гансл, прозываемый «из Урбаха»’. Подвергшиеся такой переоценке определения стремились получить также форму аппозитивных компонентов, ср. модифицирующие конструкции анализируемо-

го типа аппозитивные сочетания ПП: *lidem páně Atrspachovým* — Oberpfalcer 1935: 22 (= *páně z Atrspachu*; Atrspach/Adrspach — название замка); *páně Mičanovu Čeňkovu člověku* — Oberpfalcer 1935: 22 (= *páně Čeňkovu z Mičan*; Mičany — топоним).

Рассматриваемые определители первоначально, даже будучи в смысловом отношении однозначно связанными с каким-либо именем, очевидно, оставляли последнее почти полностью свободным синтаксически. Для трансформации имени в ПП или ОП такая детерминация открывала поистине благоприятные возможности. В структуре этих конструкций, естественно, форму ПП или ОП неправомерно оценивать для ранней ступени развития языка как субстантивную по подчиняющей способности.

Характерно, однако, что в конструкциях с описанными свободно зависимыми компонентами, при синтаксически эквивалентных возможностях такой сочетаемости для ПП и ОП, были сравнительно последовательно представлены лишь ПП, но не ОП. Изолированная конструкция анализируемого типа с ОПо в тексте Старых летописей чешских в списке второй половины XV в. не показательна, да и не однозначна. В контексте *byl veliký sněm v Pražě panský z Čech i z Moravy* — LetPal 21 компоненты *z Čech i z Moravy* семантически и синтаксически могли быть также связаны с именем *sněm*, возможно, осознаваемым еще как отглагольное ('собрание, сход').

Это может объясняться единственно особенностями семантики ПП в отличие от ОПо. Формы ПП, специализирующиеся на выражении отношений к единичным и обыкновенно определенным индивидам, самой своей категориальной семантикой гарантировали однозначное соотнесение базовой лексемы с локализующими ее денотат синтаксически автономными компонентами. Распространение же ОПо аналогичными компонентами опиралось на сохраняемое у ОПо лексическое, денотативное значение базовой лексемы в сочетании с семантикой контекста, откуда «извлекалось» необходимое числовое значение. Это и ограничивало возможности соотнесения определений исследуемого типа с ОПо.

Спецификой семантики ПП, идентичной семантике Р ед., можно объяснить также то, что конструкции ПП с определениями места в древнечешском языке оставались возможными до XVII в. Структура сочетаний с первоначально автономным определением

места в истории чешского языка все более тяготела к синтаксической стабильности, гипотактичности. Вследствие закрепления таких определений в контактной постпозиции к определяемым ими существительным связь обоих компонентов стала более эксплицитной. Форма подобного определения перестала зависеть от значения исконно восстановимого глагола: при выражении определения к именам личным получило обобщение сочетание $z + P$. Тем самым ПП в конструкциях анализируемого типа начинали выявлять свойственную существительным валентность.

Форма ПП, мотивированная зависимой по отношению к существительному позицией, однако, не соответствовала сложившейся в описываемых словосочетаниях собственной «подчиняющей» позиции ПП. Это противоречие и предопределило вытеснение ПП из сочетаний подобного типа синтаксически эксплицитным Р ед. Данный процесс в истории чешского языка оказался достаточно длительным; завершись, видимо, только в XVII в.

4.1.1.4. Конструкции ДСП (ПП) с выраженными подобным же способом определениями прослеживаются в древнепольском языке XV в. В эксцерпциях из польских памятников делового стиля представлены семантически полностью аналогичные древнечешским сочетания типа *ludziem księdza biskupowym z Gostolina* — ZapWarsz 2927 /1468/; вместе с тем в памятнике книжного стиля отмечено сочетание, где при помощи такого определения выражается другое смысловое отношение: *syn Jakobów z pokolenia Juda* — Rozm 30 [Szlifarsztejnowa 1960: 54, 50].

В других древних славянских языках свидетельства данной сочетаемости не выявлены. Косвенное основание полагать, что она тем не менее была возможна, например, в истории болгарского языка, дает конструкция, встречаемая в болгарском тексте конца XIX в., который был издан в литературной обработке второй половины XX в.: *четири чети* — *дядо Илювата, Ивановата от Въртон, Тотювата и моята* (Хитов 12).

4.1.2.1. Формы ДСП (ПП и ОПо) в древнечешских памятниках представлены также в конструкциях с определением, выраженным беспредложным Р, хотя примеры подобной сочетаемости единичны. В контексте *panie Elzce, někdy páně Jindřichově z Rozemberka manželce dobrej paměti* — ListářRožmb I: 2 /1418/ атрибутивный компонент *dobrej paměti* ‘блаженной памяти’ дополнительно ха-

рактизует лицо, обозначенное многочленным сочетанием с двумя существительными, трансформированными в ПП. В остальном в эксцерптированных текстах встретились еще два однотипных сочетания с ПП и ОПо: 1) *tuto sě dokonává řád korunování krále i králové českého království* — ŘádKor 106 ‘здесь кончается порядок коронации короля (букв. *королѣва*) и королевы чешского королевства’; 2) *byl jest veliký sněm kněžský království českého pod oboji zpuosobú rozdvájících* — Let 58, букв. ‘был большой сход священнический чешского королевства, причащающих под обоими видами’ (при вариантном чтении на параллельном месте другого списка: ... *kněží království českého z strany zákona božieho* — LetPal 80 ‘священников чешского королевства со стороны закона Божия’). В обоих случаях одинаково выраженные несогласованные определения при более или менее однозначной смысловой зависимости от базовой лексики ПП и ОПо (в первом — также от имени в Р ед., однородного с ПП) по существу отнесены ко всей последовательности имен, завершаемой ПП и ОПо. Тем самым они выступают как детерминанты предметного плана предложения в целом.

К анализируемым конструкциям с ПП и ОПо в структурном отношении весьма близко сочетание с ОПн/о *číslo dnové života svého* — BiblDražď Eccl 2: 3 (при *číslo dnův života svého* — BiblLit, ibid.). Выражающее несогласованное определение сочетание здесь осложняет не ОПн/о, а целостное плеонастичное сочетание *číslo dnové* «дни».

4.1.2.2. Конструкции ДСП с определением, выраженным посредством беспредложного Р, в других древнеписьменных славянских языках отличались столь же малой частотностью. Фиксируются такие конструкции, всегда только с ПП, лишь историками древнерусского языка и преимущественно в текстах XVI в. Наши эксцерпции позволили найти одно такое сочетание в старшем памятнике: *Клим митрополит столь святительскы приим не патрияришемъ благословениемъ Царяграда...* — Печ. пат., ПЛДР II, 472. Характером вхождения выражающего несогласованное определение компонента оно напоминает приведенные выше древнечешские сочетания с ПП и ОПо.

Формулой канцелярского стиля XVI в. являлись повторяющиеся в царских грамотах сочетания типа *по Государеву, цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу* — Ярсл., 4 [Макаро-

ва 1954: 24]. Атрибутивный компонент *всеа Руси* здесь относится к сочетанию имен, из которых два первых имеют форму ПП.

Специфично сочетание *слуцкого князя сестринь сынъ панъ Юри Хаткеев/и/чь* — Хожд. Короб., 74 [Макарова 1954: 25]. Первая его часть осложняет семантически гомогенное сочетание *сестринь сынъ* «племянник», но не само по себе ПП.

В конструкции *Володиславъ, сынъ Казимиръ Лѣсконогого Межъкы* — Гал.-Вол. лет., ПЛДР III, 326 выражающее несогласованное определение сочетание, несомненно, представляет собой часть предложения, в котором опущено имя *сынъ* (т. е. *сынъ Казимиръ, /сына/ Лѣсконогого Межъкы*).

4.1.3. Регулярно конструкции ПП с генетически несогласованными компонентами в Р на современном этапе встречаются в центральных словацких и верхнелужицких диалектах. Эта сочетаемость, однако, не связана исторической преемственностью с древнеязыковой и явно имеет под собой иные структурные основания.

Формам ПП здесь предшествуют определения, выраженные обычно словом, по происхождению представляющим собой наименование семьи (по имени ее главы) в Р мн. В синхронном плане, однако, форму Р мн. таких наименований семьи в подавляющем большинстве сочетаний можно оценивать как субстантивированную: фактически она осмысливается как фамилия лица, обозначаемого базовой лексемой ПП. Ср. слц. *zo Seleštianskich Pa'ouho domu* [Štolc 1966: 264], где форму ПП получает вторая часть составного имени — *Seleštianskich Pa'o*; в.-луж. *Dubanec džědowy njedželski kabat* в соответствии с нем. Grossvater Dubans Sonntagsrock; *Bačonec Alfonsowy* <...> *kmótr* в соответствии с нем. Batschon Alfons' Pate и др. [Löttsch 1965: 378].

Эти конструкции возникли под влиянием конструкций с аппозитивными компонентами при ПП. Формы же определения, выраженного названием семьи по имени ее главы или иногда именем по мужу, которые не осмысливаются как имя собственное, типа в.-луж. *Kralec srěncyny bratr*, *Koklineje sotřiny syn* [Löttsch 1965: 378], должны быть поняты как адъективированные (по местоположению в словосочетании). Такие конструкции близки конструкциям ПП с согласуемым адъективным компонентом, типа *mojeje sotřiny syn*.

Конструкции с согласованным определением, выраженным прилагательным или причастием (типы *podlé príkázanie Ottova markrabina moravského, od/e/ krve Abelovy spravedlivého, z ruky arcibiskupovy mši slúžícíeho*)

4.2.0. Конструкции ДСП с определением, выраженным прилагательным или причастием, которые, «согласуясь» с ДСП, получали, естественно, форму Р, представляли собой как для древнечешского, так и для других древних славянских языков, малочастотный тип. Тем не менее эти конструкции требуют особенно пристального внимания в историческом аспекте — ввиду того, что в современных славянских языках, сохраняющих свойственную существительным сочетаемость ПП, их аналоги, напротив, обладают довольно высокой частотностью, будучи вполне системными для синтаксиса ПП.

Я. Гебауэр считал, что в истории чешского языка подобные конструкции с ПП также были системным явлением, формулируя даже некое правило порождения таковых: «Если владелец был выражен сочетанием, состоящим из прилагательного и существительного, то принадлежность в древнечешском языке обозначалась так, что от существительного образовывалось притяжательное прилагательное, а определяющее прилагательное стояло в родительном падеже» [Gebauer 1929: 157].

Материал даже самых архаичных древнечешских памятников, однако, показывает, что форму ПП нельзя считать парадигматической для определяемого имени в сочетаниях названного типа. Регулярную форму имени с зависимым адъективным компонентом, если это сочетание оказывалось в атрибутивной позиции, представлял собой приименной Р. Конструкции же ПП с адъективными компонентами были синтаксически и семантически маркированы, отличались особым словопорядком и иными особенностями. Формы ПП не вступали в сочетание с любыми согласуемыми словами, а могли лишь более или менее последовательно использоваться в конструкциях с определением, выраженным:

- а) относительным прилагательным, производным от имени места (более частотные),
- б) качественным прилагательным (менее частотные),
- в) причастием (наименее частотные).

Формы ОПо, отличающихся по значению от ПП, обнаружены в сочетаниях только последнего типа.

Рассмотрим сочетания всех этих типов по отдельности.

4.2.1.1. Конструкции типа *podlé příkázanie Ottova markrabina moravského* — PulkR 83b, с определением, выраженным относительным прилагательным, производным от имени места, в древнечешском языке представлены только у ПП, для которых они, однако, составляли основной тип возможных сочетаний с адъективными компонентами. Эти конструкции отмечаются в памятниках XIV и XV в. по спискам вплоть до XVI в.

Впрочем, конструкции, в которых наблюдается однозначная зависимость адъективных компонентов от одного ПП, в excerptированных памятниках отражены лишь изредка. Форма ПП от имени собственного обнаружена всего в двух одинаковых по наполнению сочетаниях названного типа в первой редакции чешской Библии: *zradil Jidáš Šimonov Škariotského* — BiblDrážď, BiblOI J 13: 2; *poda Jidášěvi Šimonovu Škariotského* — BiblOI J 13: 26 (*Jidášovi Šimonovi* !/ *Škariotského* — BiblDrážď, ibid.). При этом отнесение определения места, в древнечешском тексте — адъективного, к существительному, преобразованному чешским переводчиком в ПП, видимо, связано в данных случаях с ошибочным членением сочетания трех выступающих здесь имен еще в Вульгате, где в соответствующих местах находим: *ut traderet eum Judas Simonis Iscariotae* и *dedit Judae Simonis Iscariotae*¹. Ср. параллельные древнечешские конструкции с существительным и прилагательным в Р там же: *povědě <...> Jidáš Šimona Škariotského* — BiblOI J 12: 4; *to mluvieše o Jidášovi Šimona Škariotského* — BiblDrážď, BiblOI J 6: 71². Изолированным оказывается и единичное сочетание с ПП, образованное от нарицательного имени: *píšeš o opatova* !/ *Milevského lidi* — ListářRožmb I: 31 /1420/ (ПП механически согласовано с подчиненным адъективным компонентом).

Сравнительно чаще представлены ПП в случаях осложнения двучленного сочетания существительных адъективными ком-

¹ В русском синодальном переводе Библии во втором случае 'подал Иуде Симонову Искариоту', в первом — иное членение фразы.

² В Вульгате *Dixit ergo <...> Judas Iscariotes* и *Dicebat autem Judam Simonis Iscariotem*; в русском синодальном переводе Библии соответственно '... Иуда Симонов Искариот' и 'Это говорил Он об Иуде Симонове Искариоте'.

понентами. Определяемое имя собственное или нарицательное в составе таких единств оставалось способным замещаться ПП, а определяющее имя нарицательное при данном ПП могло иметь форму ПП или форму Р. Ср. примеры:

podlé přikázanie Ottova markrabina moravského — PulkR 83b; na markrabině Joštově milosti moravského — Půh I, 156 /1406/; na králově Václavově českého dědině — Dub 139 (при вариантном чтении на параллельном месте в другом списке: na krále Václavově českého /dědině/);

vladař kuchynný krále Nabochodonožoruov babylonského — Otc 147; Paris, syn krále Priamuov trojanského — Troj 77; zabil Deifeba, syna krále Priamova trojanského — Troj 284; u Hradiště krále Matyášovi uherského <...> ležiechu dobývajíc — Let 141.

Я. Гебауэр конструкции типа podlé přikázanie Ottova markrabina moravského оставлял без внимания (в цитируемом примере он опустил адъективный компонент); фиксируя же конструкции типа vladař <...> krále Nabochodonožoruov babylonského, не обнаруживал здесь связи адъективных компонентов с ПП, а приписывал последние приложению при ПП. Форма Р, которую принимало такое приложение, обосновывалась исследователем именного его связью с адъективным компонентом (как и для конструкций с «компактной» многочленной аппозицией, типа bratr vévody českého Boleslavův — PulkR 31a).

Эта интерпретация кажется спорной в связи с констатированной выше возможностью сочетаемости исследуемых адъективных компонентов с двумя ПП. В конструкции podlé přikázanie Ottova markrabina moravského прилагательное предположительно осложняет лишь последнее ПП, функционируя как заключительный компонент аппозиции, которой служит название титула *markrabie moravský* 'маркграф моравский'. Структура же остальных таких сочетаний, отмеченных в памятниках, отличается последовательностью элементов: приложение, представляющее как начальный член сочетания, оторвано здесь от выступающего в абсолютной постпозиции адъективного компонента.

Реализующийся в конструкциях типа na králově Václavově českého dědině словопорядок можно воспринимать как показатель последовательности подчинения компонентов подобных комплексов. Исходной единицей здесь могло быть сочетание с оди-

ночной аппозицией, типа *král Václav* ‘король Вацлав’. Форма его обуславливалась общей для обоих существительных позицией, что подразумевало возможность употребления двух ПП. Конструкция получала завершение с присоединением прилагательного, которое осложняло исходное сочетание как целое. А так как атрибутивно зависимые сочетания типа *král Václav* помимо структурной схемы ПП + ПП могли следовать также схеме Р + ПП, для конструкций, в которых прилагательное присоединяется к сочетанию ПП с аппозитивным компонентом в Р, допустима та же оценка зависимости членов. В данном смысле весьма характерно использование конструкций обоих анализируемых здесь типов как вариантных на параллельных местах списков одного текста: *na králově Václavově* / *na krále Václavově českého dědině* — Dub 139.

В структурном отношении абсолютно аналогично рассмотренным единичное сочетание с адъективным компонентом при двух ПП (из которых первое — неизменяемое *páně*), образованных от нарицательных имен: *s páně purkrabinú vyšehradského pomoci* — ArchČ XXVI: 199 /1446/.

Функционирование ПП в анализируемых конструкциях, по-видимому, оказывалось возможным единственно за счет того, что прилагательные здесь присоединялись лишь добавочно к сочетанию имен, из которых хотя бы одно изначально замещалось ПП. Точно так же они могли осложнять и одиночные ПП (см. тип *Jidáš Šimonónv Škariotského*). Это подтверждает постоянная абсолютная постпозиция выступающих в отмеченных выше сочетаниях адъективных компонентов.

Ряд конструкций с подобным же составом обнаруживает отличное членение в связи с переоценкой адъективного определения к существительному из категории «имен лица» как собственного наименования того же лица. Такое переосмысление переживали многие прилагательные, производные от имени места, определявшие имя собственное или нарицательное типа *pán*. Ср. контекст *žes té tvrže Perštaincě postúpil pánu Rozmberskému* — PoprRožmb 39 /1423/, в котором сочетание *pán Rozmberský* при вторичном значении «господин Розенберг» еще сохраняет исходное значение «владелец замка Розенберг». Субстантивируясь по мере развития значения родового имени, подвергшиеся такой переоценке опреде-

ления могли отрываться от определяемого имени, выступая самостоятельно, ср. случаи типа *když budete tam u Rožmberského*... — PoprRožmb 39 /1423/. Соответственно словосочетания типа *pán Rožmberský* приходится оценивать как сочетания приложения (*pán* с именем собственным личным (*Rožmberský*)). Эти наименования лиц в чешском языке сменили к XVI в. такие имена, как *pán z Rožmberka*. Ср. кодификацию Я. Благославом в «Грамматике чешской» издания 1571 г. лишь имен типа *pán Pernštejnský*, но не *pán z Pernštejna* [Gebauer 1929: 166].

В конструкции с генетически адъективным компонентом, который осознавался как имя собственное, первоначально определяемое имя, становящееся аппозитивным, достаточно свободно замещалось ПП. Формы ПП в данных сочетаниях отмечаются вплоть до XVI в., ср. *tovařiše páně Sigmundovi Křižanovského* — PoprRožmb 18 /1401/ и *šel do maštale páně Albrechtovy Třebechovského* — Oberpfalcer 1935: 22 /1539/. В XVI в. конструкции анализируемого типа сохранял лишь народный язык; из книжного языка они стали исчезать еще в XV в. Универсальное генитивное выражение здесь стремились получить в первую очередь обе части собственного имени. Одновременно от выступающего при многочисленном личном наименовании в Р нарицательного имени еще могло образовываться ПП. Ср. *dosiehl zradú Vilštejna, hradu páně Zbyňka Kocovského* — Let 100 (сочетание ⁺*páně Zbyňka*, однако, едва ли было возможным).

4.2.1.2. Конструкции ПП с определением, выраженным прилагательным, производным от имени места, фиксируются и в древнерусском языке. Эти конструкции не составляют здесь частотного типа, однако отмечаются в памятниках вплоть до XVI в.

Структурно такие конструкции аналогичны представленным в древнечешском языке. Ср. примеры А. А. Потебни: *на Казимирову на королеву землю полского; отвѣтъ Матиашовъ королевъ угорского; съ грамоты съ королевы угорского съ Матиашовы* — Пам. дипл. снош. I, 170–171 /1488/; *во владычне мѣсто Новгородскаго въ Ионино* — Акт. арх.эксп. I, 73 /1471/; *грамота архиепискупля Ноугородикого* — Акт. ист. I, 285 /1551/ [Потебня 1968: 408]. Прилагательные здесь присоединяются к сочетаниям двух ПП и к одиночным ПП как дополнительные обособляющиеся компоненты, всегда только постпозитивные. В конструкции

придоша стрѣлици. Володимери Галичьскаго — Ипат. лет., л. 149 об. адъективный компонент, возможно, вообще исконно являлся частью обособленной многочленной аппозиции, ср.: *сѣнь Ярославль. Галичьскаго князя* — Ипат. лет., л. 202 об. (оба примера из [Маројевић 1983^a: 54]).

Этот материал позволяют дополнить наши извлечения из памятников XIV–XV вв.: *от плъку Дарьева перскаго* — Сказ. Мам. поб., ПЛДР IV, 184; *сила султанава индѣискаго бесерменьскаго* — Хожд. Никит., ПЛДР V, 472. Интересно последнее сочетание, в котором к ПП присоединяются два прилагательных со значением отношения к стране (*Индѣя*) и определенной вероисповедной общности (*бесермене*).

Фиксируются также такие конструкции, в которых адъективный компонент входит в состав многочленного княжеского наименования, типа князь *Василий князь Федоровъ сынъ Мещерско-го* — Гр. 1565 либо *панъ Котуна* <...> *князя Ивановъ Острозско-го* — Острож. зап. 1464 [Потебня 1968: 407]. А. А. Потебня форму адъективного компонента в конструкциях подобного типа оценивает для XV — XVI вв. как субстантивированную.

Конструкции ПП с генетически адъективным компонентом, выступающим как часть составного имени, представлены также в древнепольском языке, ср. *list Piotraszew Czepurskiego* — Piek 46 /1461/ [Szlfiersztejnowa 1960: 52].

4.2.2.1. Конструкции типа *od/e/ krve Abelovy spravedlivého* — EvOl, BiblKoř Mt 23: 35, с определением, выраженным качественным прилагательным, в древнечешских памятниках отмечаются как для ПП на *-ov/-in-*, так и для ОПо на *-ový* со значением ПП. Эти конструкции, однако, обладали весьма низкой частотностью и явно были лишь окказиональными. Фиксируются они только по памятникам до начала XV в.

Я. Гебауэр привел пять сочетаний подобного типа:

od/e/ krve Abelovy spravedlivého — EvOl, BiblKoř Mt 23: 35; *bedro Jakubovo klecavého* — Comest 41b; *Ježíš, pannin syn přerádné* — LegJež 1b; *hlas tento jest chotóv milého, jenž prikazuje choti své* — VýklŠal 51a [Gebauer 1929: 157–158].

Та же конструкция, что и в дважды отмечающемся чтении *od/e/ krve Abelovy spravedlivého*, использована на том же месте в другом Евангелии: *ot krvi Abelovy pravého* — EvBeneš Mt 23: 35.

Наши эксцерпции позволяют дополнить данный список лишь одним новым сочетанием зависимого адъективного компонента с ПП: *vyznánie Jirovo trikrát zlého* — PoprRožmb 52 /1429/.

В материале памятников обнаружен также совершенно исключительный случай использования в сочетании подобного же типа ОПо на *-ový*, образованного от названия животного и выражающего в данном случае отношение к единичной особи (т. е. имеющего значение ПП): *sled na cestě na piesku jěštěrový velmi velikého, an jako veliká kláda po tom piesku sě valil* — Otc 56.

В приведенных сочетаниях предельно отчетливо предстает понимание признака, приписываемого прилагательными, как дополнительно отмеченной отличительной особенности обозначаемого индивида. Квалифицирующие, порой эмоционально окрашенные определения в первую очередь служат здесь целям идентификации, дополнительно отождествляют денотат главной именной лексемы. По специфике смысловых отношений членов названные сочетания сопоставимы с аппозитивными. Более того, в ряде случаев здесь может идти речь о субстантивированных прилагательных, так что выражаемые ими определения приближаются к приложениям, ср. *Abel spravedlivý* ‘Авель-праведник’, *Jira trikrát zlý* ‘Йира, трижды злодей’¹.

Анализируемые адъективно выраженные определения в сочетаниях с ПП, подобно аппозитивным компонентам, обнаруживают глубинную связь с добавочными свободно поясняющими именное слово членами, которые привносятся в предложение как вводные единицы. Иллюстрировать переходное положение названных определений позволяет замена сочетания *sled <...> jěštěrový velmi velikého* — OtcB в ином списке того же текста: *sled <...> jěštěrový, velikého jěštěra* — OtcD, *ibid.* Приближаясь к приложениям в смысловом отношении, такие поясняющие члены, однако, не составляли с поясняемым именем гипотактических словосочетаний (невоз-

¹ Заслуживает внимания, что сочетание *Trikrát Zlý* (при личном имени *Petr* или само по себе) в «Городской книге Табора» с записями от 1432–1450 гг. фигурирует как прозвище человека [Černá 2017: 158]. Не исключено, что в записи из «Следственной книги Розенбергов» от 1429 г. речь идет об отце или старшем брате того же лица; в таком случае ее следует читать как *vyznánie Jirovo Trikrát Zlého* и усматривать здесь составное имя собственное с генетически адъективным прозвищем-приложением в Р при личном имени, трансформированном в ПП.

можно ⁺*jěštěr, veliký jěštěr*). Так поясняемое имя, естественно, могло замещаться любым ДСП. Ср. примеры с ОПо и ОПн/о: *zpuosoba mužská, velikého mužě* — Tkadl 142; *na spasenie člověčie, zúfalého člověka* — Tkadl 153; *několiko listów skočcových, větčého skočcě* — LékRhaz, Výb II/2: 559; *polévka <...> zelná a řěpná, nového zelé a řěpy* — LékKřišť, Výb II/2: 576.

Функционирование ПП и синонимичных им ОПо в конструкциях с определениями, сохраняющими столь однозначные связи с подобными поясняющими членами, также может объясняться исключительно автономностью обоих компонентов складывающихся здесь словосочетаний. В анализируемых конструкциях прилагательное присоединялось лишь дополнительно как обособленный член, и уже к адъективной замене поясняемого имени, т. е. к ПП. Это подтверждает проявляющаяся в приведенных сочетаниях постоянная постпозиция адъективных компонентов.

Определения, выраженные прилагательными, имеющими качественное значение, присоединяясь к именам собственным личным, также могли осмысливаться как часть составного имени. Формы ПП от имени личного в составе таких многочленных наименований, однако, использовались менее последовательно, чем в составных именах остальных типов. Примеры подобной сочетаемости ПП, представленные в древнечешских памятниках, единичны: *Petróv Ručieho bratr* — PoprRožmb 13 /1399/; *Mikšik <...> někdy Maříčkova* /!/ *Holého sestřenec* — PoprRožmb 22 /1409/ (ПП механически согласуется с последующим членом). Периферийное положение сочетаний ПП с выражающими определение качественными прилагательными, очевидно, препятствовало обобщению описанной модели для многочленных наименований лиц с аналогичным генетически адъективным компонентом.

4.2.2.2. Из других древних славянских языков конструкции ПП с качественными прилагательными фиксируются только в древнерусском языке по памятникам не позже XV в.

В структурном отношении древнечешским конструкциям типа *od/e/ krve Abelovy spravedlivého* полностью эквивалентно сочетание, в котором к двум ПП относится адъективный компонент в Р дв.: *проляя кровь Борисову и Глѣбову праведною* — Ипат. лет. ¹ 61, 14 [Потебня 1968: 408], из сочетаний же ПП с адъективным компонентом в Р ед. — *князь Африканъ, братъ Якуновъ слѣпаго* —

Печ. пат., Арс. СП. 1406 г., л. 125в [Маројевић 1983^a: 51]. В сочетании княгини *Ольга, сестра Всеволожа великаго* — Ипат. лет. ² 422 [Потебня 1968: 408] следует допустить эллипсис аппозиции князя. В конструкциях типа *до гроба Рахилина, матери Иосифовы Прекраснаго* — Хожд. Дан. 22 [Потебня 1968: 408] адъективный компонент, видимо, осмыслялся как имя собственное — часть составного имени. Это было характерно главным образом для царских и княжеских составных имен, ср.: *князь великий Юрии Всеволодиць, внукъ Юриевъ Долгорукого, сына Манамахова* — Твер. лет., ПЛДР III, 166; *царство Рамана, Константинова сына Багрянороднаго* — Манасс., ПЛДР VI, 298. Такие конструкции ПП с адъективными компонентами, выступающими как часть составного имени, оставались возможными до XVI в.

4.2.3.1. Конструкции типа *z ruky arcibiskupovy mši služícího* — ŘádKor 106, с определением, выраженным причастием, всегда осложненным собственным подчиненным членом, прослеживаются в древнечешском языке как для ПП и ОПо, синонимичных ПП, так и для ОПо со значением отношения к совокупности индивидов. Фиксируются они, однако, нечасто, причем, как правило, по памятникам до начала XV в.

Формы ПП в конструкциях с причастиями представлены по большей части в языке деловых текстов. Ср. стандартизированные сочетания, которыми вводились записи показаний в Следственной книге Розенбергов: *pravenie Ondřejovo kovářovo z Libína, v Třeboni mučeného a oběšeného* — PoprRožmb 23 /1409/; *pravenie Strachotovo z Osového, v Krumplově oběšeného* — PoprRožmb 24 /1409/. Эти конструкции, видимо, поддерживала сочетаемость с ПП придаточных предложений с аналогичной семантикой, ср. *Chocovcovo pravenie, ješto v Vlašimi oběšen* — PoprRožmb 20 /1406/ и т. п.

Специфичны конструкции, в которых с ПП от собственных имен соединяются при помощи причастия *řecený* прозвища и иные наименования лица. Семантически подобные многочленные сочетания близки составным именам, что могло дополнительно способствовать использованию в них ПП. Ср.: *syn Albrechtův řeceného Nedvěd* — PulKR 127a [Gebauer 1929: 157]; *pečeti <...> Matějovu tak řeceného od věžě a Bernhartovu tak řeceného z Pieska <...> přivesiti* — List 1370, Výb I: 799.

В конструкциях с причастиями, кроме ПП на *-ov-*, представлены также ОПо на *-i* и *-ovú*, выявляющие значение отношения к единичным индивидам, т. е. синонимичные ПП. Это ОП от периферийных для категории одушевленности существительных со значением лица либо животного. Ср.: *tělo dietěcí kypřě narozeného* — Comest 10b [Gebauer 1929: 155]; *obyčejem lvovým v hněviech řvúcieho* — Troj 45. В примере из Троянской хроники прилагательное, производное от названия животного, может оцениваться двояко, но скорее как ОПо на *-ovú* со значением ПП, чем как собственно ПП на *-ov-*.

Конструкции с причастиями в древнечешском языке первоначально образовывали также ОПо, выступающие со значением отношения к совокупности индивидов, которое составляло основное значение ОПо в оппозиции к ПП. Этот тип конструкций с ОПо в древнечешском языке представлен наибольшим числом извлечений, из которых два древнейших приводятся Я. Гебауэром, а другие два позволил отметить наш анализ:

nepriatel kacieřový ve zlěj mysli zkažených — PasMuzA 303; *milost bratrská na hoř Olivecké přebývajících* — OtcA 1a [Gebauer 1929: 160]; *o bězích řeckých na břehu Tenedon obývajících* — Troj 122; *byl jest veliký sněm kněžský království českého pod obojí zpuosbú rozdávajících* — Let 58.

Функционирование ПП и ОПо в конструкциях с причастиями в древнечешском языке, несомненно, было связано с особым положением причастных оборотов в предложении. Атрибутивность причастных оборотов представляла собой результат реализуемой в конкретном контексте транспозиции самостоятельных предикативных единиц, в которых сказуемое первоначально могли выражать те же причастия в краткой (именной) форме, ср. древнечешские предложения типа *jakžto pták některý <...> letě dluho v lesi, v poli, až snad někde místo zvolí* — AlxV 52–53 ‘как некая птица летает (букв. *летья*) по лесам и полям, пока где-то найдет себе место’. При транспозиции предикативность причастных оборотов продолжала проявляться в предложении, в которое они включались, в качестве побочной. Тем самым эти обороты оказывались переходными от определений к придаточным предложениям, которым они семантически эквивалентны.

В конструкциях с ПП и ОПо, вероятно, причастные обороты употреблялись именно как замены придаточных предложений.

Так, в переводах с латыни ими обычно передаются именно придаточные предложения, выступающие в источнике, ср. *milost bratřská na hoře Olivecké přebývajících* — *charitas fratrum qui commanent*. В отличие от конструкций ДСП с придаточными предложениями, однако, конструкции анализируемого типа требовали согласования причастий с ПП или ОПо. Этим объясняется низкая частотность описанных сочетаний.

4.2.3.2. Конструкции ДСП (преимущественно ПП, изредка также ОПо) с причастиями представлены во многих древнеписьменных славянских языках.

Анализируемые конструкции встречаются в старославянских текстах X–XI вв. Ср. характерное сочетание, читающееся в нескольких Евангелиях: сѣбѣ рашиа сѧ на дворѣ архiereовѣ. нарицаемаго канѣфа — Зогр., Мар., Асс.; нарицаемаго канафы — Сав. Мт. 26, 3. В Синайской псалтири причастия достаточно часто сочетаются с ПП господнь, ср. одно из пяти отмечаемых исследователями извлечений: въ имя гнѣ. сѣтворишаего нбо и землѧ — Син.пс. 123, 9. В Супрасльской рукописи помимо двух сочетаний подобного же типа с ПП, из которых одно совпадает с указанным достаточно устойчивым сочетанием из перевода Псалтири, представлено единственное свидетельство сочетаемости причастных оборотов с ОПо: оле нечювьство жидовъско. не разоумѣвштихъ тако кстѣ лѣпо — Супр. 396, 16 (см. [Miklosich 1883: 13]; [Vondrák 1928: 232]; [Večerka 1957: 28]).

Структурно аналогичные конструкции отмечаются в памятниках древнерусского языка, преимущественно с ПП, ср.: по убьеныи же герьцюковѣ, рекомаго Фридриха; мятежю же бывишу <...> о честь и о волость герьцюкову убьеного — Гал.-Вол. лет., ПЛДР III, 324 [Потебня 1968: 408]; снѣ Володимере. крѣтившаго землю русьскую — ПрП XIV — XV, I, л. 134 г [Маројевић 1983^a: 54]. Наши экскерпции позволили выявить единственное сходное сочетание с ОПо: слышашеся пѣние аггельское, трисвятое вопиющих — Жит. Серг. Рад., ПЛДР IV, 272.

Функциональной субстантивацией причастия можно было бы объяснить проявление исследуемой сочетаемости ПП в великорусском памятнике XVII в.: за дочерне дѣвкино бесчестье противъ отцова въ четверо, а за сыновне гулящаго, которой не въ службѣ, въ полы отцова бесчестья — Котош. 99 [Потебня 1968: 408–409].

Формы ПП в конструкциях того жетипа прослеживаются и в древнепольском языке, ср. *jako treść pisarzowa rychło piszącego* — PsFl 44, 2 [Szlifarszteinowa 1960: 50].

4.2.4. Конструкции ДСП с определением, выраженным прилагательным или причастием, были, таким образом, периферийным явлением как в древнечешском, так и в древнейших славянских языках вообще. Как показал наш анализ, данная сочетаемость основывалась исключительно на автономности адъективных компонентов. В конструкциях с ПП и ОПо были допустимы лишь те выражающие определение имени согласуемые члены, которые приводили в предложение как дополнительные обособляющиеся элементы, всегда только постпозитивные.

По характеру присоединения прилагательных к ПП и ОПо описываемые сочетания близки сочетаниям остальных отмеченных типов, с согласованными и несогласованными неадъективными компонентами. В структурном отношении, однако, анализируемые здесь конструкции коренным образом отличались, так как форму адъективных компонентов с самого начала мотивировала единственно зависимость от адъективных замен осложняемого имени, т. е. ПП или ОПо. Базирующейся на согласовании связью здесь объединялись ПП и ОПо, синонимичные ПП, с адъективными компонентами в Р ед., а ОПо в оппозиции к ПП с адъективными компонентами в Р мн. Эта специфическая согласуемость прилагательных с производными от определяемого имени образования на раннем этапе развития славянского синтаксиса заслуживает отдельного объяснения.

Характерный для конструкций ПП и ОПо с адъективными компонентами способ подчинения членов возможно оценить как семантико-синтаксический. В структуре таких конструкций, где ПП либо ОПо, входящие в высказывание в качестве замен изначально свободного имени в адноминальной синтаксической позиции, лишь добавочно подчиняли себе адъективные компоненты, форму последних неизбежно диктовала семантика подобных ДСП. Форма падежа была задана синтаксической семантикой ПП и ОПо, эквивалентной семантике Р. Форма числа могла избираться достаточно однозначно с опорой на числовое значение ПП и ОПо, во втором случае извлекаемое из контекста. На форму адъективных компонентов в рамках единственного числа влияла и соотношенность с родом имени, которое лежало в основе ПП.

Интерпретация механизма подчинения членов данных сочетаний как семантического позволяет объяснить то, что анализируемые конструкции были в значительно большей степени свойственны ПП, чем ОПо. ПП ввиду своей узко специализированной семантики мотивировали форму адъективных компонентов с полной однозначностью, так как в отношении числового значения полностью совпадали с Р ед. Строение ПП отражало и различия в родовой отнесенности базовой лексемы. Напротив, ОПо, выражая главным образом отношения к совокупностям индивидов, но порой и отношения к единичным индивидам, получали одно из числовых значений только в контексте. Этот «плюрализм» числовых значений ОПо не обеспечивал возможности однозначного согласования адъективных компонентов. Характерными кажутся такие случаи, где оно опосредовано повторением базовой лексемы ОПо, ср. *sled* <...> *jěštěrový, velikého jěštěra* — OtcD при *sled* <...> *jěštěrový velmi velikého* — OtcB 56. Тот же фактор, очевидно, не допускал сочетаемости адъективных компонентов с ОПн/о.

В структуре древнейшего славянского предложения, следовательно, благоприятные возможности для объединения прилагательных с производными от определяемого имени образованиями открывались при сохранении последними частеречного значения базовой лексемы, в частности его числового элемента. Из ДСП это было свойственно ПП, но не ОП.

Форма выступавших в исследуемых конструкциях адъективных компонентов, мотивированная семантикой ПП либо ОПо, во втором случае в сочетании с семантикой контекста, естественно, обладала высокой степенью автономности. Взаимная связь создающих такие единства членов была слабой, имплицитной. Характерны в данном смысле часто наблюдаемые здесь ошибки писцов при обозначении зависимости компонентов. Так, в древнечешских памятниках представлены сочетания, в которых ПП механически согласуется с последующим адъективным компонентом в Р ед.: *píšeš o opatova* /!/ *Milevského lidi* — ListářRožmb I: 31 /1420/; *Mikšík* <...> *někdy Maříčkova* /!/ *Holého sestřenec* — PoprRožmb 22 /1409/. Фиксируются также случаи аттракции адъективных компонентов, вопреки семантической зависимости от ПП согласующихся одинаково с ПП, ср. *s uotpuštěním s Pilátovým zlým nekrščeným* — Hrad 45a [Gebauer 1929: 81]. Подобные структурные искажения кон-

струкций адъективных компонентов с ПП своеобразно отражали стремление к эксплицитности синтаксических связей данных членов.

Секундарное постпозитивное присоединение прилагательных, базирующееся на семантическом согласовании, в структуре древнейшего предложения было допустимо при замене определяемого имени в принципе любым образованием, диктуемым замещающей позицией, которое выражало или получало из контекста необходимые для согласования элементы частеречного значения базовой лексемы. Конструкции так присоединяемых прилагательных с ДСП (ПП и ОПо) на ранней стадии развития славянских языков в данном смысле были лишь частным явлением, представленным сравнительно наиболее широко по языкам, но отнюдь не исключительным в общеславянском масштабе.

Так, при секундарном присоединении прилагательных в древнерусском языке имена собственные могли также преобразовываться в патроним на *-ичь*, например: *князь великий Мьстиславъ храбрый Романовичъ Смоленского* — Твер. лет., ПЛДР III, 152; *князь Всеволодъ Мьстиславичъ Киевского сынъ* — Твер. лет., ПЛДР III, 154 и т. п.¹ Форма Р ед. выбиралась для адъективных компонентов в сочетании с патронимами в координации с семантикой последних, по существу не отличавшейся от семантики ПП. Характерно, что в конструкциях с патронимами также встречается аттракция адъективных компонентов к «вышестоящим» личным именам, которая отражала тяготение возникающих сочетаний к синтаксической эксплицитности, например: *Мьстиславъ Святославичъ Черниговскии Всеволодича Козельскии* — Твер. лет., ПЛДР III, 154 (под-

¹ Своеобразен древненовгородский пример *оу Коузмичъ оу Онисимова* ‘у детей Кузмы (букв. *Кузьмичей*) Онисимова’, который приводит А. А. Зализняк с комментарием: «Это сочетание получено из исходного *Кузьма Онисимовъ* таким же преобразованием, как, например, *Дмитровна Завидича* или *Глѣбовна черниговского князя* (в пол. *Дмитровьноу Новѣгородѣ Завидица* ‘взял в жены в Новгороде дочь Дмитра Завидича’, НПЛ [1122], *ожениса ... Глѣбовноу черниговского князя* ‘женился на дочери черниговского князя Глеба’, Лавр. [1215]) из исходных *Дмитръ Завидичъ*, *Глѣбъ черниговскыи князь*. Ср. также: *преставися Ярополкъ Володимеричъ Манамаха* ‘умер Ярополк, сын Владимира Мономаха’ (Новг. IV лет. [1138], Строевский список); *Домашька цль Мыслатиницъ* (ла вместо ла) *швьѣцъ* ‘писал Домашка, сын Мыслятышвеца’ (Медынцева 1978, № 210; вероятно, XII в.)» [Зализняк 2004: 533–534].

разумеается Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского).

На тех же структурных основаниях в конструкциях с адъективными компонентами в Р ед. функционировали в древнерусском языке и женские имена по мужу на *-ая* — субстантивированные ПП, приобретающие окончания местоименного склонения, ср. *княгини Петрова Мезецкого княгини* — АЗР II, 7 /1507/ [Потебня 1968: 401]. С трактовкой адъективных компонентов в конструкциях с подобным составом как определителей самих женских имен была связана часто переживаемая ими аттракция, например: *преставися Глѣбовая Рязаньская* — Ипат. лет.² 414 [Потебня 1968: 401].

В структуре конструкций анализируемого типа, естественно, ни ДСП (ПП или ОПо), ни патроним или женское имя по мужу не занимали действительно субстантивную позицию относительно дополнительных обособленных адъективных компонентов, выражавших определение базовой лексемы. Форма ДСП здесь обеспечивала имени адекватное замещение зависимой позиции, но не позиции главного компонента в словосочетаниях с синтаксическими адъективациями, с которыми такие замены имени были исконно связаны лишь имплицитно-семантически. Общий процесс возобладания принципа синтаксической эксплицитности при выявлении связи членов любых сочетаний, складывающихся в предложении, приводил к исчезновению такой сочетаемости ДСП. В итоге в истории многих славянских языков, включая чешский, формы ДСП оказались вытеснены из описанных сочетаний формой Р, синтаксически более адекватной.

В первую очередь устранялись из употребления сочетания с ОПо в связи с одновременно переживаемой данными образованиями потерей способности выражать отношения к совокупности единичных индивидов. Конструкции ОПо с адъективными компонентами в чешском языке исчезли, видимо, не позже конца XV в. Формы ПП, будучи семантически полностью эквивалентными Р ед., вступали в данные сочетания несколько дольше. Так, в истории чешского языка конструкции ПП с адъективными компонентами во всяком случае одного из выделенных типов отмечаются и в XVI в., ср. *do maštále páně Albrechtovy Třebechovského* — Oberpfalcer 1935: 22 /1539/. В период исчезновения подобной сочетаемости у ОПо присоединение выражающих определение

прилагательных к ПП должно было начать оцениваться как особенность, специфичная для синтаксиса ПП, которая естественным образом отвечала чисто падежной семантике ПП. Этот фактор вопреки действию глобальной тенденции к устранению аномально устроенных сочетаний адъективных компонентов с ДСП в ряде славянских языков вызвал дальнейший рост возможностей такой сочетаемости у ПП.

Распространение ПП вне ограниченного круга первоначально возможных сочетаний с прилагательными, присоединяемыми всегда только постпозитивно, в славянских языках оставалось большей частью лишь частной тенденцией. Однако в центральных словацких диалектах и в серболужицком (верхнелужицком) языке она привела со временем к возникновению достаточно свободной сочетаемости синтаксических адъективаций с ПП.

В истории чешского языка действие тенденции, направленной на возрастание возможностей сочетаемости адъективаций с ПП, отражено главным образом в сочетаниях с местоимениями и словами с близкой к местоимениям лексической семантикой.

Конструкции с определениями согласованного
и несогласованного типа, выраженными собственно
местоимениями и словами с местоименным значением

4.3.1. В материале древнечешских памятников представлено лишь несколько сочетаний, в которых с ДСП объединяются адъективные местоимения. Исторически сочетания подобного типа, очевидно, опирались на тот же способ вхождения зависимых членов, что и все остальные сочетания адъективных компонентов с ПП и с ОПо. Секундарное, дополнительное присоединение местоимения прослеживается совершенно отчетливо в сочетании, которое является единственным надежным отражением сочетаемости первичных местоимений с ПП: *čti mudrcova onohono skládanie, jemuž jmě Faliscenes* — Tkadl 42, букв. ‘читай мудрецовы того сочинения, имя которому Каллисфен’. Форма ПП здесь осложняется придаточным предложением, присоединение которого производится при помощи отсылающего местоимения. Характерно, что оно, появляясь не строго перед придаточным предложением, выступает в постпозиции по отношению к ПП.

В конструкции с местоимением, которое сходным образом предпослано уточняющему предложению, но присоединяется сравнительно менее тесно, в качестве обособленного вводного элемента, засвидетельствовано и ОПн/о: */marinář/ hvězdni běh znajieše, totiž těch, ješto slovu Většie a Menšie Nedvědicě, jimžto my Čechové říkáme Vuoz Větší a Menší, i té hvězdy, kterůž marináři Záhorní nazývají* — Troj 15, букв. ‘моряк/ знал звездные пути, то есть тех, которые сльвут Большой и Малой Меведицей, а мы, чехи, зовем Воз Большой и Малый, и той звезды, которую моряки называют Полярной’. Этот изолированный случай пояснения ОПн/о придаточным предложением, для введения которого потребовалось посредничество отсылающего местоимения, показывает, что такие местоименные члены изначально оставались достаточно автономными.

Формы ДСП чаще встречаются в сочетаниях с возникшими путем сращения причастий с наречиями вторичными местоимениями *prvepsaný* и *svrchupsaný* ‘вышеупомянутый’. Эти производные от причастных оборотов слова, семантически соотносящиеся с местоимениями, аналогично причастиям, продолжали сочетаться с ПП и ОПо. Ср. примеры: *na Řehořě, bratra Mikšova prvepsaného* — PoprRožmb 10 /1397/; *z moci Ciesářské svrchupsaného* — CestMandA 84; *s mateřinú a přátelskú radú svrchupsaných učinil* — ArchČ XXVIII: 657 /1431/. В структуре данных конструкций вторичные местоимения сохраняли характерные для причастных оборотов признаки обособленности и постпозитивности.

Формы ОПо в XV в. были вытеснены из сочетаний подобного типа. Иллюстрировать исчезновение данной сочетаемости у ОПо позволяет контекст *rúcho rytieřské, to jest řietieřuov !/! dříve řecených* — CestMil 88 в соответствии с *vestes militum predictorum* в латинском источнике памятника. В переводе сочетание *vestes militum* передано сочетанием *rúcho rytieřské*, содержащим ОПо, с повторением базовой лексемы ОПо в Р мн. для присоединения причастного оборота с местоименной семантикой.

Конструкции анализируемого типа с ПП, напротив, не только не исчезли в течение XV в., но обнаруживали стремление к перемещению местоимения в препозицию к ПП, ср. пример с вторичным местоимением перед неизменяемым ПП *páně* в сочетании с другим ПП на -ov-: *panie Elzce <...> svrchupsaného páně Oldřichově mateři* — ListářRožmb I: 2 /1418/.

Красноречивое свидетельство наметившейся тенденции к возрастанию возможностей сочетаемости адъективных компонентов с ПП в древнечешском языке представляет собой также единичное сочетание в Хронике Далимила (название одной из глав, читающееся в большинстве списков), где ПП на *-ov-* определяет порядковое числительное с близкой к местоимениям семантикой в препозиции к ПП: *ot prvního králova syna* — DaL 94 ‘о сыне первого короля’.

Помимо того материал памятников XV в. позволил отметить форму ПП в конструкции с препозитивно присоединяемым несогласованным притяжательным местоимением *jeho*, ср. *ktož jednomu <...> na jeho mateřině leiptcuchu, životném věnu, přirekne* — PrávSasM 33b. Эта изолированная конструкция, однако, не подтверждает с достаточной надежностью возможность объединения подобных местоимений в подчинительном сочетании с ПП. Местоимение *jeho*, в смысловом отношении связанное с базовой лексемой ПП, могло осознаваться как осложняющее все ближайшее сочетание с ПП (т. е. подразумевалось «его материнское приданое»). В аналогичных контекстах, семантически более эксплицитных, данное местоимение всегда соединяется только с именем в Р, ср.: *pakli je holomek od otcě syn neotdělený, a jej právo pohnati od jeho otcě dvora* — Rožmb 47.

4.3.2. Структурно аналогичные — и в равной степени редкие — конструкции ПП с предшествующим местоимением отмечали исследователи древнерусского языка. Из обнаруженных ими свидетельств данной сочетаемости вполне показательно, однако, лишь одно: приводимое А. А. Потебней сочетание *за тоѡ Марѡинымъ мужемъ за Петромъ* — Акт. ист. I, 349 /1573/ [Потебня 1968: 384].

В конструкции у Лукиняна, у Васильева сына и у его братнихъ дѣтей — АХУ III, 3 [Маројевић 1983^б: 31] местоимение, в смысловом отношении связанное с ПП, видимо, относится к сочетанию *братни дѣти* ‘племянники’. Аналогично можно объяснить объединение ПП с другим ПП, выступающим в последующем целостном сочетании, в контексте *Иовъ блѣжныи бѣ ... Исавовъ снѣвъ снѣ* — Пр 1383 г., л. 60 в [Маројевић 1983^а: 13].

Детерминировать собственно ПП в конструкциях с подобным составом были способны лишь постпозитивно присоединяемые притяжательные местоимения или соотнесенные личные местоимения в Д. Ср: *чаѡмъ <...> не възрѣстѣшимъ <...> мѣрѣня ихъ*

хранити вещи — МПр XIV в., л. 172; *положиши и у стго Феодора, въ отни ему манастири* — Лавр. лет., л. 114; *помилуй мя, Филипе, отень ти есмь другъ* — Пч. XIV в., л. 20 об. [Маројевић 1983^a: 12].

Эти конструкции демонстрируют традиционный, архаический тип сочетаемости ПП. Формы так наз. посессивного Д в сочетании с ПП, выступающие всегда только постпозитивно, встречаются и в старославянских памятниках, например: **сѣтворѣ волѣ отъчѣ си** — Супр. 349, 28 [Večerka 1957: 28] (см. также [Miklosich 1883: 16]). Заслуживает внимания, что конструкции именно такого типа сохранились в современных болгарских диалектах, ср. *тази нива е бащина ми* [Младенов 1979: 306]¹.

4.3.3. Изолированное положение конструкций с местоимениями в препозиции к ПП, прослеживаемых в древнеписьменных языках, означает, что исторически утвердившееся употребление ПП от определяемых имен оставалось лишь ограниченным и, как правило, не выходило за пределы круга сочетаний, содержащих автономные постпозитивные компоненты. Однако само по себе появление сочетаний иного типа, хотя бы лишь окказиональных, симптоматично. Конструкции ПП с препозитивными местоимениями отражают наметившееся преодоление первоначальной ограниченности описываемой сочетаемости ПП вопреки глобальной тенденции к утрате их сочетаемости зависимыми компонентами по мере упрочения подчинительной связи в подобных сочетаниях.

В нейтральной для адъективаций позиции перед главным компонентом в сочетаниях с ПП в первую очередь стали вступать слова с идентифицирующей семантикой. Это, безусловно, не случайно. Исторически все компоненты, способные осложнять ПП, уже в силу характерной для них постпозиции являлись носителями идентифицирующей семантики. Она была характерна как для постпозитивных прилагательных, так и для определений, выраженных при помощи примыкающего предложно-падежного сочетания имени со значением места. Точно так же она проявлялась у приложений, обособленных и необособленных, которые выступали в основном перед образованным от определяемого имени ПП.

¹ Другие болгарские и македонские примеры см. в [Corbett 1987: 311] и [Категория 1989: 127].

С опорой на широко употребительные и устранявшиеся медленнее всех остальных типов сочетания с одиночным приложением в препозиции к ПП типа др.-чеш. *rodu krále Davidova* в разных славянских языках постепенно развилась сопоставимая сочетаемость других, неместоименных адъективных компонентов с ПП.

Нормой синтаксической синтагматики ПП такая сочетаемость стала в центральных словацких и в серболужицких (верхнелужицких) диалектах. Характерна она также для литературного верхнелужицкого языка¹, в литературном же словацком такие сочетания стилистически маркированы. См. примеры, которые отражают современный объем встречаемости данного явления в двух этих языках, для словацкого языка диалектные, для верхнелужицкого — извлечения из письменных текстов:

слц. /*kce si zat' toho fotografovú d'ieuku; teho mojeho švagrof, mojej žen'in brat; od našej mat'rinej sestri c'era; nášho Jankova post'eľ; druhej sestrine d'eľi; stariho ocova vin'ica; /večeru daju/ aji mladího zat'ovin host'on* [Štolc 1966: 263–264];

в.-луж. *mojeje sotřiny syn; na twojeho nanowym pohrebje; našeho hólcowu stwíčka; młodoh mužowe sotry; hnadneje knjenina holčka; Kumwaldskeho tkalcowa džowka; pruskeho kralowi cłownicy* [Lötzsch 1965: 378]; *stareho wučerjowa zahroda* [Faska 2003: 37].

¹ Цитируемая в тезисах [Ермакова 1986: 227] н.-луж. фраза *To su nasogo nanowe knighy, won jo je zabyl* является модификацией ошибочного примера из «Нижнелужицкой грамматики» П. Янаша 1976 г., который был устранен из ее переиздания 1984 г., как со ссылкой на Дж. Стоуна констатирует Г. Корбетт. Вторично модифицированный «экстракт» из этой фразы, вероятно, представляет собой конструкция *našogo nanowe bydlenje*, гипотетическая конкуренция которой с нормальным н.-луж. типом *bydlenje našogo nana* обсуждается в [Категория 1989: 138]. Г. Корбетт приводит слова Г. Фаски, что носителям нижнелужицких диалектов незнакомы сочетания ПП с согласуемым адъективным определением, в грамматике же П. Янаша эта конструкция могла появиться под верхнелужицким влиянием [Corbett 1987: 318]. То же самое Г. Фаска повторил нам в личной беседе в 1993 г. Оспаривая показательность н.-луж. примера, найденного нами в газете «Новы Цасник»: *Praksa zubnego gojca jo se gano wotworila <...> jo to praksa zubnego gojcowa dr. Göllricha* (= нем. *die Praxis des Zahnarztes dr. Göllrich* (NC 16.11.1991), он справедливо указал на то, что поддержание нижнелужицкого литературного языка в XX в. во многом обеспечивали и обеспечивают представители Верхней Лужицы. При этом н.-луж. говорам известна сочетаемость ПП с несогласованным субстантивным определением в Р ед. типа *nana / foteru bračowe žiši* [Sorbischer Sprachatlas 1996: 72], которая, наоборот, необычна для в.-луж. диалектов.

Структурно аналогичные конструкции в верхнелужицком языке образуются с секундарно адъективными компонентами, ср. *Kralec srěncyny bratr*, *Koklineje sořřiny syn* (форму Р названий семьи на *-ecy/-icy* и женских имен на *-owa/-ina* в атрибутивной позиции в верхнелужицкой грамматике традиционно считают адъективной по местоположению в словосочетании). На конструкции с секундарно адъективными компонентами, которые семантически эквивалентны ПП, видимо, опирается и единичное сочетание ПП с другим, выражающим его определение ПП (в Р ед.): *přez Marineje maćernu smjěrć* [Lötzsch, 1965, 378].

В материале Ф. Миклошича помимо этого содержится изолированное свидетельство сочетаемости серболужицких ПП с местоимением *tón*, которым переводится немецкий определенный член: *Jana teho chćenikowa hlowa* Johannes des Täufers Haupt [Miklosich 1883: 16].

Конструкции анализируемого типа в верхнелужицких говорах нередко преобразуются так, что адъективные компоненты, вопреки однозначной смысловой зависимости от ПП, согласуются с последующим именем, от которого зависит ПП, например: *na mojim nanowym dwori, we mojej nanowej zahrodźi* ([Miklosich 1883: 16]; [Šewc 1968: 103]). Фиксируются отдельные такие сочетания и в центральных словацких диалектах, например: *moja mužova mať*, *maťerim bratou sim* [Štolc 1966: 264]. Характерно, что для конструкций описанного типа прослеживаются и древнеязыковые соответствия, ср. др.-рус. *Исавовъ снвъ снъ* — Пр 1388 г., л. 60 в [Маројевић 1983^a: 13].

Конструкции же ПП с препозитивными адъективными компонентами в Р, регулярно образующиеся в верхнелужицком языке и в центральных словацких диалектах, безусловно, являлись поздней локальной инновацией. Вопрос о системных основаниях возникновения означенной инновации в данных языковых областях должен, видимо, решаться в контексте более общей тенденции к развитию в славянском синтаксисе аналитизма¹, предполагающего ослабление противопоставления слова и словосочетания (ср. [Vachek 1954: 175]). В конструкциях анализируемого типа форму

¹ Или, пользуясь терминологией, предпочитаемой В. Скаличкой, изолирующего типа (см., в частности, [Skalička 2006/1967: 1021]).

ПП получает как бы все сочетание базовой лексики с адъективным компонентом, «флексивность» которого фактически становится избыточной (это подтверждают и отступления от «согласования» адъективных компонентов с ПП).

При данной оценке корней исследуемого явления кажется совершенно естественной подобная сочетаемость ПП с адъективными компонентами в болгарских и македонских диалектах и литературных языках, ср. болг. *скали* <...> *са вежди на Свети Илиевото чело* (Хайтов 1977: 264); *на Хитър Петровата шия* — БНПТ 186; макед. *от Итар Петроата кука, тройцата Итар Петроу приятели* — БНПП 423, 425; *орачите на св.<ети> Наумовиот манастир*; *на иконата св.<ети> Наумова* — НП 102. Эти конструкции, вероятно, также и здесь возникли в связи с влиянием аналогичных сочетаний с одиночной аппозицией при ПП, типа болг. *бай Ганювото пиво* — Христоматия 313 или макед. *до поп-Силјановата кука* — МР 38.

Регулярность конструкций ПП с адъективными компонентами в верхнелужицких, центральных словацких и, возможно, болгарских и македонских диалектах означает, что ПП стали оцениваться здесь, вопреки своей адъективности, как категория синтаксической парадигмы базовой лексики. Три группы периферийных, территориально отдаленных друг от друга славянских диалектов, следовательно, радикально реализовали тенденцию к согласованию синтаксической сочетаемости ПП с их семантикой. Распространению свободных сочетаний ПП с препозитивными прилагательными в других областях, видимо, воспрепятствовало сохранение адъективности ПП. Однако мотивируемая семантикой ПП структурная «предначертанность» такой сочетаемости могла противодействовать и адъективности данных единиц. Этот фактор, возможно, дополнительно способствовал возникновению в юго-западных диалектах чешского языка «застывших» неизменяемых ПП на *-ovo/-ino*, которые в связи с потерей согласуемости окончательно объединяются со словоизменением базовой именной лексики.

У «застывших» ПП на *-ovo/-ino*, безусловно, естественно ожидать способность к вхождению в сочетания с синтаксически адъективными компонентами. Как кажется, впервые она была засвидетельствована нами при просмотре записей диалектных текстов из Юго-Западной Чехии: *tak vo tich mejch chlapcech toho sinovo* — ČNT

54 [Скорвид 1990: 18]. Подробнее вопросы, связанные с историей чешских диалектных форм на *-ovo/-ino*, включая другие свидетельства восстановления у них «подчиняющей способности», которая начинала проявляться у древнечешских ПП, в исключительных для той эпохи сочетаниях типа *ot prvého králova syna* — DaIL 94, будут освещены в следующем разделе нашей работы.

ИСТОРИЯ ЧЕШСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ НА -OVO/-INO И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННО- СТИ

5.0. Формы ПП с неизменяемым застывшим показателем *-ovo/-ino* являются одной из самых ярких примет юго-западных собственно чешских диалектов. Их распространение лингвогеографически точно охарактеризовал и красноречиво документировал примерами еще Я. Белич в «Очерке чешской диалектологии» [Bělič 1972: 172–173]; в новейший период данное явление было подробно описано и картографировано в четвертом томе «Чешского языкового атласа» [ČJA 4: 310–326, карты 209–219]. В дополнение к этому описанию укажем здесь на факт наличия подобных форм в юго-западночешском по происхождению диалекте потомков чешских переселенцев на российском Северном Кавказе, в селах Кирилловка под Новороссийском и Варваровка под Анапой. Ср. формы на *-ovo* из Кирилловки: /Čí to byl bratr?/ *D'edovo, d'edovo...* ‘/Чей это был брат?/ Дёдов, дёдов’; *mámje se... d'edouškovo...* *Kateřina řikalo* ‘маме... дедушкиной... Катержина имя было’; *přineste fotky tatínkovo* ‘принесите фотокарточки папины’ [Скорвид, Третьякова 2009: 49]. Формы на *-ino*, причем без чередования корневой заднеязычной согласной (по русской морфонологической модели), зафиксированы в Варваровке: *Tatínkovo mamka, mamkino mamka* — *von'i š fšechni bili Čechi. Daže ešče maminkino máma, vona babičku mn'ela nastojaščí Češku*. ‘Папина мама, мамина мама — они же все были чехи. Даже еще мамина мама, у нее бабушка была настоящая чешка’.

В Чехии формы на *-ovo/-ino* по сей день выступают в качестве специфической особенности юго-западных диалектов, оставаясь живыми в чешском языковом сознании и служа даже до некоторой степени «визитной карточкой» речевого своеобразия региона — в первую очередь «показательно-заповедного» Ходского края. Так, музейную усадьбу главы восстания «ходов» XVII в. Яна Сладкого по прозвищу Козина на местный лад называют *Kozinovo statek* (на сайте Чешского радио уточнено: *Sladkého statek, kterému se pořád*

řikalo Kozinův, neboli po chodsku „Kozinovo grunt“), а на интернет-форуме DigiZone.cz один из участников так указывает свой адрес: *Bydlím v Domažlicích na Kozinovo poli.*

Число таких примеров, пусть не собственно диалектных, а из «региолектной» юго-западной разновидности обиходного чешского языка, удастся значительно умножить с помощью Интернета. Весьма разнообразными оказались результаты поиска употребления чаще всего отмечаемых диалектологами и других наугад выбранных форм на *-ovo/-ino* на западночешском сайте *info-plzen.cz*: *Sousedovo pes mě už delší dobu štve* ‘Соседская собака меня давно бесит’; *jak sme si furt pučovali ty sousedovo kořata* ‘как мы то и дело одалживали друг другу этих соседских котят’; *bratrovo bejvalá kámoška ze třídy* ‘бывшая подружка брата из класса’; *jdem s bratrovo dítětem ho obléknout* ‘идем с ребенком брата купить ему что-то из одежды’; *naučila se spolupodílet na synovo léčbě* ‘научилась участвовать в лечении сына’; *Dej si jako zákusek tu štrúdli, je na tom tatínkovo kredenci* ‘Возьми на сладкое штрудель, он на папином буфете’; *Já o něm říkám: Mámino kámoška* ‘Я его называю: мамина подружка’; *Neprošlo to, takže Jitčino výstup v kuchyni asi nebude* ‘Ничего не вышло, так что выступление Итки на кухне, наверное, не состоится’. Характерны и «цитатные контексты»: *Říká se přece tatínkovo boty!* ‘Ведь говорят же — отцовы башмаки!’; *Jak se to říká s tou sousedovo kozou? (Prej typisch tschechisch...)* ‘Как это говорят про ту соседскую козу? (Якобы типич-чешиш)’. Фиксируемые на других сайтах примеры южночешского происхождения также весьма примечательны: ср., с одной стороны, реплику *hosté vedli 0:1 Novákovo brankou z 26 min* ‘гости вели в счете 0:1 после гола Новака на 26 минуте’ на сайте *www.jihoceskyfotbal.cz*, а с другой — заголовок интернет-блога *Theologovo heidelbergský zápisník* ‘Гейдельбергский дневник Теолога’, из которого выясняется, что автор родился и живет в Чешских Будеевицах — *v Budějicích*¹. Не все эти примеры из Интернета, как мы еще убедимся, релевантны диалектологически, однако они всегда интересны типологически и социолингвистически.

При всей территориальной периферийности форм на *-ovo/-ino* они представляют собой весьма примечательный рубеж в развитии

¹ <http://theologovo.blog.cz/0512>

славянских ПП. Заслуживает внимания, что В. Скаличка [Skalička 2004/1941: 210], а позже и другие исследователи называли это явление типологически чуждым устойчивому в остальном флексивному строю чешского и вообще большинства славянских языков. Из авторов новейшего периода О. Уличный усмотрел природу распространяющегося, по его мнению, в современном чешском языке типа *tatínkovo aktovka* ‘папин портфель’ в синтаксической дефлексивизации. «Речь идет об изначально диалектном явлении: так составшихся с флексивностью притяжательных прилагательных», которое «проникло из Южной и Западной Чехии на север и в Прагу и в речи молодого поколения конкурирует в качестве крайне экспрессивного средства с присубстантивным родительным падежом», — поясняет лингвист [Uličný 2003: 161].

Материал Интернета требует отнести к выводу этого ученого о распространении форм на *-ovo (-ino)* на север Чехии и в Прагу с известной осторожностью. *Upřímně — mě se nejvíc líbí Oldovo návrh kvůli tomu, že to i trošku připomíná klasiku nejklasikovatější¹* ‘Если честно, мне проект Олды нравится больше всего тем, что он несколько напоминает самую что ни на есть классику’ — этот и иные такие встречающиеся в современном Интернете контексты, конечно, могут и не свидетельствовать о юго-западночешских корнях пишущих. Автор процитированной реплики с форума, посвященного ралли «Дакар», не сообщил своего местожительства, но в других подобных случаях, когда его удастся установить, это порой оказывается, к примеру, северо-запад Чехии: ср. реплику с форума профтехучилища в Хомутове *Máme poslední den na vyřešení... nejpozději v úterý rezervuju lodě... takže já jsem pro Jiříkovo návrh...²* ‘У нас остался последний день, чтобы принять решение... самое позднее во вторник я заказываю кораблики... так что я за предложение Иржика’. Интересно в этой связи и название пивной **Krakonošovo pivnice** в пражском районе Либень (Краконош — персонаж северночешского фольклора, мифический дух гор Крконоше). Таким образом, некоторая экспансия форм на *-ovo* прежде всего в Интернете — и через Интернет — действительно имеет место; при этом, однако, нельзя не видеть, что обычные пользова-

¹ <http://www.liaz.cz/forum/viewtopic.php?t=4456&postdays=0&postorder=asc&start=150>

² <http://v4.webz.cz/index.php?choose=guestbook2&strana=109>

тели склонны по-прежнему оценивать их как диалектные. Показателем следующий пример.

В 2006 г. на чешском музыкальном сервере в разделе новостей была помещена заметка о дочери популярного американского рок-исполнителя Курта Кобейна¹, текст которой, видимо, содержал несколько неизменяемых форм на *-ovo* (вскоре, правда, исправленных), на что последовали такие реакции участников дискуссии:

Brutwan

Proboha, kdo to psal? Co to má být — Господи, кто это писал? Что это „v tatínkovo starých dřevorubeckých kabátech“, „v otcovo kabátě“? Ne kurtkach лесорубов», «в папашином všichni jsme Pražáci, takže by to пальто»? Не все мы из Праги, chtělo spisovnou češtinu, které так что тут хотелось бы видеть porozumí i Hanák nebo Slezan. литературный чешский язык, который поймет и «ганак» или силезец.

Amnésie

Ale tohle je tuším zrovna původem z Но вот это как раз, мне кажется, Jižních Čech, z Prahy ne-e :) идет из Южной Чехии, а не из Праги.

Blackholesun

presne tak timhle se vyznacuje Именно так, этим отличается jihoceske nareci... южночешский диалект...

Интересные комментарии пользователей касательно происхождения и экспансии форм на *-ovo* находим в одном из блогов²:

Lenka

Já se zas přestěhovala na jih a tam se Я переселилась на юг, и там говорят říká „tatínkovo kabát“ <...> volají na *tatínkovo kabát*, окликают тебя *paní tebe paní Nováků atd. A tak to říkám Nováků* и т. д. И я тоже стала так stejně. :-) говорить.

NowhereMan

To neskloňovatelné „-ovo“ na konci je Это неизменяемое *-ovo* в конце — zajímavěj jev, objevuje se to myslím интересное явление, мне кажется, čím dál tím víc... u nás několik lidí оно встречается чем дальше, тем říká něco jako „to je ten Novákovo больше... у нас некоторые говорят systém“ a tak podobně... нечто вроде *to je ten Novákovo systém* и т. п.

¹ <http://musicserver.cz/clanek/15838/Cobainova-dcera-prisla-na-foceni-v-otcove-pyzamu/>

² <http://nowhereman.blog.cz/0701/brzo>

Любопытно последнее замечание — «у нас некоторые говорят...» — с примером, согласующимся также с нашими наблюдениями над бытованием форм на *-ovo* в чешском Интернете. Следует думать, что они ширятся главным образом в компьютерном жаргоне (сленге); это подтверждают, в частности, названия сайтов типа *Milanovo hokejové stránky* или *Robinovo stránky*, а также блогов: выше уже шла речь о южночешском пользователе, ведущем блог *Theologovo heidelberský zápisník*; прибавим теперь, что по его образцу — и с соответствующими ссылками — его знакомый студент-юрист из Праги тоже завел блог, озаглавленный *Právnikovo deníček* ‘Дневничок юриста’ (<http://pravnik.bloguje.cz/>).

В завершение этого экскурса в Интернет отметим характерное преобразование в форму на *-ovo* первой части англоязычного названия сетевого дневника QuickShare blog¹ в чешской записи там: *Tímto bych chtěl využít prostoru na QuickShareovo blogu a veřejně mu !! moc a moc poděkovat...* ‘Тем самым я хотел бы воспользоваться местом в блоге QuickShare и публично очень и очень поблагодарить его...’ Форма на *-ovo*, как хорошо видно на этом примере, органично используется в соответствии с несогласуемым прилагательным в английском, и в данном смысле действительно можно вслед за О. Уличным говорить о вторичной мобилизации абсолютно периферийного для чешской морфологии элемента в связи с тенденцией дефлективизации, действующей в современном чешском языке в контексте языковой глобализации (с сопутствующими ей активными межъязыковыми контактами). Но при всем этом явно рано было бы вести речь о некоем возрождении форм на *-ovo* к новой жизни, так как, повторяем, на их восприятие, а у многих носителей языка и неприятие, накладывают печать их диалектные истоки — как выяснится в дальнейшем, также, возможно, связанные с языковым контактом, актуальным для более давней эпохи.

5.1. Как говорилось в главе I, проблематике происхождения и статуса диалектных форм ПП на *-ovo/-ino* посвятил две статьи Й. Вахек ([Vachek 1954]; [Vachek 1972]). Повторим: «застывание» ПП с суффиксами *-ov-* и *-in-* в исконных именных формах И=В ед. ср. р. в вышеназванных говорах он объяснял радикальной реализацией общезападнославянской тенденции к ликвидации исконного

¹ <http://www.bloog.cz/stranky/quickshare-blog/>

именного склонения адъективалий. У ПП данный процесс протекал в истории чешского языка в целом медленно, так что литературный язык и большинство диалектов до современного этапа сохраняют в их парадигме разный набор первоначальных именных форм. Правда, говоры — где они держатся достаточно прочно только в прямых падежах — порой отражают и всеобъемлющее вытеснение именных окончаний местоименными в парадигме ПП, ср. встречающиеся в Центральной Чехии формы И (= В неодуш.) ед. м. р. *bratrovej* ‘брáтов’, *sestřinej* ‘сестрин’ [ČJA 4, 312, 322, карты 209 и 216]. В свете этих фактов своеобразие развития в юго-западных чешских говорах виделось Й. Вахеку в том, что в результате унификации неизменяемых форм на *-ovo/-ino* эта диалектная группа быстрее остальных достигла ликвидации именного склонения ПП, устранив всю парадигму.

Формы на *-ovo/-ino*, заключал чешский лингвист, лишившись собственного склонения, примкнули к субстантивному словоизменению как вариант Р ед., хотя неполноправный в отношении синтагматического поведения, прежде всего с точки зрения местоположения в словосочетании и «подчиняющей способности»: ср. *tatínkovo klobouk* ‘папина шляпа’, но *klobouk našeho tatínka* ‘шляпа нашего папы’. Эта оговорка, впрочем, кажется излишней, так как асимметричная дистрибуция диалектных форм на *-ovo/-ino* и адноминального Р ед. явно стремится выровняться в очерченной зоне в обоих направлениях. С одной стороны, при доминирующем в этих диалектах типе *z bratrovo klukem* ‘с сыном брата’ они знают также тип *z bratra klukem* (см. [Bělič 1972: 173]; позже [Janečková 1994: 12]; [Janečková 1995: 14]); с другой, как отмечалось выше, при просмотре записей диалектных текстов из этой зоны нами было обнаружено чрезвычайно примечательное сочетание *vo těch jejich chlapcích toho sinovo* — ČNT 54, букв. ‘о тех моих мальчиках того сына’, т. е. ‘о мальчиках (этого самого) моего сына’ (чеш. лит. *o chlapcích toho mého syna*). Второе подобное сочетание встретилось в рассказе уроженки села Варваровка Марии Малик 1932 г. р., живущей в Анапе: *moje teta... vona mn’e nerodna, dvojurodna... tátovo mojeho sestra* ‘моя тётя... она мне не родная, двоюродная... папы моего (двоюродная) сестра’.

Я. Нова в недавней статье, демонстрирующей детальное знакомство с предшествующей литературой, посвященной выраже-

нию посессивности в чешских диалектах, в том числе с нашей публикацией [Скорвид 2012], привела другие два примера сочетаний, содержащих распространенные согласуемым местоименным определением формы на *-ovo/-ino*, из работы Я. Ворача 1992 г. (*mího strejčkovou louka, naši mámino bratr*) — и еще больше таких случаев из анкет, собранных для «Чешского языкового атласа» в разных населенных пунктах Южной и Западной Чехии: *mího taťínkovou bratr, mího bratrovou chlapec, vod našeho dětkovou pluku, toho řídítelovou bratřancovi, pila toho majitelovou* и др. В примерах Я. Новой *mužovou prvního matka, Vaškovo Varvarofského čepice*, как и в записанном нами сочетании *tátovo méjeho sestra*, можно видеть продолжение древнеславянской сочетаемости ПП с постпозитивным присоединением определения в Р ед. как дополнительно уточняющего члена; в остальном же следует согласиться с автором статьи в том, что «застывшие притяжательные прилагательные позволяют реализовать и такие распространенные конструкции, в какие изменяемые притяжательные прилагательные в современном чешском языке уже не вступают» (Nová 2016: 139).

Эти конструкции, отражающие возможность зарождения у чешских диалектных форм на *-ovo/-ino* хотя бы лишь окказиональной синтаксической сочетаемости, свойственной существительному, несомненно, стоят в одном ряду с аналогичными им конструкциями изменяемых адъективных ПП в центральных словацких и верхнелужицких диалектах, а с определенными ограничениями и в соответствующих литературных языках (см. 4.3.3.). Указание на подобные конструкции, как констатировалось в главе I, было краеугольным камнем аргументации целого ряда ученых в пользу предположения о принадлежности славянских ПП к субстантивному словоизменению даже при наличии у них нормальной адъективной парадигмы, см. [Исаченко 1965], [Lötzsch 1965], [Petr 1971], [Ревзин 1973].

Й. Вахек был более традиционен в трактовке адъективных ПП, считая условием интеграции указанных дериватов с парадигмой базовой леммы утрату ими склонения. Мы же, напротив, полагаем, что и специфический локальный феномен отмирания флексий у форм на *-ovo/-ino* на юго-западе Чехии, и шире отмечающееся по регионам Западной Славии развитие у ПП свойственных существительному синтаксических валентностей представляют собой

проявления наблюдаемого на разных языковых уровнях завершения этой интеграции, обусловленной изначально субстантивным характером семантики ПП.

Старейшим «застывшим» ПП в истории чешского языка являлось образование *páně* от *pán/pan* ‘господин’ (*Pán* со второй половины XIV в. и в значении ‘Господь’), также восходящее к именной форме И=В ед. ср. р. древнего адъективного деривата на **-j-*, оказавшегося изолированным в биполярной системе ПП с суффиксами *-ov-* и *-in-* и ОП на *-í*. «Застывание» форм ПП на *-ov-* и *-in-* наступало позднее, однако на подобной же основе. Также и в этом случае, несомненно, сказалась изолированное положение всей названной категории адъективных дериватов с их принципиально грамматическим представлением значения предметности — в противоположность относительным прилагательным, которые вообще все больше теряли способность выступать средством сигнализации предметных отношений, или «конкретность значения» [Потебня 1968: 409–410].

Чисто субстантивная семантика обуславливала морфологическую изоляцию ПП, выражавшуюся в сохранении у них в той или иной мере исконных именных форм. Новые местоименные вначале вытеснили их лишь из косвенных падежей множественного числа и творительного единственного (историки чешского языка отмечают в памятниках XIV в. лишь редкие реликты именных форм Т ед., Т мн. и Р мн., ср. *kdež přívuzných králův nenie* LegJidM 12 ‘где нет родичей короля’). Стабилизировавшийся в XIV в. комбинированный тип парадигмы ПП держится и поныне в литературном чешском языке, а также в говорах на северо-востоке Чехии. Уже с XIV в. в древнечешских текстах прослеживаются, однако, и примеры типа *ot Přemyslového nalezení* DalL 10 ‘об обретении Пршемысла’. Увеличение их количества в XV в. означает, что в живом языке в тот период парадигма ПП получила иной облик, какой ныне отражен большей частью чешских говоров, с сохранением именных форм только в пределах прямых падежей. Эти немногочисленные показатели исключительности ПП в условиях постепенного усиления их изоляции и обнаруживали склонность к застыванию. Очертим обзорно историю отдельных таких застывших форм.

5.2. Я. Гебауэр в «Исторической грамматике чешского языка» приводит два примера неизменяемых форм генетически И=В ед.

ср. р. на *-ovo*, относящиеся к XV и XVI вв.: *ta královna tŕpaslkovo zemi mějieše* TandZ 176a (1463) ‘та королева карликову страну (в своей власти) имела’; *jsemť orlovo jediný dráb* RZvíř 1528 ‘я единственный орлов наемник’ [Gebauer 1960: 269].

Эти извлечения можно дополнить еще четырьмя из памятников XV в.: *i sebrachu sě synové, aby <...> obměčili bolest otcovo* ComestC 43a1 (1404) ‘и собрались сыновья, дабы смягчить боль отца’; *pověz mi léto, den a hodinu narození královo* AlexPovA 23a1 (1433) ‘скажи мне год, день и час рождения царя’; *vypisuje sě znamení narození Kristovo* HusSvát 124 ‘описывается знамение Рождества Христова’; *mého strýce <...> aneb ujcovo dítě* !/ PrávSas 12a ‘моего дяди по отцу или дяди по матери дети’.

Похожий случай обнаружен нами в тексте с чешской языковой основой, написанном в Центральной Словакии: *wedle Conradowo ausczugu* PKB 1588, Stanislav III: 197 ‘согласно выписке Конрада’, если только за этой записью не стоит ц.-слщ. форма *Konradovho*.

Наряду с формами на *-ovo* на территории современных юго-западных чешских диалектов встречаются аналогичные неизменяемые формы ПП на *-ova* типа *tatínkova klobouk* и на *-ov*: *f sousedov domje* ‘в доме соседа’, *z holkou bratrof* ‘с дочерью брата’ [Bělič 1972: 173]. В первых можно усматривать результат «застывания» форм И ед. ж. р. (так для *bratrova (syn)* в [ČJA 4, 312]), во вторых — форм И (= В неодуш.) ед. м. р. с кратким *-o-*, проникшим из других форм (или как в топонимах типа *Budkov*). Впрочем, второй случай «застывания», возможно, уместнее объяснять как следствие усечения ПП до чистой основы; при этом для типа *tatínkova (klobouk)* можно допустить контаминацию *tatínkov* с Р ед. *tatínka*¹.

Я. Гебауэр считал результатом застывания ПП в И ед. м. р. отмечавшиеся им в XIX в. южночешские «семейно-притяжательные» формы на *-ů* (из *-uo/v/ < -óv*), например: *Bartošů vědro* ‘ведро семьи Бартоша’, *Bartošů Marie* ‘Мария из семьи Бартоша’ [Gebauer 1960:

¹ К такому выводу склоняется П. Косек, отметивший в сборнике проповедей чешского францисканца Яна Дамасцена Марка, изданном в Праге в 1727–1728 гг., наряду с двумя формами на *-ovo* (*z Holofernovo poučení, v srdci Davidovo*) семь неизменяемых форм на *-ova*: И ед. ср. р. *Půst je Kněžské vymyšlení, a Petrova nařízení, který Rybářem byl*; В ед. ср. р. *srdce Davidova*; Р ед. ж. р. *do Srdce Sáry Dcery Raguelova*; М ед. ж. р. *při Smrti Soulova*; И мн. м. р. одуш. *Saulova následníci*; *Bachova služebníci*; Р мн. *dcer Adamova* (цит. по [Kosek 1995: 6, 23] и переписке с автором).

268], какие встречаются и в современных диалектных записях из той же области, ср. *tam bál nákej Koželuhú Kuba; nevím, kerej to bil, Havlú Hondza nebo Bačků Jouza* — ČNT 81, 85. С другой стороны, Й. Зубаты в статье о семейных названиях *Novákovíc, u Nováků* и др. [Zubatý 1921: 263] не исключал, что первый член таких сочетаний может быть тождествен формам Р мн., используемым для обозначения семьи в таких контекстах, как прилагательная предложная конструкция в заглавии его заметок *u Nováků* ‘у Новаков(ых)’. «Это подтвердилось бы точнее, если бы обнаружилось, что где-то действительно говорят *byli u nás Nováků*», — писал он. Подчеркнем, что в историческом плане автор видел здесь реликт исконных именных форм ПП на *-ov-* с окончанием Р мн. **-ъ*, а не субстантивную форму Р мн. имен типа *Novák* [Zubatý 1921: 266]. Впоследствии обнаружилось, что тип *přišli Nováků* ‘пришла семья Новаков(ых)’ известен на юге Чехии ([Voráč 1950]; ср. также [ČJA 4, 330–331, карта 222]).

К этим южночешским «семейно-притяжательным» образованиям на *-ú*, безусловно, восходят характерные для говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе формы с конечным *-ú/-u*, выражающие принадлежность семье — либо к семье — и одновременно выступающие в качестве местных, «своих» названий семьи и ее членов, т. е. фактически фамилий. Ср.: *Růžičků náš taki bil... starej dům* ‘вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом’ и *naše rodiče říkali: já sem Růžičku a to Luzumú* ‘наши родители говорили: я Ружичка, а то — Лузум(ы)’. *Nu Ružičků bilo tři... štiri...* ‘Ну, семьи Ружичка были три... четыре...’. *Tuhle bil Luzumú na kozu... se menuvali... Luzumú modláři... to bili modláři... jejich tata se modlil dicki* ‘Вот тут был Лузум-на-козу, так они прозывались... Лузумы-молельщики, эти были молельщики (букв. молельщиков/ы/), их отец всегда молился’. *z druhej strani... Krahulců plán, d’íl bil* ‘с другой стороны семьи Крагулец надел был’ и *tete Božen’e Krahulců do saraje taki bouchlo* ‘тете Божене Крагулец в сарай тоже молния ударила’ и т. д. Формы эти фигурируют и в составе микротопонимов типа *Králu špička* ‘вершина семьи Крал(овых)’. Соответственно диахронически их можно толковать двояко: либо, по Зубатому, как ПП на *-ov-* в Р мн. со старым окончанием **-ъ*, либо, по Гебауэру, как ПП на *-ov-* в И ед. м. р. с исчезнувшим конечным *v*. Конкуренция адъективных форм род. п. мн. ч. и ед. ч. в другом

местном микротопониме *tadi je bálka Tupího... Tupejch bálka* ‘тут балка Тупого... Тупых’ не позволяет сделать однозначный выбор в пользу той или иной интерпретации (см. [Скорвид, Третьякова 2009: 44–45, 50–51]).

Из форм И ед. м. р. на *-ů* Я. Гебауэр также уверенно выводил, аргументируя свою трактовку «прототипическими» древнечешскими фактами XVI — XVII вв., фамилии типа *Petrů*, возникшие в ареале северо-восточных чешских диалектов: «Имена эти склонялись как должно, пока у них проявлялось притяжательное значение... Но осознание того, что это притяжательные прилагательные, постепенно исчезало, и фамилии эти, в особенности новочешские на *-ů*, совершенно отделились от прежденазванных прилагательных, а так как нет образца склонения с И ед. на *-ů*, они застыли в облики на *-ů* для всех падежей» [Gebauer 1960: 268]. Остается добавить, что окончательно они застыли, видимо, только после их «метричного» закрепления в качестве фамилий, т. е. фактически в литературном языке, а не в системе диалекта. В народных же говорах, судя по записям диалектных текстов второй половины XX в., формы на *-u* (с вторичным сокращением гласного) все еще продолжают служить «местными» мужскими прозвищами от имени либо фамилии родителя, не теряя способности изменяться, подобно обычным ПП (и мало того, сохраняя в непрямых падежах часть именных форм, как и в литературном языке). Ср. из рассказа о мяснике по фамилии Гонцира: *V Jablonci... tam řezničíl ňákej Honcír. Říkali fšechno Franta Honcír.* — ČNT 124; о браконьере, которого люди звали просто Франта, а жандарм официально — пан Йон: *A wipravuj nám, babi, vo strejcoj Frantoj Jónovu* — ČNT 118 ‘Расскажи нам, бабушка, о дяде Франте Йонове’ (что подразумевает И ед. *Franta Jónu*). Формы эти отмечены нами в ходе экспедиции 2012 г. также в диалекте потомков восточночешских переселенцев в Среднем Прииртышье (Омская область в Западной Сибири): *děd bil Vondru* ‘дед был Вондра’, *u Franti Širelova* ‘у Франты Ширела’, *s Frantem Přibílovim* ‘с Франтой Пршибылом’ (в официальных российских документах последние две фамилии имеют вид *Шиллер*, *Прибиль*). При этом наименованиями семьи в северо-восточных чешских говорах выступают в И мн., как и в литературном языке, ПП на *-ovi* типа *Novákovi* (то же в говоре чехов Среднего Прииртышья: *bili i Trpkošovi, i Kadrmasovi...* ‘были и Трпкоши, и Кадер-

масы...’, *naše tatínki bili dva bratra, Vondrovi* ‘наши отцы были два брата, Вондры’), но в Р мн. опять-таки вариант общечешских народно-обиходных форм типа /u/ *Nováků* с вторичным сокращением конечного гласного в -u (ср. *a vibjehne vot Karásku kozel* — ČNT 93 ‘и вот выбегает от Карасеков козел’), а в Д мн. специфическая форма с флексией -om, ср. *a ti buchti sme chod’ili pídž g Boruřkom* — ČNT 106 ‘а те пироги мы ходили печь к Борувкам’, но *Já sem porá chod’ila po práci, k tem sedlákum* — ČNT 113 ‘Я все время ходила батрачить к тем крестьянам’ и т. п.

Функционирующие гораздо более широко семейные названия, выражающие также принадлежность к семье, типа *Novákovíc* ‘семья Новака/Новаки’ и ‘относящийся к семье Новака/Новаков’¹, напротив, локализуются в области центральных и, с изменением -ovic в -ojc/-ouc/-oc/-uc, юго-западных чешских диалектов [ČJA 4: 330–331, карта 222]. Формы эти в синхронном плане можно признать в принципе несклоняемыми; исторически же их выводят из давних форм Р мн. существительных с суффиксом -ovic, содержащим во второй части праславянский показатель принадлежности к роду *-itjь (ср. *dědic* ‘наследник’ и др.). Данная интерпретация подразумевает первоначальную атрибутивность форм на -ovic, а функция субъекта или объекта для них оказывается вторичной. Как это толкует Й. Зубатый [Zubatý 1921: 262], «*Novákovíc* в субъектной функции значит то же, что *Novákovíc lidě*; та же форма может быть и объектом (*potkal jsem Novákovíc /lidi/...*)» — т. е. генетически ‘люди Новаковичей’, ‘я встретил /людей/ Новаковичей’ и т. д. Впрочем, вопреки суждению Й. Зубатого, имя, определяемое образованием на -ovic, иногда не восстанавливается, ср. юго-зап. чеш. *tadi bili pot Pavlojcma Veverkojc* — ČNT 45 ‘тут, ниже дома семьи Павелов (букв. под Павелами), была семья Веверки’, где семейное название на -ojc (из -ovic) получает окончание Т мн. -ma (см. также [ČJA 4: 334–336, карта 225]). В ряду других вхождений наименований семьи на -ovic, -ojc и т. д. это употребление утверждает в мысли о восприятии таких форм в функции субъекта или объекта как неатрибутивных форм мн. ч. На этом основании было бы допустимо считать их во всяком случае в субъектной функции

¹ Например: *Nováčkovic holka, u nádraží bydlej* (Svěrák 1996: 51) ‘девчонка Новачеков, у вокзала живут’.

восходящими к усеченному И мн. на *-ovici*. При этом, разумеется, редукция флексии все равно вела к совпадению с ними старых форм Р мн.

Результат интерференции форм Р мн. и И мн. подобных семейных названий, при существовании полного субстантивного их склонения, демонстрирует и серболужицкий язык, ср. Р мн. и И мн., также в функции фамилий, типа н.-луж. *Domaškojc* (при наличии И мн. на *-ojce*), в.-луж. *Domaškes* (при наличии И мн. на *-esy*), где *-es* < *-oc*, как в слепянской диалектной форме *Kubikoc wuj* ‘дядюшка Кубик’, т. е. ‘из семьи Кубика / Кубиков’ [Stieber 1956: 104].

Обратное перенесение континуантов форм И мн. собственно ПП на *-ov-*, выступающих как семейные названия (типа *Polánkoj* < *Polánkovi* ‘семья Поланеков’), в атрибутивную позицию (*chlapec Tomečkej* ‘парень из семьи Томечек’, *pole susedoj* ‘поле семьи соседа / соседское’), по интерпретации Я. Гебауэра [Gebauer 1960: 269], имело место в валашском диалекте в Восточной Моравии (иначе [Bělič 1972: 173]). Из полных форм Р мн. таких ПП с диалектным изменением *-ých* > *-ie/ch/* в окончании словакистами выводятся — вопреки более раннему мнению о венгерском источнике конечного *-ie* в них — также «семейно-притяжательные» формы на *-ovie* в центральной словацкой области; ср. народную песню *Pod horou, pod horou čierno psíča breše, // susedovie Mara, susedovie Mara nerada sa češe...* ‘Под горой черная собака лает, соседская Мара причесываться не любит...’ (к дискуссии о генезисе форм на *-ie* см. [Slovenská reč 1932]).

5.3. Чем мотивирована такая концентрация застывших ПП и других неизменяемых посессивных форм в рамках западнославянского региона? Этот вопрос, полагаем, должен решаться в контексте тенденции к развитию в славянских языках явлений аналитизма с учетом особых условий ее действия на территории Западной Славии, в сфере исторически активной славяно-германской интерференции. Так, во многом на суть инноваций, которые были пережиты западнославянскими ПП, проливает свет сравнение с параллельным им германским генитивом.

Й. Вахек при анализе диалектных чешских форм на *-ovo/-ino* констатировал, что образования эти, как переходные к субстантивному словоизменению, в типологическом плане соотносительны

с английским генитивом на *-s* (так наз. *possessive case*), у которого он, однако, выявил диаметрально противоположную эволюцию. Разрушение склонения в английском, указывал ученый, у изолированных генитивных форм с закономерностью вызывало переосмысление первоначальной флексии *-s* в словообразовательный формант, т. е. в адъективный суффикс. Кажущиеся же приметой генитивного прошлого форм на *-s* конструкции типа *my father's house* ‘дом моего отца’, по мнению Й. Вахека, в синхронном аспекте требуют иной интерпретации — на фоне таких фактов, как *the King of England's property* ‘собственность короля Англии’ либо даже разг. *the man I saw yesterday's son* ‘сын человека, которого я вчера видел’. Здесь прослеживается ослабление противопоставления слова словосочетанию и, с другой стороны, бóльшая свобода аффикса относительно оформляемой им основы, что так характерно для систем аналитических языков (ср. аналогичное поведение адъективного суффикса *-ish* в случаях типа *novel-reading-old-maidish* — букв. ‘романо-читающе-стародевический’). Подобной же свободой обладает и окончание немецкого генитива (при безусловно словоизменительном статусе последнего), ср. явление так наз. «монофлексии» в конструкциях типа *am Hof(e) Kaiser Karls* ‘при дворе императора Карла’.

На ранних стадиях развития английского языка, допускал Й. Вахек, исторически генитивный показатель даже имел склонность лексически эмансипироваться, что обнаруживается в конструкциях типа *Sejanus His Fall* — «Падение Сеяна», название пьесы Бена Джонсона 1603 г. (где, как убежден был ученый, *-s* → *his* ‘его’). Из истории немецкого языка также известны конструкции с обозначением отношения местоимением, выступающим, однако, наряду с формой генитива: *des Knaben sein Leben* ‘жизнь юноши’) либо датива (*dem König Xutho sein Haus* ‘дом царя Ксутоса’ [Behaghel 1923: 357, 638–640]. Конструкции второго типа и ныне характерны для устных речевых форм (диалектных, обиходной) немецкого языка, будучи альтернативой сугубо книжных литературных синтетических конструкций с генитивом, ср. нем. разг. и диал. *meinem Vater sein Haus* в соответствии с лит. *meines Vaters Haus* ‘дом моего отца’. Подобные дативные конструкции с местоимением, бесспорно, отражают очередной этап сокращения системы падежей в живом немецком языке практически до трехчленной с дативом

как падежом непрямого объекта и одновременно атрибута; эту последнюю роль дополнительно маркирует местоимение (или, что более привычно, предлог *von*, ср. нем. разг. *das Haus von meinem Vater*). При этом генитив если не исчезает из системы падежей, то вытесняется на периферию словоизменения — следуя логике суждений Й. Вахека, в область, граничащую со словообразованием. По интерпретации чешского типолога, английский генитивный показатель - *'s* переосмысливается в деривационный суффикс; в немецком же языке, в отличие от более «анализированного» английского, этот общегерманский элемент по меньшей мере в конструкциях типа *Vaters Haus*, а также с «моnofлексией» типа *Opa Hansens Haus* ‘дом бабушки Ганса’, скорее выступает как интерфикс, типичный для немецких сложений (ср. *Vatersbruder* ‘брат отца, дядя по отцу’, *Vatersteil* ‘отцовская доля /наследства/’ и др.).

Немецкий генитив с очерченным пограничным, балансирующим статусом кажется нам не просто типологически, но и ареально соотносительным с западнославянскими ПП. Утрата последними парадигмы лишь довершает этот параллелизм: так, юго-зап. чеш. *se sousedovo kozou* соотносится с нем. *mit Nachbars Ziege*. Тем более его усиливает развитие у юго-западных чешских диалектных форм на -*ovo/-ino* способности соединяться с согласуемым компонентом в Р ед., как в примере *vo tich mejch chlapcech toho sinovo* ≈ нем. *von den Knaben meines Sohnes*¹.

¹ Я. Нова излагает этот наш вывод следующим образом: «Скорвид (2012) <...> считает застывшую юго-западночешскую посессивную форму (включая ее положение перед определяемым существительным) вместе с другими типами посессивных конструкций в чешском, словацком и серболужицком языках результатом контактов западнославянских языков с немецким». Касаясь приводимой ниже верхнелужицкой конструкции *To jo wot teje stareje žony tón plašć*, которую мы считаем прямой калькой соответствующей немецкой с предлогом *von*, Я. Нова замечает: «... посессивная конструкция с предлогом *od* распространена и на большей части чешской языковой территории; то же можно сказать о беспредложном посессивном генитиве <...>, который, согласно выводам Скорвида, тем более должен быть продуктом влияния немецкого языка. Сравнительно отчетливая ограниченность застывших посессивных форм типа *bratrovo/sestřino/-ino* ареалом Западной и части Южной Чехии, однако, заставляет нас с сомнением задаться вопросом, почему территориальное распространение этого типа и двух генитивных типов посессивной конструкции (без предлога и с предлогом) настолько отличается, если все они обязаны своим происхождением контактам чешского языка с немецким» (Nová 2016: 134). Возразим на это, что мы не говорим о «происхождении» чешских

Еще последовательнее в рамках западнославянского региона субстантивную сочетаемость с определениями или приложениями в Р ед., как констатировалось выше, получают изменяемые ПП в верхнелужицкой и в центральной словацкой областях. При этом хотя конструкции типа в.-луж. лит. *knjeza wučerjowa zahroda* ‘сад господина учителя’ могут быть в преломленном виде продолжением некогда общеславянских сочетаемостных свойств ПП, изначально связанных со свободным построением древнейшего славянского предложения, их закрепившийся на современном этапе структурный вариант предстает вторичной ареальной инновацией контактного характера. Так, в.-луж. лит. тип *stareho wučerjowa zahroda* ‘сад старого учителя’ (букв. ‘старого учителей’) с определением в препозиции находит прямую аналогию в немецком языке, где, однако, такое употребление является устаревшим или книжным, например: *Des alten Pfarrers Woche* («Неделя старого священника», сатирический стихотворный цикл 1844 г.), *Des alten Lehrers Geburtstag* («День рождения старого учителя», картина 1866 г.), *das Lächeln auf des alten Lehrers Gesicht* ‘улыбка на лице старого учителя’ (из книги 1967 г.).

Равноправное употребление аналогично устроенных конструкций не с прилагательным, но с притяжательным местоимением в немецком и в верхнелужицких диалектах отразил материал анкетирования, полученный Г. Фаской. Респондентам из нескольких деревень давалось задание перевести на родной говор с немецкого фразу *Das ist unseres Vaters Fahrrad* — букв. ‘Это нашего отца велосипед’. Безотносительно к возможным сомнениям в естественности собранных в итоге «образцов перевода» этот опрос недвусмысленно свидетельствует о продуктивности в верхнелужицких диалектах конструкций типа *To je / jo našo* (< *našeho*) *nanowe / nanowo koleso* и т. п. (= лит. *To je našeho nanowe koleso*) [Sorbischer Sprachatlas 1996: 67–68].

Изоморфность этого типа с немецким очевидна; отличие связано с присутствием у верхнелужицких посессивных форм по-

диалектных конструкций типа (*miho*) *bratrovo sin* и *bratra sin / vod (miho) bratra sin* — обозначим их так вслед за Я. Новой — из немецких или о том, что все они возникли в результате контакта с немецким языком; мы отмечаем лишь ареальный параллелизм этих чешских конструкций, каково бы ни было их территориальное распространение, и типологически соотносительных с ними немецких.

казателя их согласуемости с последующим именем: нем. *unseres Vaters Fahrrad* ≈ в.-луж. *naše^{ho} nanowe koleso*. В силу своего рода аттракции такой элемент может в серболужицких говорах даже быть передан предыдущей лексеме: в.-луж. диал. *naše nanowe koleso* [Sorbischer Sprachatlas 1996: 68], аналогично ц.-сл. диал. *moja mužova mat* ‘мать моего мужа’ [Štolc 1966: 264]. Формальную аттракцию здесь часто дополняет смысловая (‘велосипед нашего отца’ — это и наш /отцовский/ велосипед); в то же время примеры простого уподобления форм убедительно показывают, что в том и другом случае имеет место фактически двукратное «покрытие» повторяемой флексией (при местоимении в И ед. м. р. нулевой) группы атрибута в целом. Ср. в говоре, переходном от верхне-к нижнелужицким: *Na mój maminy cas su byli teke zas hynakše kaž ty nět* ‘Во времена моей мамы (≠ мои времена!) они были не такие, как мы сегодня’, где начальное сочетание возможно записать в виде *na* {[moj- (mam-)]+in}+Ø/y cas. Интересно также *Twarski mištrowy syn bě přěni, kotryž skoči do wody* ‘Сын управляющего был первый, кто прыгнул в воду’, т. е. {[twarsk- (mištr-)]+ow}+i/y syn, где *twarski mistr* — калька нем. *Baumeister* [Sorbischer Sprachatlas 1996: 69, 68].

Цельнооформленность аппозитивных сочетаний из двух лексем в позиции атрибута достигает в верхнелужицком языке еще более продвинутой стадии «монофлексии», ср. лит. *farar Šērachowe pčoly* ‘пчелы священника Ширах’, т. е. {[farar Šērach]+ow}+e pčoly ≈ нем. *Pfarrer Schierachs Bienen*; аналогично у неизменяемых «семейно-притяжательных» форм: *kowar Měršec Wórša* ‘Ворша из семьи кузнеца Мерша’ [Šewc 1968: 103]. (В материале записей диалектных текстов представлено лишь трехчленное сочетание, где при ПП выступают два аппозитивных компонента в Р ед.: *knjeza fararja Krygarjowo* (< -y) *namjet* ‘предложение господина священника Крюгера’ [Sorbischer Sprachatlas 1996: 70]).

В совокупности описанные выше колебания в связи с аффиксальным оформлением в верхнелужицком сложных атрибутивных сочетаний указывают на усиление в этом языке в контакте с немецким элементов аналитизма — вопреки флективному устройству ПП. Притом крайне симптоматично, что при анкетировании с опорой на перевод с немецкого верхнелужицкие говорящие преимущественно использовали ПП, но все же в 15% случаев выбрали форму

Р ед. Ср. варианты перевода нем. *Das ist der Mantel der alten Frau* ‘Это пальто старой женщины’ (помимо *To tej starej žoniny mantl* и т. п.): *To teje stareje žony mantl* / *To jo tej starej žone woblek* либо даже *To jo wot teje stareje žony tón plašč* (конструкция с предлогом, проникшая под влиянием немецкой конструкции с *von*). Нижнелужицким диалектам конструкции ПП с адъективными компонентами, по материалам Г. Фаски, неизвестны: в них в 100% случаев выступает тип *To jo teje stareje baby mantl* / *teje stareje žeńskeje jaka* либо даже *To tej starej žone jeje woblek* — с добавочным местоименным обозначением отношения, как в нем. *Das ist der alten Frau ihr Mantel* [Sorbischer Sprachatlas 1996: 68, 70].

5.4. В предыдущих главах были подробно рассмотрены конструкции ПП с определениями и приложениями, представленные в древнеписьменных славянских языках. Как нами было показано, уже и тогда в них встречались явления аттракции и, возможно, «монофлексии», ср. др.-чеш. *s uotpuštěním s Pilátovým zlým nekrščeným* Hrad 45a, букв. ‘с попусчением с Пилатовым злым некрещеным’ [Gebauer 1929: 81], *k králi Artušovu dvoru* TandBaw 320, букв. ‘к королю Артурову двору’, и др.-рус. определяемый патроним на *-ичь* с аттракцией определения *Мьстиславъ Святославичъ Черниговскии Всеволодича Козельскии* — ПЛДР III: 154.

С другой стороны, форму генитива в некоторых случаях выражения ею атрибута дублирует в древнеязыковых славянских памятниках притяжательное местоимение. Ср. др.-чеш.: *A chtie tomu druží, že tu země roste vzhóru k uokázání vysokosti života svatého matky božie* CestMand 64 ‘И думают иные, будто земля здесь растет вывы ради изъявления возвышенности святой жизни Богоматери’ (список D) при ... *vysokosti matky božie života jejieho svatého*, букв. ‘возвышенности Богоматери жизни ее святой’ (список B); *ješto jsú dobrých a druhdy všech lidí utrhači jich cti* Tkadl 177, букв. ‘которые суть добрых, а то и всех людей обидчики их чести’; *když těch býkón jich zuby budú zmočeny...* Troj 34, букв. ‘когда этих быков их зубы будут смочены’ Почерпнутые из переводов либо обработок двух латинских и одного немецкого источника, эти примеры внедрения в конструкцию местоимения не обязательно отражают иноязычное влияние. В первых двух в подстановке местоимения скорее проявляется дискретное построение предложения, характерное для давних славянских языков; ср. др.-рус. фразу, приводимую А. А. По-

тебней в ряду извлечений, снабженных общим замечанием «Лицо или вещь и их состояние или действие равно самостоятельны»: *какъ <...> царствующій градъ Москва отъ Полскаго и отъ Литовскаго короля и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей отъ ихъ злого плѣненія очистилась* — Пам. дипл. снош. (1613 г.) [Потебня 1968: 171–172]. Третий случай следует признать особым — гипотетически здесь можно видеть контаминацию двух конструкций, генитивной и дативной, ср. то же место в др.-рус. переложении «Троянской хроники»: *В той бо мокротѣ сію силу быти рече, да егда во уста воломъ воіется...* — ПЛДР VI: 258. Интересно, что и в развитии на раннем этапе эволюции немецкого языка сосуществующих типов *des Knaben sein Leben* и *dem König Xutho sein Haus* О. Бехагель усматривал результат аналогичной контаминации конструкций с посессивным генитивом и с дативом адресата.

Как мы уже не раз говорили, дискретное — даже при контактном сочетании элементов — построение отличало и старые конструкции ПП с определениями и приложениями. В них основное имя в позиции атрибута получало форму ПП так, как если бы оно было не осложненным, одиночным, а определяющие члены, первоначально почти исключительно постпозитивные (если абстрагироваться от выступавших и в препозиции приложений), адаптировались к ней в контексте в соответствии с семантикой или механически, посредством аттракции. Интерпретация ПП как нормальных составляющих парадигмы готовых именных групп, пусть, возможно, и намечавшаяся в давних славянских языках, особенно в сочетаниях с приложениями, представляет собой в целом позднее явление.

Стабилизация этой новой сочетаемости ПП в разных областях западнославянского языкового региона (включая как частный случай ее вероятное зарождение у юго-западных чешских «застывших» форм на *-ovo/-ino*) наступала, следует думать, не одновременно, однако же и не изолированно в каждом из языков, а в рамках общего процесса их ареальных контактов с немецким в условиях глобального усиления аналитизма в этой контактной зоне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6.0. В монографии была предпринята попытка применить концепцию синтаксической деривации Е. Куриловича к славянским ДСП (ПП и ОП) в диахронии и синхронии, которая привела к следующим выводам.

В отношении ПП подтверждается, прежде всего с точки зрения семантики, выдвинутая Н. С. Трубецким и развитая другими исследователями гипотеза об их принадлежности к субстантивной парадигме. Эта интерпретация диктуется транспозицией грамматического значения базовой лексемы, падежной и числовой, в семантике ПП — тогда как у ОП функциональную соотносительность с существительными «заслоняет обусловленная их адъективностью лексикализация, впрочем, нейтрализующаяся в специальных контекстах. На ранних этапах развития славянских языков такая нейтрализация наступала в обширном диапазоне контекстов, существенно сузившемся впоследствии.

В диахронном аспекте состояние системы ДСП, прослеживаемое в древнечешском языке XIV–XV вв., материал которого был отправной точкой нашего исследования, демонстрирует чрезвычайно ранний и резкий, сравнительно с темпами развития в других славянских языках, отрыв ПП от ОП. С кристаллизацией грамматического содержания стандартизировалось и строение плана выражения субкатегории ПП: конкретно имело место ограничение ее образованиями двух подвергшихся генерализации типов с парой специфичных именно для данной функции суффиксов, *-ov-* и *-in-*, дистрибуция которых постепенно переняла родовой принцип, ставший основополагающим и в субстантивной деклинации. Это позволяет заключить, что ПП в древнечешском языке приближались к парадигматичности морфологического типа, хотя она была неравномерной для отдельных групп лексически одушевленных существительных. В других древних славянских языках дольше наблюдается состояние, когда, по характеристике А. А. Зализняка, справедливой не только по отношению к древне-новгородскому диалекту, «существуют конкурирующие способы образования притяжательных прилагательных, причем они лишь в части случаев дают полные синонимы» [Зализняк 2004: 201].

На современном этапе большинство славянских языков сохраняет развившуюся раньше, как это имело место в чешском, или позднее формально-морфологическую парадигматичность ПП с суффиксами *-ov-* и *-in-*, распределенными в зависимости от рода либо типа склонения существительного; это — вкупе с семантикой — побуждает трактовать их как «ассоциированные» с парадигмой существительного варианты Р ед. Только в современных русском и польском языках эти образования стали малопродуктивными и отошли на периферию системы, что, однако, не исключает проявления у них некоторых признаков базовых существительных, в том числе синтаксических, которые главным образом и рассматривались в монографии.

6.1. Асимметричный параллелизм ПП и ОП парадигматическим формам существительных в монографии освещался в первую очередь в аспекте его значимости для синтаксической синтагматики и до некоторой степени парадигматики (субстантивной прономинализации) этих дериватов.

В случае субстантивной прономинализации, т. е. корреспонденции ПП и других адъективных образований от субстантивной основы с анафорическими местоимениями, включая относительные, вводящие придаточное предложение, как нами было показано в главе II, речь идет не об их синтаксических валентностях, а о специфическом явлении «неформальной кореференции». С ним, однако, обнаруживает связь синтагматика ДСП и ряда других отсубстантивных дериватов в древних славянских языках — их способность распространяться определяющими существительное согласуемыми и несогласуемыми словами.

Если анафорические местоимения и аналогичные им по значению слова в славянских языках были и отчасти остаются способными отсылать к существительному, которое представлено в предтексте лишь основой в составе адъективного или неадъективного образования (например, собирательного существительного), композита либо просто в родственном слове, а иногда вообще только подразумевается через указание на него при помощи контекстных средств, то подобными же анафорическими единицами в древних и в некоторых случаях в современных славянских языках можно считать также отсылающие к основе существительного, заклю-

ченной в ПП или ОП, приложения (аппозитивные компоненты) и определения того или иного типа¹.

Распространение такой сочетаемости у ПП и в несколько меньшей степени ОП(о) в древних языках предстает чертой, которая определялась семантической связью данных адъективных образований с базовой для них лексемой, но еще не свидетельством их отождествления с ней по синтаксическим валентностям. В ее осно-

¹ Эта трактовка применима не только к именным, но и к глагольным группам. Так, в древнечешских текстах наблюдается иногда присоединение обстоятельств, подразумевающих глагол, к однокоренным с ним или производным от него существительным и прилагательным, ср. *svatý Prokop jest slovenského rodu, nedaleko ot Češského Broda* — LegProk, букв. 'св. Прокопий — славянского рода, (рожден) недалеко от Чешского Брода'; *hus, léni pták domácí, nelétavý vysoko* — HusKor, букв. 'гусь, ленивая птица домашняя, не летучая высоко'. В извлечении из «Завета умирающей матери Общины братской» Я. А. Коменского (1650) *bez tak hanebně zlého užívání* — JAK III, букв. 'без столь позорно от него употребления', в отличие от предыдущих случаев, наречная группа *tak hanebně* находится в препозиции к отглагольному существительному, что, вероятно, говорит о более тесной связи членов этого сочетания и осмыслении существительного на -*ní* как парадигматической формы глагола *užívatí*. Такие конструкции с анафорическими постпозитивными, а порой и препозитивными определителями (обстоятельствами, дополнениями) фактически основы глагола в родственном слове, деривате или композите возможны и в современных славянских языках. Ср. чеш. в художественном тексте *Dlouho předtím <...> jsem byl chromec, mrzák (= zmražený) v dětství někdy na podzim* (Topol 1994: 9) 'задолго до того <...> я был хромым, калеккой (= искаленным) в детстве когда-то осенью'; в официальном стиле *přihlašovací lístek (= kterým se přihlašujeme) k trvalému pobytu a přes 2000 dalších tiskopisů* 'форма заявления (букв. *заявительная*) на ПМЖ и свыше 2000 других бланков'; слц. *neovplyvnilo to nepriaznivo čakáciu dobu (= kedy sa čaká) na colné odbavenie?* (Slovenka č. 15, 1995) 'не сказалось ли это неблагоприятным образом на сроке ожидания (букв. *ожидательном*) таможенного оформления?'; пол. в рекламном тексте *zastosowanie w miejscach najbardziej narażonych na ścieranie odpowiednio stopniowaną grubość materiału*, букв. 'применение в местах, наиболее подверженных истиранию, соответственно увеличенную толщину материала' (вместо *stopniowanej grubości* 'увеличенной толщины'); в.-луж. в публицистическом стиле *cyle jasny serbskość likwidatoriski (= likwidowacy) kurs* (Rozhlad č. 4, 1997), букв. 'совершенно ясный всё серболужицкое ликвидаторский (= ликвидирующий) курс'; рус. *Нужны ли наблюдательные советы (= наблюдающие) за нравственностью на телевидении?* (ЭМ); *обжорство тоннами знаменитой пазлы* (БГ 12.09.2007); *Думаю, всякий <...> возрадовался... проигрышу. Разве что хотелось бы не так позорно* (Известия 22.07.2005); новостной заголовок в Интернете требует «извлечения» глагола из сложного слова: *Медведев сомневается в платежеспособности Украины за поставленный газ* (основной текст новости: У России есть сомнения относительно возможностей Украины расплачиваться за поставленный газ).

ве лежала автономность элементов, объединявшихся с ПП и иногда ОПо, конкретно приложений и определений несогласованного или согласованного, адъективного типа. На материале сочетаний всех типов с ПП и с ОПо эта сочетаемость была нами подробно прослежена в древнечешском языке на фоне фактов других славянских языков.

Фиксируемые чаще других конструкции ПП с приложениями предполагали исходно однородное соподчинение компонентов аппозитивных комплексов. Этот фактор предопределял возможность преобразования в ПП в атрибутивно зависимом аппозитивном сочетании одновременно двух членов: ср. др.-чеш. типы *po králově smrti Přemyslově* — DalL, букв. ‘по королевой смерти Пршемысловой’; *s Petrem Zachařovým synem, purkrabíným synem ze Zviekova* — PoprRožmb /1397/, букв. ‘с Петром Захариевым сыном, бургграфовым сыном из Звикова’, и др.-рус. параллель первого из них: **поѡлѣ братьѣю дщєрь ароїю сароу** — Лавр. лет. Генерализация альтернативных конструкций ПП с аппозитивными компонентами в Р ед., в которых получала выражение возникающая зависимость двух данных единиц, отражала постепенный переход таких сочетаний к подчинению: ср. др.-чеш. типы *rodu krále Davidova* — LegMar, букв. ‘рода царя Давидова’; *o Děpoltově vypuzení, kniežěte kúřimského* — DalC, букв. ‘о Дипольдовом изгнании, князя коуржимского’; др.-пол. *księdza Marcinowy części* — Przyb /1404/, букв. ‘священника Мартиновой доли’; *krolestwo davydowo oycza twego* — Rozm., букв. ‘царство Давидово, отца твоего’; др.-рус. **на царя Костянтиновъ день** — Жит. Мих.Клоп.; **въ дому Иосифовѣ, обрученника Мариина** — Хожд. Дан.; ст.-сл. **въ домоу давѣ. отрока своего** — Зогр. Лк. I, 69 и даже ц.-сл. **разорение нероушалимово. града жидовьска** — ProlMih.

Структурно свободные сочетания с ПП и иногда ОПо образовывали несогласованные определения, выступавшие как детерминанты предметного плана предложения в целом: ср. др.-чеш. типы *knihy <...> Markušovy z Benátek* — CestMil, букв. ‘книги Марковы из Венеции’, *řád korunování králova i králové českého království* — ŘádKor, букв. ‘порядок коронации королевой и королевы чешского королевства’, по образцу которых устроены также единичные сочетания с ОПо *sněm <...> panský z Čech i z Moravy* — LetPal 21, букв. ‘сейм панский из Чехии и Моравии’, и *sněm kněžský království*

českého — Let, букв. ‘сейм священнический чешского королевства’. В других древнеписьменных славянских языках аналогичные конструкции (только с ПП) редки: др.-пол. *ludziem księdza biskupowym z Gostolina* — ZapWarsz /1468/, букв. ‘людям владыки епископовым из Гостолина’; др.-рус. *не патрияришемъ благословениемъ Царяграда* — Печ. пат. (конструкция с беспредложным несогласованным определением).

Секундарно, т. е. как дополнительные, обособляющиеся компоненты, соответственно последовательно постпозитивные, к ПП и ОПо присоединялись прилагательные и другие адъективные слова, которые согласовывались с образованным от определяемого имени ДСП, выступая в Р ед. или Р мн.: ср. др.-чеш. типы *na králově Václavově českého dědině* — Dub, букв. ‘в королёвой Вацлавовой чешского вотчине’; *od/e/ krve Abelovy spravedlivého* — EvOl, BiblKoř Mt 23: 35, букв. ‘от крови Авелевы праведного’; *z ruky arcibiskupovy mši služícího* — ŘádKor, букв. ‘из руки архиепископовы, мессу служащего’; *tělo dítěte kypřě narozeného* — Comest, букв. ‘тело детское новорожденного’; *milost bratrská na hoře Olivecké přebývajících* — Otc, букв. ‘милость братская, пребывающих на горе Оливет’ и их инославянские соответствия: др.-пол. *jako treść pisarzowa rychło piszącego* — PsFl 44:2, букв. ‘как трость писцова, быстро пишущего’; др.-рус. *сила султанова индѣискаго бесерменьскаго* — Хожд. Никит. и пѣние аггельское, трисвятое вопиющих — Жит. Серг. Рад., ст.-сл. **нечювъство жидовъско. не разоумѣжштнихъ тако кстѣ лѣпо** — Супр.

Все проанализированные конструкции с ПП и с ОПо демонстрируют по существу общий способ связи определяющего и определяемого членов, а именно имплицитно-семантический.

В строе древнейшего славянского предложения такая потенциальная имплицитность связи предполагала возможность представления добавочно определяемого слова вообще любым образованием, заданным его контекстом. Конструкции с ДСП были лишь наиболее частым явлением, однако отнюдь не исключительным в общеславянском масштабе. В древнерусском языке на той же основе могли приобретать сочетаемость базовой лексемы патронимы на *-ичь/-ьна* (ср. типы князь великий *Мьстиславъ храбрый Романовичъ Смоленского* и *Володимерь Руриковичъ Ростиславича* — Твер. лет). В истории чешского языка вплоть до XVII в.

могли аналогично осложняться адъективными словами в Р мн. названия собирательных множеств, ср. пример XV в. *sněm kněžský královstvie českého pod oboji zpuosobú rozdávajících* — Let, где причастный оборот по смыслу скорее подразумевает священников, причащающих под обоими видами, т. е. семантически связан с основой ОП, и извлечения из «Лабиринта света» Я .А .Коменского: *stav rytířský, s věcmi válečnými zacházejících*, букв. 'сословие рыцарское, делами военными занимающихся'; *zástupy lidu ze všech města ulic se sbíhajících a obcházejících, a kudy by se zhlřu dostati mohli, obhlédajících*, букв. 'толпы народа, изо всех городских улиц стекающихся и кругами ходящих, как бы им наверх попасть можно было, высматривающих' (KomLab).

Таким образом, при диахронном исследовании сочетаемости ДСП в ряду смежных явлений в работе получила развитие в отношении именных сочетаний идея Б. Гавранека об автономности слова в древнейшем славянском предложении, выдвинутая им в связи с изучением свойств глагола [Havránek 1973].

6.2. В процессе постепенного возобладания принципа синтаксической эксплицитности в строе предложения происходило исчезновение такой сочетаемости в первую очередь у ОП(о) и несколько медленнее у ПП. Одновременно у ПП семантическая эквивалентность существительному в Р ед., вопреки общей тенденции, вызывала в ряде языков рост возможностей сочетаемости в особенности с согласуемыми членами с установкой на ее уподобление «подчиняющей способности» базовой лексемы. Ср. редкие примеры XV — XVI вв.: др.-чеш. *ot prvního krále syna* — DalL, букв. 'от первого королева сына' (предлог *ot* здесь в соответствии с лат. *de* и нем. *von* выступает в значении 'о', все сочетание означает 'о сыне первого короля'); др.-рус. *за тоѣ Марѣинымъ мужемъ за Петромъ* — Акт. ист. /1573/.

Регулярной для синтаксиса ПП эта новая сочетаемость стала в центральных словацких, верхнелужицких и — в русле тенденции к развитию аналитизма — в болгарско-македонских диалектах. При этом если встречающиеся здесь до современного этапа конструкции ПП с аппозитивными компонентами в Р ед. либо даже с двумя ПП представляют собой следы древнеязыкового состояния, как это в преломленном виде проявляется также в других языковых областях, то сочетаемость ПП с препозитивными при-

лагательными и иными синтаксически адъективными словами в Р ед. явилась поздней локальной инновацией, которая развилась независимо в трех территориально удаленных друг от друга ареалах. Наконец, вполне ожидаемо она заново возникла у юго-западных чешских диалектных форм ПП с неизменяемым застывшим показателем *-ovo/-ino*, ср. *tak vo tich mejch chlapcech toho sinovo* — ČNT 54 и другие примеры в (Nová 2016: 139).

Впрочем, в завершение следует заметить, что и у изменяемых ПП в других славянских языках, по-видимому, все еще сохраняются предпосылки для реализации субстантивной сочетаемости не только с приложениями, но также с несогласуемыми постпозитивными и согласуемыми препозитивными определениями в спонтанном потоке речи. Как факт речи такая сочетаемость не чужда и русскому узусу наших дней, хотя ее примеры абсолютно маргинальны. Ср., с одной стороны, встретившееся в Интернете построение, содержащее конструкцию ПП *дядин* с локализирующим несогласованным определением с предлогом *из* и далее аппозитивного типа конструкцию ПП *тётин* с двумя другими, рядоположенными уточняющими ПП: *это наша жизнь, не дядина из гороно и не тётина — коллегина и завучена /!/¹*, а с другой — конструкцию ПП *дядин* с препозитивным прилагательным во фразеологически связанном сочетании *«Три раза, не моя зараза. Не папина, не мамина, а чужого дядина», — твердил я детское заклинание, плюя через левое плечо...* (Снегирев 2007).

¹ <http://pedsovet.org/forum/index.php?showtopic=4541&st=60>

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев 1959 — *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
2. Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
3. Даль 1978 — *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1978.
4. Дмитриев 1961 — *Дмитриев П. А.* Притяжательные прилагательные сербохорватского языка (к вопросу об их месте в системе частей речи) // Проблемы языкознания. Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 301. Серия филологических наук. Вып. 60. Л-д, 1961. С. 49–57.
5. Ермакова 1983 — *Ермакова М. И.* Характеристика группы слов со словообразовательными формантами *-ow(y)*, *-in(y)*, *-n(y)* в серболужицком языке // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983. С. 35–37.
6. Ермакова 1986 — *Ермакова М. И.* Категория посессивности в серболужицком языке. Некоторые особенности ее выражения // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 220–229.
7. Ермакова, Недолужко, Скорвид 2017 — *Ермакова М. И., Недолужко А. Ю., Скорвид С. С.* Серболужицкий язык // Языки мира: Славянские языки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2017.
8. Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. М., 2004.
9. Исаченко 1965 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1965.
10. Категория 1989 — *Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.), Головачева А. В., Молошина Т. Н., Николаева Т. М., Свешникова Т. Н.* Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
11. Курилович 1962 — *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.

12. Макарова 1964 — *Макарова С. Я.* Родительный падеж принадлежности в русском языке XI — XVII вв. / Труды Института языкознания АН СССР. Т. III. М., 1964. С. 7–31.
13. Маројевић 1983^a — *Маројевић Р.* Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развоју и данас). Београд, 1983.
14. Маројевић 1983^b — *Маројевић Р.* Посесивни придеви са суфиксом -ьъ у историји руског језика // Зборник за филологију и лингвистику XXVI/I. Нови Сад, 1983. С. 7–60.
15. Маројевић 1983^b — *Маројевић Р.* Суфикс -sk- у посесивној функцији у руском језику (у историјском развоју и данас) // Јужнословенски филолог XXXIX. Београд, 1983. С. 159–178.
16. Маројевић 1985 — *Маројевић Р.* Посесивне изведенице у староруском језику. Антропонимски систем. Топонимија. “Слово о полку Игореве”. Београд, 1985.
17. Младенов 1979 — *Младенов С.* История на българския език. София, 1979.
18. Падучева 2010 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2010.
19. Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I — II. М., 1958.
20. Потебня 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III (Об изменении значения и заменах существительного). М., 1968.
21. Ревзин 1973 — *Ревзин И. И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973. С. 39–50.
22. Риторика 2013 — *Риторика М. В. Ломоносова: проект словаря* / Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013.
23. Селищев 1968 — *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
24. Скорвид 1981 — *Скорвид С. С.* О синтаксических свойствах притяжательных прилагательных в древнечешском языке // Вестник МГУ. Сер. 9 — Филология. 1981. № 4. С. 43–50.
25. Скорвид 1990 — *Скорвид С. С.* Специфика синтаксического функционирования десубстантивных прилагательных в древ-

- нечешском языке XIV — XVI вв. в общеславянском контексте). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1990.
26. Скорвид 2012 — *Скорвид С. С. Tátovo mojejo sestra // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Roč. 81, 2012. Č. 4. S. 433–446.*
 27. Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В. «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 40–54.*
 28. Смотрицкий 1979 — *Мелетій Смотрицький. Граматика слов'янська (1619) / Підготовка факсимільного видання В. В. Німчука. Київ, 1979.*
 29. Толстой 1957 — *Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 219–222.*
 30. Травничек 1950 — *Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. Ч. I. Фонетика — словообразование — морфология. М., 1950.*
 31. Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219–222.*
 32. Шахматов 1941 — *Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л-д, 1941.*
 33. Behaghel 1923 — *Behaghel O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Band I. Die Wortklassen und Wortformen. A. Nomen. Pronomen. Heidelberg, 1923.*
 34. Bělič 1972 — *Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.*
 35. Corbett 1987 — *Corbett G. G. The Morphology/Syntax Interface: Evidence from Possessive Adjectives in Slavonic // Language. Vol. 63, No. 2 (1987). P. 299–345.*
 36. Corbett 1995 — *Corbett G. G. Slavonic's closest approach to Suffixaufnahme: The possessive adjective // Double Case. Agreement by Suffixaufnahme. New York — Oxford, 1995. P. 265–282.*
 37. Černá 2017 — *Černá A. M. Čeština nejstarší knihy tábořské // Uličný, Oldřich (ed.). Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci. Liberec, 2017. S. 151–159.*
 38. Český jazyk, 1956–1957 = Český jazyk. 1956. Č. 2, s. 47–50. Č. 6, s. 219–223, 223–227. Č. 8, s. 303–310. 1957. Č. 3, s. 92–93. Č. 7, S. 201–205.

39. ČJA 4 — *Balhar J., Jančák P.* a kol. *Český jazykový atlas 4*. Praha 2002.
40. Dokulil 1962 — *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I — Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
41. Faska 2003 — *Faska H.* Pućnik po hornjoserbsčínje. Bautzen, 2003.
42. Faßke 1981 — *Faßke H.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
43. Fiedlerová 1976^a — *Fiedlerová A.* Denominativní vztahová adjektiva ve staré češtině. Disertační práce k získání vědecké hodnosti kandidáta filologických věd. Praha, 1976.
44. Fiedlerová 1976^b — *Fiedlerová A.* Denominativní vztahová adjektiva ve staré češtině. Autoreferát disertační práce k získání vědecké hodnosti kandidáta filologických věd. Praha, 1976.
45. Gebauer 1929 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl IV. Skladba. Praha, 1929.
46. Gebauer 1960 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. Praha, 1960.
47. Grošelj 1955 — *Grošelj M.* O posesivnem adjektivu v slovanščini in toharščini // Slavistična revija VIII, 1955. Linguistica I. S. 2–10.
48. Havránek 1973 — *Havránek B.* Větná struktura v nejstarších fázích slovanských jazyků // Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika. Praha, 1973. S. 5–13.
49. Heinz 1988 — *Heinz A.* Uwagi nad funkcją znaczeniową przymiotnika odrzeczownikowego // Heinz A. Język i językoznawstwo. Wybór prac. Warszawa, 1988. S. 206–222.
50. Honowska 1963 — *Honowska M.* Geneza złożonej odmiany przymiotników w świetle faktów języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.
51. Hujer 1924 — *Hujer O.* Úvod do dějin jazyka českého. Praha, 1924.
52. Huntley 1984 — *Huntley D.* The distribution of the denominative adjective and the adnominal genitive in Old Church Slavonic // Fisiak J. (ed.) Historical syntax. Trends in linguistics: Studies and monographs, 23. Berlin, 1984. P. 217–236.
53. Janečková 1994 — *Janečková M.* Ještě k nářečním jevům jihočeské oblastí, srovnání s oblastí západočeskou // Jazyk a řeč jihočeského regionu III. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích. České Budějovice, 1994. S. 6–19.

54. Janečková 1995 — *Janečková M.* Nespisovné prvky v mluvě střední generace jižních Čech // Jazyk a řeč jihočeského regionu IV. Sborník katedry českého jazyka pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích. České Budějovice, 1995. S. 13–17.
55. Kopečný 1958 — *Kopečný F.* Základy české skladby. Praha, 1958.
56. Kosek 1995 — *Kosek P.* Stylový a jazykový rozbor kázání Marka Damascéna. Nепublikovaná diplomová práce. Filozofická fakulta Masarykovy univerzity: Brno, 1995.
57. Křížková 1968 — *Křížková H.* К вопросам о так называемой аппозиции // Travaux linguistiques de Prague III. Praha, 1968. S. 33–46.
58. Löttsch 1965 — *Löttsch R.* Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteile // Forschungen und Fortschritte. 39. Jahrgang, 1965. Heft 12. S. 377–379.
59. Mathesius 1982 — *Mathesius V.* Řeč a sloh // Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost. Praha, 1982. S. 96–146.
60. Miklosich 1883 — *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen. IV. Band — Syntax. Wien, 1883.
61. Nitsch 1968 — *Nitsch K.* Wybór polskich tekstów gwarowych. Warszawa, 1968.
62. Nová 2016 — *Nová J.* K vyjadřování posesivity v dialektech češtiny a v běžném úzu mládeže z oblasti západočeského pohraničí // Naše řeč. Roč. 99 (2016), č. 3. S. 132–146.
63. Oberpfalcer 1935 — *Oberpfalcer F.* Jazyk knih černých, jinak smolných. Praha, 1935.
64. Pauliny, Ružička, Štolc 1968 — *Pauliny E., Ružička J., Štolc J.* Slovenská gramatika. Bratislava, 1968.
65. Petr 1968 — *Petr J.* K charakteristice polských adjektiv // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia X. Praha, 1968. S. 73–86.
66. Petr 1971 — *Petr J.* Posesivní adjektiva v současné polštině // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia XIII. Praha, 1971. S. 33–44.
67. Pisarkowa 1984 — *Pisarkowa K.* Historia składni języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1984.
68. Postal 1969 — *Postal P. M.* Anaforic Islands // Papers from the Chicago Linguistic Society. 1969, N 5. P. 205–239.

69. Postal, Grinder 1971 — *Postal P. M., Grinder J.* Missing antecedents // *Linguistic inquiry* 1971. Vol. 2. P. 259–312.
70. Reczek 1988 — *Reczek S.* Słowo się rzekło, czyli monolog o kulturze języka. Rzeszów, 1988.
71. Sieczkowski 1957 — *Sieczkowski A.* Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Studium porównawcze. Wrocław, 1957.
72. Skalička 2004/1941 — *Skalička V.* Vývoj české deklinace // Vladimír Skalička. Souborné dílo. I. díl. Praha, 2004. S. 209–247.
73. Skalička 2006/1967 — *Skalička V.* Jazyková typologie a vývoj jazyka {Sprachtypologie und Sprachentwicklung} // Vladimír Skalička. Souborné dílo. III. díl. Praha, 2006. S. 1019–1023.
74. Slovenská reč 1932 — *Slovenská reč.* Roč. 1, č. 1. S. 14–15.
75. Sorbischer Sprachatlas 1996 — *Sorbischer Sprachatlas.* Band 15 — Syntax. Bautzen, 1996.
76. Stieber 1956 — *Stieber Z.* Zarys dialektologii języków zachodniosiowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956.
77. Szlifersztejnowa 1960 — *Szlifersztejnowa S.* Przymiotniki dzierżawcze w języku polskim. Wrocław, 1960.
78. Šewc 1968 — *Šewc H.* Gramatika hornjoserbseje řeče. 1. zwjazk — fonematika a morfologija. Budyšin, 1968.
79. Šmilauer 1966 — *Šmilauer V.* Novočeská skladba. Praha, 1966.
80. Šmilauer 1971 — *Šmilauer V.* Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
81. Štolc 1966 — *Štolc J.* Vyjadrovanie posesívneho vzťahu v slovenčine a jeho slovanská súvislosť // *Slavica Slovaca* I. 1966. Č. 3. S. 259–267.
82. Trávníček 1951 — *Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny. Část II: Skladba. Praha, 1951.
83. Trubetzkoy 1968 — *Trubetzkoy N. S.* Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. 2. Auflage. Graz — Wien — Köln, 1968.
84. Uličný 2003 — *Uličný O.* K deflektivizačním tendencím ve slovanských jazycích // *Česká slavistika* 2003: České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů. Ljubljana 15.–21.8.2003. Praha, 2003. S. 155–163.
85. Urbańczyk 1984 — *Urbańczyk S.* Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1984.

86. Vachek 1954 — *Vachek J.* K problematice českých posesívních adjektiv // Studie a práce linguistické I. Praha, 1954. S. 171–189.
87. Vachek 1972 — *Vachek J.* Ještě k osudu českých posesívních adjektiv. Glosa k pohybu v českém tvarosloví // Slovo a Slovesnost. 1972, č. 2. S. 146–148.
88. Večerka 1957 — *Večerka R.* Ke konkurenci adnominálního genitivu a adjektiva v staroslověnině // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Roč. VI. Řada A. Č. 5. Brno, 1957. S. 25–38.
89. Vondrák 1928 — *Vondrák V.* Vergleichende slavische Grammatik II. Göttingen, 1928.
90. Voráč 1950 — *Voráč J.* K jazykovému zeměpisu Čech // Naše řeč. Roč. 34 (1950), č. 5–6. S. 92–96.
91. Zimek 1960 — *Zimek R.* K chápání posesívnosti // Rusko-české studie. Sborník vysoké školy pedagogické v Praze. Praha, 1960. S. 131–156.
92. Zubatý 1921 — *Zubatý J.* Novákovíc, u Nováků atd. // Naše řeč. Roč. 5 (1921), č. 9. S. 257–269/

ИСТОЧНИКИ

I. Древнечешские

1) словари:

GebSlov — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl I (A — J). Díl II (K — N). Praha, 1970.

StčSlov — Staročeský slovník. Na — obíjeti sě. Praha, 1977.

2) издания произведений древнечешской литературы:

a) хрестоматии

Výb I — Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu. Praha, 1957.

Výb II/1 — Výbor z české literatury doby husitské. Sv. 1. Praha, 1963.

Výb II/2 — Výbor z české literatury doby husitské. Sv. 2. Praha, 1964.

б) отдельные издания и сборники (аббревиатуры названий памятников, цитируемых по этим изданиям со ссылками на страницы, приводятся в квадратных скобках после выходных данных издания)

- Alexandreida / Vyd. V. Vážný. Praha, 1947. [Alx]
- Besední řeči Tomáše ze Štítného / Vyd. M. Hattala. Praha, 1987.
[ŠtítBes]
- Betlemské texty / Vyd. B. Ryba. Praha, 1951. [HusBlud]
- BibleKralická. Bible Svátá aneb všecka Svátá Písma Starého i
Nového zákona podle posledního vydání kralického z roku 1613.
[BiblKral]
- Cestopis tzv. Mandevilla / Vyd. F. Šimek. Praha, 1911. [CestMand]
- Dalimils Chronik von Böhmen / Hrsgb. von V. Hanka. Stuttgart, 1859.
[DalBöh]
- Dvě legendy z doby Karlovy / Vyd. J. Hrabák, V. Vážný. Praha, 1959.
[LegKat, LegProk]
- Husitské skladby Budyšínského rukopisu / Vyd. J. Daňhelka. Praha,
1952. [Budyš]
- Hynek z Poděbrad. Boccacciiovské rozprávky / Vyd. A. Grund. Praha,
1950. [HynRozpr]
- Jan Hus. Knížky o svatokupectví / Vyd. A. Gregor. Praha, 1954.
[HusSvatokup]
- Jan Amos Komenský. Labyrint světa a ráj srdce. Praha, 1970. [KomLab]
- Johannis Amos Comenii Opera Omnia / Dílo Jana Amose Komenského.
Sv. 3. Praha, 1978. [JAK III]
- Kniha Rožmberská / Vyd. V. Brandl. Praha, 1872. [Rožmb]
- Kronika Dalimilova podle rukopisu Cambridgeského / Vyd.
V. E. Mourek. Praha, 1892. [DalC]
- Kronika Trojanská / Vyd. J. Daňhelka. Praha, 1951. [Troj]
- Marka Pavlova z Benátek Milion / Vyd. J. V. Prášek. Praha 1902.
[CestMil]
- Mistr Jan Hus. Česká kázání sváteční / Vyd. F. Šimek. Praha, 1952.
[HusSvát]
- Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila / Vyd.
B. Havránek, J. Daňhelka. Praha, 1957. [DalL]
- Nejstarší české veršované legendy / Vyd. J. Cejnar. Praha, 1964.
[LegJidM, LegMar, LegUmučK]
- Ondřeje z Dubé Práva zemská česká / Vyd. F. Čáda. Praha, 1930. [Dub]
- Počátky staročeské mystiky / Vyd. J. Menšík. Praha, 1948. [AlbRáj]
- Popravčí kniha pánů z Rožmberka / Vyd. F. Mareš. Praha, 1878.
[PoprRožmb]
- Sborník hraběte Baworowského / Vyd. J. Loriš. Praha, 1903. [Baw]

Spisové císaře Karla IV. / Vyd. J. Emler. Praha, 1878. [KarVýkl. KarŽiv, ŘádKor]

Staré letopisy české z rukopisu Vratislavského / Vyd F. Šimek. Praha, 1937. [Let]

Staročeská bible Dražd'annská a Olomoucká. I: Evangelia / Vyd. V. Kyas. Praha, 1981. Staročeská bible Dražd'annská a Olomoucká. III: Genesis — Ezdráš / Vyd. V. Kyas. Praha, 1988.

[BiblDražď, BiblOI]

Staročeská kronika tak řečeného Dalimila / Vyd. J. Daňhelka, K. Hádek, B. Havránek, N. Kvítková. Sv. 1–2. Praha, 1988. [DalV]

Staročeské drama / Vyd. J. Hrabák .Praha, 1950. [DivKlem, Mast]

Staročeské Životy svatých Otcův / Vyd. E. Smetánka. Praha, 1909. [Otc]

Staří letopisové čeští od roku 1378 do 1527 / Vyd. F. Palacký. Praha, 1829. [LetPal]

Tkadleček / Vyd. F. Šimek. Praha, 1974. [Tkadl]

Tomáš ze Štítného. Knížky o hře šachové a jiné / Vyd. F. Šimek. Praha, 1956. [ŠtítBarl, ŠtítSáz]

Tomáš ze Štítného. Sborník Vyšehradský. I. — Text / Vyd. F. Ryšánek. Praha, 1960. [ŠtítVyš]

Tristram a Izalda / Vyd. Z. Tichá. Praha, 1980. [Trist]

Veršované skladby doby husitské / Vyd. F. Svejkovský. Praha, 1963. [VeršSkladHusit]

в) отдельные тексты, цитируемые по [Gebauer 1929], [Gebauer 1960] и по картотеке Отдела истории языка ИЧЯ ЧСАН, в том числе:

AlexPovA — Povídka o Alexandru Velikém. Rukopis A (1433)

ComestC — Petra Comestora Historia scholastica. Rukopis C (1404)

EvOI — Evangeliář Olomoucký

Hrad — Hradecký rukopis

PrávSas — Knihy distinkční práva saského

RZvíř — Rada zvířat (1528)

TandZ — Tandariáš a Floribella. Rukopis Zebererův

II. Древнесловацкие (с чешской языковой основой) источники цитируются по собранию текстов:

Stanislav III — *Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. III — Texty.* Bratislava, 1957.

Сокращения:

PKB — Poštové knihy z Boce (1588–1602)

Ružomb — Ružomerská kniha (городская книга XVII — XVIII вв.)

UrbOrav — Urbár Oravského panstva (книга землеустройства Оравы, XVII в.)

III. Древнепольские источники цитируются по трудам Miklosich 1883, Pisarkowa 1984, Szlifersztejnowa 1960 и по изданию:

Wybór 1950 — *Vrtel-Wierczyński S.* Wybór tekstów staropolskich. Warszawa, 1950.

Сокращения:

AKPr — Archiwum Komisji Prawniczej. Kraków, 1895 etc.

BiałPost — Marcin Białobrzeski. Postylla. S.l., 1581.

Chwal — Kronika polska St. Chwalczewskiego. We Warszawie, 1829.

GórsJaz — Górski K. Historia jazdy polskiej. Kraków, 1894.

KazGniesz — Kazania Gnieźnieńskie, XIV w.

KodDzik — Kodeks dzikowski (1501, 1523).

Piek — Piekosiński P. Wybór zapisek sądowych i nieznane zapiski heraldyczne. Kraków, 1884.

Przyb — Przyborowski J. Vetusissimam adiectivorum linguae Polonae declinationem monumentis ineditis illustravit... Poznań, 1861.

PsFl — Psalterz Floriański łacinsko-polsko-niemiecki XIV — XV w. Lwów, 1932.

RotPozn — Roty przysięg Poznańskie, XIV w.

Rozm — Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa (ok. 1500). Wyd. A. Brückner. Kraków, 1907.

Sąd — Sąd Parysa 1542 r.

StRef — Szymon Starowolski. Reformacja obyczajów polskich. S.l., 1648.

Sprawa — Sprawa chędogo o męce Pana Chrystusowej (1544)

ZapWarsz — Zapiski i rotы polskie XV — XVI wieku z ksiąg sądowych Ziemi Warszawskiej. Kraków, 1950.

Ziel — Zielnik 1534 r.

Żywot — Żywot Pana Jezu Krysta (1522).

IV. Древнерусские источники цитируются по исследованиям: Потебня 1968, Макарова 1954, Маројевић 1983^а, 1983^б, 1983^в, 1985, Зализняк 2004 и по изданию:

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. Тт. I — VI. М., 1978–1984.

Сокращения названий памятников, цитируемых по указанному изданию:

Гал.-Вол. лет. — Галицко-Волынская летопись (ПЛДР III).

Девг. — Девгениево деяние (ПЛДР III).

Жит. Мих.Клоп. — Житие Михаила Клопского (ПЛДР V).

Жит. Серг. Рад. — Житие Сергия Радонежского (ПЛДР IV).

Зем. устр. — О земном устройении (ПЛДР V).

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись (ПЛДР II).

Корм. 1493 — Кормчая 1493 г. (ПЛДР IV).

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись (ПЛДР I).

Манасс. — Хроника Константина Манассии (ПЛДР VI).

Моск. пов.пох. Новг. — Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород (ПЛДР V).

Печ. пат. — Печерский патерик (ПЛДР IV).

Пов.еп. Вас. — Ермолай-Еразм. Повесть о рязанском епископе Василии (ПЛДР VI).

Пов. осл.Вас.II — Повесть об ослеплении Василия II (ПЛДР IV).

Пов. Петр. — Повесть о Петре, царевиче ордынском (ПЛДР VI).

Пов. пос.Добр. — Повесть о посаднике Добрыне (ПЛДР V).

Пов. Ряз. — Повесть о разорении Рязани Батыем (ПЛДР III).

Сев.-рус. лет.св. — Севернорусский летописный свод 1472 г. (ПЛДР V).

Сказ. Довм. — Сказание о Довмонте (ПЛДР IV).

Сказ. Драк. — Сказание о Дракуле (ПЛДР V).

Сказ. Мам.поб. — Сказание о Мамаевом побоище (ПЛДР IV).

Сл.п.Иг. — Слово о полку Игореве (ПЛДР II).

Твер. лет. — Тверская летопись (ПЛДР III).

Троян. ист. — Троянская история (ПЛДР VI).

Физ. XIII в. — Физиолог XIII века (ПЛДР III).

Хожд. Дан. — Хождение игумена Даниила в Святую землю (ПЛДР II).

Хожд. Никит. — Хождение за три моря Афанасия Никитина (ПЛДР V).

Хожд. Фл. соб. — Хождение на Флорентийский собор (ПЛДР IV). Кроме того, были использованы фотокопии книги XVIII в. «Історіографія початія имене, славы и разшіренія народа славянско-го...», Въ Санктпѣтербургской Тѣпографіи, 1722 (перевод сочинения Мавро Орбини «Славянское царство»).

V. Старославянские и церковнославянские памятники цитируются по трудам Miklosich 1883, Vondrák 1928, Večerka 1957, Байан 1952 и по изданию Stanislav III.

VI. Современные источники, литературные XIX–XXI вв., и диалектные:

1) чешские

Čapek 1975 — Čapek K. Hordubal. Povětroň. Obyčejný život. Praha, 1975.

ČNT — České nářeční texty. Praha, 1976.

Fuks 1967 — Fuks L. Spalovač mrtvol. Praha, 1967.

Jirous 1998 — Jirous I. M. Magorova summa. Praha, 1998.

Hrabal 1966 — Hrabal B. Automat svět. Praha, 1966.

Hrabal 1993 — Hrabal B. Obsluhoval jsem anglického krále. Sebrané spisy Bohumila Hrabala. Svazek 7. Praha, 1993.

Kolář 1990 — Kolář J. Prométheova játra. Praha, 1990.

Marek 1974 — Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha, 1974.

Neff 1976 — Neff V. Královny nemají nohy. Praha, 1976.

Neff 1980 — Neff V. Krásná čarodějka. Praha, 1980.

Neruda 1978 — Neruda J. Povídky malostranské. Praha, 1978.

Nezval 1936 — Nezval V. Ulice Gît-Le-Coer. Praha, 1936

Němec — Němec L. Průvodce povětrím a tmou. Praha, 1988.

Páral 1993 — Páral V. Playgirls. Praha, 1993.

Pludek 1978 — Pludek A. Faraunův písař. Praha, 1978.

Svěrák 1966 — Svěrák Z. Kolja. Filmová povídka podle námětu Pavla Taussiga. Praha, 1996.

Šinovsky 1945 — Šinovsky J. Hařdy na roli. Lašský román z havířské země. Ostrava, 1945.

Topol 1994 — Topol J. Sestra, Praha 1994.

Vaculík 1990 — *Vaculík L. Český snář. Praha, 1990.*

б) сербохорватские, болгарские и македонские

Andrić 1986 — *Andrić Ivo. Sabrana djela. Knjiga prva: Na Drini ćuprija. Sarajevo, 1986).*

БНПП — Българска народна поезия и проза. VI. Народни приказки. София, 1982.

БНПТ — Българско народно поетично творчество. Народни песни, народни приказки, пословици, поговорки, гатанки. София, 1980.

Български народни приказки — сайт «Наследство BG», раздел «Фолклор». Режим доступа: <http://www.ikostadinov.com/folklor/balgarski-narodni-prikazki>.

Верига — Веригата на божествената любов учителя Петър Дънов (Беинса Дуно). Годишни срещи 1903–1915. София: Издателство Захарий Стоянов & Издателство Бяло Братство, 2007. Режим доступа: <http://www.bratstvoto.net/vehadi/menu/b0/Verigata.pdf>

Дичева — *Дичева А. Мечти в джинси и сафари. София, 1986.*

МР — Македонски раскази. Скопје, 1979.

НП — Народни приказни. Скопје, 1964.

Хайтов 1977 — *Хайтов Н. Шумки от габър. София, 1977.*

Хитов — *Хитов П. Спомени от хайдутството // Панайот Хитов. Как станах хайдутин. Фамилиарни забележки. София, 1982.* http://www.promacedonia.org/bmark/ph/index.htm#** (цифра после фамилии автора отсылает к разделу текста)

Христоматия — *Андрейчин Л., Попова Е., Първев Х. Христоматия по история на новобългарски книжовен език. София, 1978.*

в) русскоязычные

Вайль-Генис 1991 — *Вайль П., Генис А. Родная речь. М., 1991.*

Гавел 1990 — *Гавел В. Трудно сосредоточиться. М., 1990.*

Грабал 2002 — *Грабал Б. Я обслуживал английского короля / Пер. Д. Прошуниной. М., 2002.*

Долинин 1988 — *Долинин А. А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.*

Лесков I, IV — *Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1956–1958. Тт. I, IV.*

Снегирев 2007 — *Снегирев А. Как мы бомбили Америку. М., 2007.*

СПИ — Слово о полку Игореве. Сборник / Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1985.

Этнонимия 1991 — *Ковалев Г.Ф.* Этнонимия славянских языков.
Воронеж, 1991.

СМИ:

русскоязычные

БГ — «Большой город»

АиФ — «Аргументы и факты»

ВМ — «Вечерняя Москва»

«Известия»

ИЛ — «Иностранная литература»

КП — «Комсомольская правда»

МЭ — «Мегаполис-Экспресс»

НГ — «Новая газета»

НМ — «Новый мир»

ОК — «Огонек»

«Феникс»

Ъ — «Коммерсант»

ЭМ — «Эхо Москвы»

Юн — «Юность»

чешские: «Respekt», «Studentské listy», «Týden»;

словацкий журнал «Slovenka»,

польские: «Polityka», «Życie Warszawy» (ŻW);

серболужицкие: культурное обозрение «Rozhled», нижнелужицкий еженедельник «Nowy Casnik» (NC)

С. С. Скорвид

**АТРИБУТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Сдано в набор 01.12.2018. Подписано в печать 15.12.2018.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,75 Тираж 100 экз. Заказ

ООО «МИК»

Москва, ул. Новая, д. 3, кв. 36.

ISBN 978-5-87902-391-6

9 785879 023916 >